

18+ Дарья Быстрицкая

Теория выбора и случайностей

Часть 2. «Кто есть кто, или Долой маски!»

Дарья Быстрицкая
Теория выбора и случайностей.
Часть 2. «Кто есть кто,
или Долой маски!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68043904
ISBN 9785005696168

Аннотация

Вражда между главами двух Обществ не прекращается. Не иссякает и вражда внутри древнего Общества... Анжелика и её друзья узнают чужую тайну, и им приходится расплачиваться за это знание. Кое-кто не умеет прощать ошибок. Всё бы ничего, но даже в отношениях Анжелики и её лучшего друга возникает напряжённость. Тайны появляются у них и друг от друга...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	54
Глава 4	96
Глава 5	152
Глава 6	182
Глава 7	205
Глава 8	250
Конец ознакомительного фрагмента.	274

Теория выбора и случайностей

Часть 2. «Кто есть кто, или Долой маски!»

Дарья Быстрицкая

Корректор Мария Сергеевна Миронова

© Дарья Быстрицкая, 2023

ISBN 978-5-0056-9616-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0056-8892-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события, персонажи, имена и фамилии вымышлены,
любые совпадения являются случайными.

Глава 1

Сентябрьское солнце проникало в окно библиотеки города Сибирска. Его лучи касались белых волос девушки, сидевшей за столом спиной к окну и заполнявшей карточку посетителя.

Закончив, та протянула её читателю вместе с ручкой. Её губы при этом изогнулись в вежливой улыбке. Пожилой мужчина улыбнулся в ответ, быстро расписался и, поблагодарив, покинул библиотеку. Она красивой рукой с аккуратными ногтями взяла карточку и положила на место. Той же рукой блондинка откинула свои тяжёлые длинные волосы на спину и прислонилась этой спиной к спинке стула.

Её звали Анжелика Нестерова. Обыкновенный библиотекарь с обыкновенной низкой зарплатой, но с необыкновенной внешностью и известной в городе Сибирске фамилией. Она была красива и приходилась младшей дочерью самому успешному бизнесмену города – Николаю Нестерову. Правда, внебрачной, но зато признанной официально.

Однако простым библиотекарем она была только для людей, а для тех, кто к их числу не относился, она была ведьмой из Общества Дьявола по прозвищу Ангела. Самой сильной ведьмой Сибири. Хранительницей Сердца Змеи.

Лица на мгновение прикрыла глаза, вспоминая, сколько всего случилось за прошедшие с бала в честь Посвящения

два месяца.

Леонид Бархатов стал полноправным членом стаи. Андрей был им очень доволен. Парень влился в их компанию, со всеми подружился и даже привёл к ним ещё одного волка, который стал его близким другом – Романа. Такой выбор несколько удивил его новых друзей, потому что сам Лёня оказался вполне общительным и жизнерадостным, однако паренёк умудрился найти подход к вечно мрачному Роме, и вскоре черти заметили, что Роман меняется в лучшую сторону под влиянием Бархатова, становится более весёлым и общительным, хоть и не в большой степени.

Ольга и Фёдор продолжали встречаться. Иногда Жуков приглашал девушку куда-нибудь на свидание, иногда они проводили время у него дома, а иногда – в компании друзей. Оба они выглядели счастливыми и от этого своего счастья сияли.

Федя брал Олю с собой, когда друзья ходили в гости к вампирам, и со всеми её познакомил. Ведьма уже была знакома с несколькими вампирами, но тех, с которыми общались Ангела и Волк, не знала, да и о Максимилиане Ахмедове слышала только по чужим рассказам. Макс и его ребятам Ольга понравилась, они были рады, наконец, с ней познакомиться.

Кира и Ярослав расстались. Они пришли к выводу, что не подходят друг к другу, и решили остаться приятелями.

Миша Самойлов переехал от родителей. В наследство от бабушки и дедушки по отцовской линии ему достался

дом, в котором он теперь поселился. Также он купил машину, потому что дом находился не очень близко от центра города и от места его работы. С Мишей же этим летом произошёл необычный случай.

Как-то раз в августе друзья в полном составе, да ещё с Олей, Петей и Игорем, шли по городу. Они о чём-то оживлённо беседовали, проходя по аллее, на которой всегда собиралась молодёжь. Неожиданно Михаил остановился. Проследив за его взглядом, черти увидели Катю, его младшую сестру.

Она была недовольна, раздражена и, судя по выражению лица, желала уйти. Рядом с ней находилась изрядно набравшаяся девушка и четверо не более трезвых парней. Брата Катя не заметила, потому что была слишком занята своими эмоциями и прощалась с подружкой. Она попробовала уйти, но один из парней схватил её и усадил к себе на колени, тут же принимаясь лапать. Екатерина стала вырываться. Она была в бешенстве.

– Эй, парень! – воскликнул Михаил дрожащим от ярости голосом. – Сестру мою отпусти. И руки свои при себе держи!

Вся компания на него оглянулась. Самойлова в ужасе посмотрела на изменившееся от гнева лицо брата. Пьяный парень просьбу проигнорировал, и его рука нагло скользнула по ноге девушки под юбку. Катя дёрнулась, а волки рванулись вперёд. Наглец тут же убрал руки от девушки, и она подскочила, как ужаленная. Остальные трое парней призва-

ли волков к спокойствию.

Анжелика тогда не на шутку испугалась. Мишу было сложно разозлить, потому что от природы он был спокойный и рассудительный, но в тот день он по-настоящему вышел из себя. Его глаза были прикованы к лицу обидчика сестры, и в них отражалась жажда убийства.

– Катя, пошли домой, – сказал он, по-прежнему глядя на парня. Он явно едва себя контролировал.

– Ладно-ладно, – развязно протянул пьяный паренёк. – Иди домой, крошка!

И он шлёпнул Екатерину по попе. Волки разозлились, но почему-то гораздо больше испугались реакции Самойлова. Мишины же глаза сию минуту вспыхнули жёлтым светом. Пьяные парни и девушка сочли это игрой воображения, но испугались всё равно, а Катя смотрела в землю, красная и униженная. Курганов положил другу руку на плечо, чтобы привести в чувство, и глаза того мгновенно приобрели нормальный, карий цвет.

– Извинись, – прошипел Михаил.

Парень расхохотался.

– А если не извинюсь? Вы все меня заставите, да? Не пацански как-то: всей толпой на одного.

– Ребята, отойдите, пожалуйста, – попросил тихо Самойлов.

Все черти понимали, что парень, конечно, в одиночку драться с их другом не станет – привлечёт приятелей,

но и знали, что Миша способен справиться со всеми четырьмя.

Члены Общества Дьявола кивнули и отошли. Никто из них не подумал о последствиях, кроме Ангелы: как только ситуация стала заруливать в опасном направлении, она скрыла их восьмерых с картины мира.

Драка была красивая. Михаил всегда уступал своим друзьям в скорости, но техника у него была лучшая, и эту самую технику он продемонстрировал. Екатерина потрясённо смотрела на брата во все глаза, волки и ведьмы поддерживали друга соответствующими выкриками, Краснов и Смирнов, дежурившие на участке, подошли ещё во время ссоры и теперь с удовольствием за происходящим наблюдали, также Самойлова поддерживая. Когда Миша закончил, неподалёку кто-то зааплодировал и засмеялся. Все повернулись и увидели Макса и Влада, стоящих возле автомобиля с улыбками на лицах. Ахмедов показал Михаилу большой палец, Рудаков просто улыбнулся, и они оба, посмеиваясь, сели в машину.

Самойлов в тот момент был не в состоянии ни улыбнуться, ни посмеяться, ни порадоваться своей победе – ему стоило больших трудов остановиться и не забить парней до смерти. Он молча взял за руку сестру, приветственно кивнул Саше и Коле и направился к друзьям. Те были довольны, улыбались, а Лёва даже радостно похлопал друга по плечу. Катя поздоровалась со всеми еле слышно и ни на кого старалась

не смотреть.

Миша через некоторое время опомнился и схватился за телефон. Волки и Ольга, увидев этот жест, вспомнили о Законе и испугались. Ангела тихо засмеялась.

– Виктор не позвонит, – спокойно сказала она с улыбкой.

Все взгляды тут же обратились на неё.

– Это была потрясающая драка, Миша, – продолжила девушка. – Считай, что это мой тебе подарок.

– Спасибо, подруга, – с чувством поблагодарил её Самойлов.

Друзья с облегчением выдохнули.

Михаил потом познакомил сестру с Олей, Игорем и Петей. Она, кстати, благодарила его горячо за защиту, когда в себя пришла, и оправдываться пыталась, но Миша оправдания слушать не желал: он и так знал, что его сестра не стала бы по собственному желанию проводить время в такой компании.

Об этой драке в Обществе Дьявола не узнал никто – зато узнали все в Обществе Максимилиана. Саша и Коля позаботились о том, чтобы всем стало известно, какой Миша – герой.

Анжелика невольно улыбалась, вспоминая, как они все в тот день Самойловым гордились, и какое удовольствие им доставляло Катино удивление. Надежда Семёновна косила на улыбающуюся Нестерову прищуренными и недовольными глазами, поэтому та схватила несколько книг и отправи-

лась их раскладывать.

Когда она закидывала магией на верхнюю полку книгу, ей вспомнилось, как в самом начале сентября она днём заглянула в книжный магазин. Она тогда ни на кого не посмотрела и сразу же направилась к полкам. Лика как раз рылась в одной книге, когда вдруг сделала шаг в сторону и с кем-то столкнулась. С извинениями она оторвала взгляд от страниц и подняла голову. И тут же замолкла: тем вторым, который тоже принялся извиняться, оказался Волк. Они потом долго хохотали, оценивали выбор друг друга и, в конце концов, Ангела предложила другу брать книги в её библиотеке. Он быстро согласился, и они в тот же день отправились в библиотеку, где ведьма завела карточку на Андрея и помогла ему выбрать книгу.

Недавно Туманов закончил ремонт в своём доме, и как раз сегодня, в пятницу, он пригласил друзей к себе, на новоселье. Они собирались пожарить шашлыки и таким образом отметить это событие.

Кое-как Анжелика дотерпела до окончания рабочего дня и, наконец, поехала к Волку домой. Он хотел отпроситься у Лёши пораньше и всё приготовить к приезду гостей, но те ему это запретили. Мужчины настаивали на том, чтобы готовить ужин всем вместе, потому что вожак стаи был мастер жарить шашлыки, и его подчинённые не желали, чтобы он отвлекался на остальные блюда и испортил основное.

Когда друзья вошли во двор, огонь в мангале пылал во-

всю. Андрей вышел встречать гостей. Сегодня они были в привычном составе, впятером. Ольга не смогла прийти, Игорь и Петя дежурили в лесу, а Лёня обещал помочь родителям.

Обменявшись приветствиями с Тумановым, ведьма с тоской посмотрела на опустевший огород. Урожай уже давно был убран, потому что на дворе стоял конец сентября. В то самое время, когда Волк собирал урожай, Лика находилась на сессии, которая закончилась в прошлое воскресенье. Недостатка в овощах девушка никогда не испытывала, потому что Лёва и Андрей всегда выращивали их больше, чем могли съесть и делились с подругой. В этом году овощами снабжать Нестерову обещал вожак стаи, а Курганов делился урожаем с Мишей, который вырастить свой не сумел по причине позднего переезда в новый дом.

От мангала приятно тянуло дымом. Ангела с удовольствием принялась, а потом проследовала с друзьями к дому.

– Кошку ты не запускал, да? – поинтересовалась ведьма у друга.

– Нет. Где мне её взять было?

– Можно сейчас запустить, – предложил Лёва. – Чисто для протокола.

– Кошки нет.

– Может, тогда волка вместо кошки первым впустить? – улыбнулась девушка, пытаясь втолкнуть в дом первым Туманова.

– Нет, – спокойно ответил тот. – Вместо кошки первой впустим женщину.

И втолкнул подругу в дом. Она рассмеялась и, обернувшись, наградила мужчину весёлым взглядом. Но как только Анжелика принялась осматривать дом, все посторонние вещи вылетели у неё из головы. Комнаты были прекрасно отделаны, мебель приобретена, естественно, у Ахмедова. Везде было светло, и чувствовался стиль.

Гостиная была просторная, без лишних нагромождений. Кухня – мечта любой хозяйки. Спальня – уютная, с огромной длинной кроватью. Ванная – аккуратная, строгая.

Присутствовала в этом доме и ещё одна комната, в которой не было ничего, кроме небольшого, раскладывающегося диванчика и маленькой тумбочки.

– Для чего эта комната? – спросила ведьма, оборачиваясь к вожаку стаи, стоявшему в проёме и прислонившемуся плечом к косяку. Волки ещё разглядывали спальню, поэтому друзья находились в комнате вдвоём.

– Пока для гостей, – тихо сказал Волк. – А вообще это... детская. Если у меня когда-нибудь будут дети.

– Если? – воскликнула Ангела и, стремительно приблизившись к мужчине, крепко обняла его. – У тебя обязательно будут дети, Волк. Не сомневайся. Ты ведь сам не интересовался девушками, потому что тебе некуда было их привести. Разве не так? Теперь у тебя есть дом, и ты можешь заняться поиском девушки. Всё будет хорошо. Не грусти. Ты же –

оптимист!

– Оптимист, – согласился Андрей. – Но иногда мне становится страшно. Мне двадцать девять лет, Лика! До тридцати уже недалеко. Я боюсь ничего не успеть.

Девушка рассмеялась.

– Не тебе бояться не успеть! Ты ведь мужчина, а мужчине жениться никогда не поздно. Вы даже с возрастом ценнее становитесь!

Туманов расхохотался, и всю его тоску как рукой сняло.

После того, как осмотр был закончен, трое мужчин проводили Лику и Андрея из дома. Вожак стал жарить шашлыки, а ведьма просто сидела рядом, чтобы ему не было скучно – так решили Федя, Лев и Миша, которые остались в доме готовить гарнир из подготовленных хозяином продуктов.

Нестерова немного посидела около друга, а потом встала, потому что он всё равно был занят, пристраивая на мангал шашлыки, и в её компании пока не нуждался. Она прогулялась по двору и вышла в огород. Там, на одном из заборов, сидела красивая чёрная пушистая кошка. Девушка её подозвала. Та грациозно прыгнула с забора и приблизилась. Ангелика взяла кошечку на руки и принялась гладить, возвращаясь к Волку и мангалу. Пушистый комок на её руках довольно замурлыкал. Ведьма села на лавочку. Животное, которого она прижимала к груди, отчего-то напряглось.

– Ты чего это, милая? – ласково осведомилась у кошки

Ангела и почесала её под подбородком. Та тут же расслабилась и снова стала мурлыкать.

Туманов закончил возиться с шашлыками и присел на лавочку рядом с подругой. Как только он повернулся к ней, его глаза впились взглядом в кошку. Заметив этот напряжённый взгляд, девушка сказала:

– Тебе надо было просто попросить меня, и я бы мигом достала кошку. Кстати, ты кошек любишь?

– Не знаю, – медленно ответил мужчина. – Раньше, кажется, любил, а теперь они меня не любят.

– Почему?

– Потому что я – волк, а домашние животные диких зверей не любят. И кошки, и собаки теперь меня терпеть не могут. Ведьм, кстати, домашние питомцы тоже не жалуют, за исключением кошек.

– Да ты что?! – воскликнула Лика и расхохоталась. – А я-то думала: почему когда я по улице иду, все собаки лаять начинают?! Из-за меня получается?

– Да.

– Надо же... – Девушка призадумалась. – Если ты вдруг захочешь завести кошку, то скажи мне: я попробую её к тебе приучить.

– Хорошо.

Нестерова покосилась на друга.

– А эту погладить хочешь?

Он внезапно смутился.

– Не знаю... Я не помню, когда последний раз гладил кошку... А ты от когтей этого пушистого зверя не пострадаешь?

– Нет. – Ведьма посмотрела кошке в глаза, продолжая поглаживать. – Милая, расслабься. Он не причинит тебе вреда. Он – хороший, очень хороший. Самый лучший на свете.

– Это ты обо мне что ли? – фыркнул мужчина.

– О тебе, о тебе. Давай руку.

– А, может, не надо?

– Надо. Давай.

Волк протянул руку. Ангела ухватила его за запястье и положила его ладонь на спину кошке. И кошка, и оборотень одновременно вздрогнули, но девушка прижала ладонь друга к телу пушистого зверёныша, накрыв своей, и стала пальцами поглаживать голову кошки. Через несколько мгновений та расслабилась, и Анжелика убрала свою руку с руки Андрея, предоставив ему свободу. Со смущённой улыбкой на лице он с наслаждением гладил домашнее животное.

Лица внимательно наблюдала за лицом вожака стаи, на котором застыло нежное выражение. Она вдруг задалась вопросом: а целовала ли его в детстве мама? Гладила ли по голове? Обнимала ли? Вообще, знаком ли он с нежностью? Конечно, Волк иногда проявлял нежность, мог обнять и утешить, но отчего-то девушке казалось, что в те моменты он руководствовался не своим жизненным опытом, а каким-то внутренним чутьём. Душу Нестеровой затопила жалость к этому красивому, но недолюбленному мужчине.

Она задумалась, по-прежнему прижимая кошку к груди. Рука Туманова нечаянно соскользнула с кошки и коснулась груди ведьмы, открывающейся в вырезе кофточки. Мужчина мгновенно отдёрнул эту руку. Скулы у него покраснели. Ангела тихо рассмеялась.

– Не смейся, друг! Не собираюсь я тебе пощёчину вlepлять за это.

Она вернула его руку к кошке.

– По-моему, ты ей понравился, – подытожила девушка.

– С чего ты взяла, что это она?

– Ни с чего. А что, это он?

– Ну, да. И я всё ещё ему не очень-то нравлюсь. Похоже, он видит во мне соперника. – Вожак поглядел коту в глаза. – Приятель, из нас двоих ты – гораздо пушистее, поэтому здесь мне тебя не обойти, но когда дело дойдёт до еды... ты точно проиграешь. Что ты можешь предложить даме? Мышь или китикэт? А я буду кормить её шашлыком. Что ты на это скажешь?

Андрей продолжал разговаривать с котом, между делом занимаясь шашлыком. Анжелика давилась смехом. Кот косил в сторону мужчины сердитым глазом.

Когда Федя, Миша и Лев вышли из дома, у Нестеровой от смеха уже более живот. В присутствии четырёх оборотней кот заметно обеспокоился, и девушка была вынуждена его отпустить. Трое мужчин, в отличие от Ангелы и Волка, были довольно серьёзными и задумчивыми, поэтому ведьма

поинтересовалась, в чём дело.

– Я просто узнал, что Аня недавно замуж вышла, – ответил Михаил.

– За кого? – осведомился Туманов. – Ты его знаешь?

– Да. К сожалению. – Самойлов вздохнул. – Вряд ли она будет с ним счастлива. Он – обычный смазливый козёл.

Волки понимающе кивнули, а Лика неожиданно рассмеялась.

– Мишка, про смазливых-то говорить осторожнее надо – здесь такие тоже имеются!

Мужчины рванулись возмущённо в её сторону, а она подскочила с лавочки и отбежала в сторону.

– Ты, кстати, тоже к их числу относишься! – продолжила ведьма, посмеиваясь. – Только ты у нас, Миша, – необычный смазливый козлик!

Самойлов, запрокинув голову, расхохотался во всё горло. Жуков, Курганов и Туманов вскоре не выдержали и присоединились к другу. На том тема была закрыта.

Друзья принялись выносить еду, так как ужинать планировали во дворе. Через несколько минут они уже сидели на лавочках и с наслаждением поглощали сочный, ароматный шашлык. Поначалу говорили о работе, о прошедшей неделе, но постепенно перешли на Общество Дьявола.

Сложившаяся в нём ситуация сильно огорчала ведьму и волков. Помимо Лёни в стае было ещё два «новичка»: Валера и Серёжа, которые сразу же прибились к компании Ни-

киты. Стычки и конфликты в стае стали делом обычным. Но если бы проблемы были только среди волков! Положение ведьм было не намного лучше: их притесняла Группа внутреннего порядка. Правда, та же Группа притесняла и стаю. На волков вообще давили со всех сторон, но у них в отличие от ведьм было более развито чувство общности, они были настоящим коллективом, единым целым, а у ведьм этого преимущества не имелось. Владимир Петрович делал вид, что ничего не происходит, и никаких мер не предпринимал. Вожак стаи и сын Дьявола контролировали ситуацию, насколько хватало сил. У Андрея это получалось более продуктивно, потому что он, как вожак, имел над нерадивыми подчинёнными кое-какую власть, да и умел привлечь стаю себе в помощь. Лёша на Группу внутреннего порядка повлиять никак не мог, поэтому ему оставалось лишь поддерживать своих ведьмочек и при любом удобном случае самому отражать удар.

– Чем мы лучше людей? – спрашивал Лёва. – У нас так же есть своя группировка, которая всех терроризирует. И у нас полно никчёмных работников, которые нарушают все мыслимые и немыслимые правила, Законы, но которых никто не выгоняет из Общества. Зачем Дьявол их держит? Из жалости? Ведь это у людей сложно кого-то уволить без серьёзного повода, а у нас – всё гораздо проще. Да и поводов, тот же Назин, дал предостаточно!

Друзья активно кивали головами, соглашаясь с мужчиной.

– Неужели же Владимир Петрович ничего не замечает? – воскликнула Анжелика.

– Да всё он замечает, – отмахнулся Федя. – Просто делать ничего не хочет.

– А мне кажется, что он вообще сумасшедший, – вставил Курганов.

– Ты что, Лёва?!

– Я серьёзно! Когда я его первый раз увидел, мне показалось, что у него с головой не всё в порядке. С психикой то есть. Не понимаю, как Лёха с ним живёт.

– Кстати, о Лёхе, – встрял Волк. – Он стал, как тень: не видно, не слышно.

– Мне кажется, он похудел сильно за последнее время, – поделилась мнением девушка.

– Пожалуй, – согласились мужчины.

– Интересно, а как он вообще раньше жил? – любопытствовал Федя. – Он всегда был такой добрый? Хотел бы я знать, каким Лёха был лет в пятнадцать.

– Да таким же и был, – спокойно ответил Миша.

– Откуда ты знаешь?

– Он тоже учился в нашем педу. Правда, всего один год: потом от вечерней школы экзамены сдал, аттестат получил и уехал учиться в университет.

– Ух ты! – восхитилась Ангела. – Вы были знакомы до Общества?! А вы в одной группе учились?

– Нет. У нас на первом курсе было три группы: первая –

спортфак, вторая – это где я учился и в третьей – Лёха и Аня. Аня, кстати, обожала Лёшу. Впрочем, все девочки в их группе были от него в восторге.

– А вы общались? – спросил Жуков.

– Первые полгода – совсем нет. Все, конечно, знали, что в той группе учится сын Владимира Чернова, и в лицо его знали, но общался он в большинстве своём только с одногруппниками. Я был в курсе, что девчонки из их группы его обожают, и парни вполне уважают. Учителя его любили, потому что он был умный в отличие от многих парней.

– А когда вы общаться-то начали?

– В феврале. У нас в педу ко Дню Защитника Отечества каждый год устраивали не то строевой смотр, не то соревнования для парней. Участвовало всегда пять команд: четыре из них – это группы спортсменов со всех курсов, а пятая – сборная со всех остальных отделений. Вот мы и оказались в одной команде, где и познакомились. Помню, когда мы к конкурсу готовились, выбирали того, кто стрелять из пневматического ружья будет, Лёха сразу вызвался, а учитель сомневался, но как только Лёха показал, на что способен, все сомнения сразу отпали. Он уже тогда умел из любого оружия стрелять. – Миша улыбнулся. – Непосредственно на самих соревнованиях, когда дело дошло до ружья, и Лёху вызвали, все парни со спортфака на него со снисхождением смотрели. А после того, как закончил, высокомерия у них заметно прибавилось: он ни разу не промахнулся. В тот день количество

его поклонниц ещё больше выросло: тогда девушки со всех групп от него в восторге были.

– Его внешность тому способствовала, да? – усмехнулась ведьма.

– Точно! – рассмеялся Самойлов. – И его уже в пятнадцать щупленьким назвать было нельзя.

– А после соревнований вы как общались? – осведомился Курганов.

– Здоровались, могли перекинуться парочкой слов, но не более того. Лёха уже тогда добрый был и вряд ли бы был против, но я сам как-то не стремился. Стеснялся, наверное.

– Ясно, – протянула Лика.

Затем друзья перешли на другие темы, а Нестерова подумала о том, что они все ничего толком не знают о Лёше, его жизни и в особенности – об их с Дьяволом отношениях.

Глава 2

В летнем зале было светло и тепло. Ведьмы и волки лениво слонялись по помещению. Некоторые стояли в определённых компаниях и разговаривали, а другие переходили от одной к другой, ненадолго прибавались, а потом продолжали путешествие по залу.

Мужчины были преимущественно в костюмах, за редким исключением, а женщины – как разноцветные бабочки. Их наряды отличались богатым разнообразием: кто-то был в платье, кто-то – в юбке и кофте, а кто-то – в брючном костюме. Платья были длинные и короткие, светлые и тёмные, простые и со сложным кроем. По каждому из них можно было судить о вкусе хозяйки. Редко у какой ведьмы или волчицы наряд был безвкусный. К числу тех женщин, у которых вкус к одежде определённо имелся, принадлежала Ангела.

В данный момент она находилась в компании ведьм, куда её привела Ольга. Среди прочих здесь присутствовали Кира, Оксана, Лиза, и даже с краю приклеились Марго с Алиной.

Сегодня блондинка надела строгое тёмно-синее платье, которое удачно оттеняло её голубые глаза. Вообще, девушка всем цветам в одежде предпочитала чёрный, и он никогда не ассоциировался у неё с трауром. Об этом она не думала – он просто ей шёл и всё.

Женщины обсуждали самые разнообразные темы. Одной

из них, конечно же, были мужчины.

– А у тебя с Лёвой роман? – спросила Полина ведьму по имени Виктория.

– У меня?! Нет, конечно. С чего ты это взяла?

– На днях видела, как он от твоего дома отъезжал.

– Ах, это!.. У меня пробки выбило, а я в электричестве ничего не понимаю – вот и позвала Лёву.

– А благодарить как будешь?

– Я уже поблагодарила. Сказала «спасибо».

– И всё? – с сомнением подняла бровь Полина. – И ничего у вас не было?

– Не было. Лёва не из тех, с кем нужно расплачиваться, да тем более таким способом.

– Ну и что? Ни за что не поверю, что у вас ничего не было. И ты зря так ершишься: ничего зазорного в этом нет. Все знают, что перед Кургановым устоять невозможно. Он только улыбнётся, и ты уже готова всё ему позволить. К тому же, в отличие от многих мужиков он умеет доставить женщине удовольствие. У всех девчонок, у которых с ним был роман, потом самооценка значительно повысилась. Потому что Лёва с каждой обращается так, словно она первая красавица на белом свете. Он умеет это внушить.

– Хм, – задумчиво хмыкнула Вика. – Во-первых, Лёва – не лгун: если он говорит тебе, что ты – первая красавица, значит, он искренне так считает, а во-вторых, с твоей стороны не очень умно обсуждать его в такой компании. Оля-то

тебе это, может, и простит...

– И то вряд ли, – буркнула Ольга.

– ... а от Ангелы ты вполне можешь получить. Она Лёву любит, и я, кстати, тоже. Но не как мужчину, а как брата, если ты вдруг вздумаешь придраться к слову.

– Как брата?

– Да. Яна, – обратилась ведьма к приятельнице, – скажи ты ей, что Лёва мне, правда, как брат! Мы с ним на одной улице выросли. Через два дома друг от друга жили. Я его семью знала, и брата я Лёвиного обожала!

– У Курганова был брат? – удивились многие женщины.

– Ага, младший. Кирюхой его звали. Такой мальчишка хорошенький был! В веснушках весь. Солнечный ребёнок. Улыбался всегда во весь рот. Я больше Лёвы его любила: он добрее всегда был. Правда, теперь я понимаю, что Кирилл в отличие от Лёвы и благодаря ему с реальностью сильно не сталкивался. Его беды не касались – все проблемы решал Лёва. Даже удивительно, что Лёва сумел остаться таким добрым и весёлым.

– А что за страшная жизнь у Курганова была? – с иронией осведомилась Оксана. – Я ничего о нём не знаю.

Многие ведьмы её поддержали. Виктория замялась, не хотела рассказывать, но была вынуждена, так как сама уже разожгла любопытство у собеседниц.

– У Лёвы родители алкаши были. К ним домой бичи и такие же запойные алкоголики толпами ходили. Правда, пери-

одами: иногда у Лёвы терпение кончалось, и он устраивал родителям бурный скандал, выводил их из запоя, но это уже позже было. Наверное, после того, как Кирилл родился. Кажется, нам с Лёвой тогда было лет по девять. А до этого Курганова ситуация сильно не беспокоила. То есть... он делать ничего не пытался. – Вика тяжело вздохнула. – Его уже в начальных классах проблемным ребёнком считали. Он к какой-то не очень хорошей компании прибил, пакостил вместе с ними. В милиции на учёте состоял. В общем, он и сам потом курил, пил. По пьянке подраться с кем-нибудь мог. Впрочем, и не по пьянке запросто мог. Девчонки всё равно от него тащились: он обаятельным быть умел, да и плохая репутация делала его более привлекательным. А вот мальчишки связываться побаивались: Лёвка был агрессивный, легко мог по морде дать – никого и ничего не боялся, ни перед кем не лебезил, не пресмыкался. Такие же, как он, его уважали.

– А его родители работали? – спросила Кира.

– Нет.

– На что же они тогда жили? – удивилась Полина.

– Мать его пенсию по инвалидности получала. Отец изредка, когда Лёва в чувство его приводил, мог подработать. Но это очень редко случалось. А Лёва бутылки сдавал, за физическую работу брался, когда постарше стал.

«И подворовывал», – подумала девушка, но вслух не произнесла.

Ангела эту её мысль услышала и была ей очень благодар-

на за то, что не высказала её вслух и не очернила Курганова. Сердце Лики тоскливо сжалось, когда она в полной мере осознала, какую жизнь Лёве приходилось вести. Никто не вправе его судить: он выживал, как мог.

– Лёва огород сам сажал, – продолжала Виктория. – Пытался у матери деньги отобрать, когда она их только получала, чтобы не пропили, но это ему нечасто удавалось. Проще говоря, Лёва крутился, как только можно было, и всё для Кирюхи.

– Почему его родителей не лишили родительских прав? – поинтересовалась Оля.

– Потому что как только к ним домой являлся кто-нибудь из соответствующих органов, всё тут же становилось едва ни идеально. Лёва всегда каким-то непонятным образом чувал, когда к ним нагрянут, и начинал суетиться, родителей в чувство приводить. А мы, соседи, молчали в тряпочку, потому что однажды кто-то брякнул что-то, куда не надо, и к Кургановым домой пришли. В самый неудачный момент пришли. Лёву с Кириллом в приют забрали, хотя и ненадолго. А потом Лёвка узнал, что это кое-кто из соседей лишнее сболтнул, и устроил грандиозный скандал. С тех пор в их дела больше никто не лез. Да и вообще лишить родительских прав очень сложно.

– А почему Лёва был против лишения родителей прав? – спросила Лиза.

– Наверное, боялся, что их с Кириллом по разным детдо-

мам распахают: всё-таки большая разница в возрасте – девять лет. Да Кирюха сильно не страдал от всей этой ситуации – больше Лёва, а он был привычный. Кирилл, мне кажется, даже не понимал толком, что происходит. Если в доме устраивался дебош, а Лёвы дома не было, он к нам прибегал. Это я его всегда приваживала – нравился он мне. Мы с родителями его чаем поили. – Виктория улыбнулась задумчиво. – Помню, когда Кирюха первый раз из дома сбежал к нам, а Лёва домой пришёл и его не обнаружил, он был в панике. По всем соседям стал бегать и искать братика. А потом уже всегда его у нас искал. Мои родители и его пытались вечно чаем напоить, а он всегда отказывался: гордый был. Но вообще-то Кириллу нечасто приходилось у нас перекантовываться: Лёва старался его не бросать и, когда чувствовал, что дома очередное сборище намечается, брал его с собой. Они по улицам таскались, а летом даже где-то ночевать умудрялись. С Лёвой Кирюха был, как за каменной стеной.

– Стоп! – нахмурилась Оксана. – А почему мы о Кирилле всё время в прошедшем времени говорим?

– Потому что его больше нет. Он погиб. Родители Лёвы вместе с Кириллом в аварию попали. Никто не выжил. – В глазах у рассказчицы блеснули слёзы. – Ближние к Кургановым соседи слышали, что у них скандал был днём. Родители хотели взять Кирилла с собой на речку, а Лёва был против, запрещал. Потом его минуты на две из дома вызвали приятели какие-то, а когда он вернулся, их уже и след про-

стыл. Лёвка по домам бегал, спрашивал, кто и что видел. Он был в отчаянии. А вечером сообщили, что трагедия случилась. Я помню, какое у Лёвы было лицо, – я видела. Соседи потом, конечно, с похоронами помогали, со всей организацией, потому что Лёва был не в состоянии: он вообще ушёл сразу и в доме закрылся. Бедный... Он так Кирюху любил! Заботился о нём. А на смерть родителей ему плевать было – он их ненавидел. Вот так-то. И ничего, Полина, у меня с Лёвой не было и не будет: я к нему по-родственному отношусь.

– Я бы на твоём месте не зарекалась, – заметила Полина. – Чем чёрт не шутит... ой!..

Вся компания расхохоталась над этим выражением.

– Да не будет, не будет! – стояла на своём Вика. – У меня парень есть.

– Да ты что?! – хором воскликнули женщины. – И кто же это?

– Вампир, – покраснев, призналась девушка.

– Как зовут? – осведомилась Полина.

– Володя, Вова. Но всего его почему-то Владом называют.

– Рудаков?! – в один голос вскричали Оля и Лика.

– Да, – смутилась Виктория.

– А кто он? – полюбопытствовала Оксана.

– Лучший друг Максимилиана, – ответила Нестерова. – Его зам и правая рука. Кстати, успокоить Макса, привести в чувство может только Влад.

– Он умный, спокойный, добрый, – добавила Ольга. –

И чертовски хорош собой.

– Ничего себе! – рассмеялись ведьмы.

– А почему его Владом все зовут? – поинтересовалась Оксана, глядя при этом на Анжелику. Той и пришлось отвечать:

– Это Макс первый начал. Он ненавидит имя Владимир, не переносит сокращений «Вова», «Володя», поэтому переделал его. А за Ахмедовым и все остальные стали Рудакова Владом звать. Хотя некоторые зовут Вовой или Володей – кому как нравится.

– Вот как...

Блондинка кивнула. Её взгляд переместился на Викторию, смущённо смотревшую на неё.

– Я и не знала, что у Влада девушка есть, – улыбнулась Ангела. – И давно вы встречаетесь?

– Полгода.

– Полгода?! А он молчит! Сволочь. Что ж, я за вас очень рада. Влад – хороший парень. Ты не пожалеешь – это точно.

– Я знаю, – с тихой улыбкой сказала Вика.

Некоторые женщины вновь принялись беседовать, но беседа отчего-то не клеилась. А Лика в это время вспоминала, как Лёва рассказывал ей о своей жизни, когда они только начали дружить. О своём брате он тогда говорил не очень подробно, даже можно сказать, что упомянул вскользь, и девушка была уверена, что с братом они общались не очень тесно. Но теперь поняла, что ошибалась. Курганов лишь пытался делать вид, что произошедшая трагедия его уже не тро-

гает. Он почти не рассказал ничего о брате, потому что, получается, на тот момент всё ещё не пережил его гибель. Поэтому что она по-прежнему причиняла ему боль.

Анжелика и так любила Лёву, знала, что он способен на глубокие чувства, а теперь убедилась в этом на конкретном примере. И стала любить его ещё больше.

– Кстати, Полина, – очнулась вдруг Виктория, – а почему ты так Лёвиными романами интересуешься? У тебя что-то с ним было?

– Нет. Он не предлагал.

– А, если бы предложил, то ты бы согласилась?

– Если бы не была замужем и не любила так сильно своего мужа, то да. В молодости это вряд ли бы случилось: я была раньше стеснительная. А вот теперь многим девчонкам завидую, потому что у них есть возможность связаться с Лёвой. С какими-то парнями роман опустошает и создаётся ощущение, словно тебя грязью облили, да и вообще унижает как-то, а с Лёвой – напротив. Он хоть и бабник, но добрый, хороший и совсем не подлый. В нём нет никакой пакостности и мерзости. Мне кажется, с ним весело. И можно много положительных эмоций получить... Спасибо тебе, Вика: я-то боялась, что Лёва так и будет у нас, как бабочка порхать, а теперь выясняется, что он вполне способен преданно любить. Да-а... повезёт той, которую он полюбит.

Больше о Лёве не было произнесено ни слова. Все перемалывали полученную о нём информацию.

Нестерова переживала из-за того, что о жизни Лёвы узнали многие ведьмы, хотя и понимала, что даже если бы она остановила Вику сейчас, женщины всё равно вытянули бы из неё эту информацию позже. К тому же, из собравшейся компании никто не посмеет использовать услышанное против мужчины: ведьмы присутствовали только достойные – одна Алина, по мнению Ангелы, к их числу не относилась, но, как чувствовала ведьма, она испытывала к Курганову определённую симпатию, несмотря ни на какие трения между стаей и Группой внутреннего порядка. Дополнительно ко всему, Лика питала надежду, что Маргарита не позволит своей подружке как-то навредить Льву.

Анжелика, Ольга и Кира снова стали беседовать с коллегами, однако продолжалось это недолго: вскоре к компании женщин приблизился Лёва.

– Оленька, милая, – обратился он к девушке, – что-то ты совсем пропала. Федька, между прочим, без тебя там уже с ума сходить начинает. Ты не могла бы ему хотя бы ручкой помахать, чтобы он успокоился?

– Да мы сейчас вернёмся уже, наверное. Да, девочки?

Кира и Лика кивнули.

– Хорошо, – довольно подытожил Курганов и только теперь заметил, что все женщины на него уставились. Он смутился. – Ой, а что на меня все так смотрят? Я тут лишний в женской компании, да? Прошу прощения. Сейчас исчезну.

– Нет-нет! – в разнобой вскричали ведьмы, опомнившись.

– Вика, оказывается, с Владом Рудаковым встречается, – с весёлой улыбкой сообщила другу Ангела.

– Да ты что?! – Лев посмотрел на Викторию. – Серьёзно? Даю тебе своё благословение!

– Спасибо! – расхохоталась девушка.

– А вы, правда, на одной улице выросли? – спросила Оксана.

– Ну, да, – спокойно ответил Курганов.

– Лёва меня, кстати, со всеми в Обществе знакомил, когда я пришла! – сказала Вика с гордостью. – Да, Лёва?

– А как же! Соседям помогать надо... Ну что, пошли? – обратился мужчина к подругам.

– Пошли, – согласились те, и они вчетвером вернулись в компанию волков.

* * *

Субботним вечером, четвёртого октября, Ангела стояла в переполненном людьми зале особняка Нестерова. Сегодня у её отца был юбилей – 55 лет. Её, естественно, позвали, и она уже даже поздравила отца с праздником. Теперь же девушка просто прислонилась к стене и наблюдала за происходящим.

Саша Петрова разглядела её в толпе и поманила к себе. С неохотой Анжелика оторвалась от стены и подошла к девушке. Они немного поговорили, а после Александра удалась. Ведьма осталась стоять одна среди спящих туда-сюда

людей.

– У тебя, как всегда, шикарный вырез, – раздался рядом весёлый, очень мужской голос.

Лица не повернулась, но её губы против воли растянулись в улыбке. Всем существом она почувствовала, что Максимилиан тоже улыбается.

– Не знала, что ты здесь будешь. С чего вдруг? Прежде вы с моим отцом друг друга несильно-то жаловали.

– И сейчас не жалуем, но нравится твоему отцу это или нет, считаться ему со мной придётся. Кажется, теперь он это понял.

– Что ж, тогда добро пожаловать в этот дом и сумасшедшее сборище местных бизнесменов.

– Благодарю, – в голосе Ахмедова послышался смех.

Со стороны казалось, что эти двое просто стоят рядом, и они оба эту иллюзию поддерживали, стараясь говорить так, чтобы никто не увидел.

– Уверена, что наше знакомство не стоит афишировать? – спросил Макс.

– Если тебя это обижает, то я не против его обнаружить, но считаю, что это неразумно.

– Желание дамы для меня закон...

В компании бизнесменов велись скучные разговоры о бизнесе, которые Ангеле приходилось слушать последние полтора часа. Она едва сдерживала зевету.

Максимилиана с ней уже «познакомили», и это был самый

забавный момент за весь вечер. Его тёмные завораживающие глаза не раз обращались на неё, но этим всё и ограничивалось. Говорить с ним девушке не было положено по роли, потому что, во-первых, в разговоры о бизнесе она никогда не вмешивалась, а во-вторых, все знали, что она не жалуется такой тип мужчин, к которому принадлежит Максимилиан, а именно бабника.

Бизнесмены пытались на Ахмедова нападать, но тот отражал удары без видимых усилий, как бы шутя. Чувствовал он себя легко, и ничто не могло его ни смутить, ни испугать – так Макс был в себе уверен. Среди гостей было много женщин: молодых и не очень, но на которых одинаково положительно действовала энергетика Максимилиана, что в свою очередь способствовало хорошему расположению духа Ахмедова и сдерживало бизнесменов. Те вели себя осторожно, не желая попадать в немилость к своим женщинам.

Сложившаяся ситуация самую малость веселила Анжелику, но в большинстве своём она изнывала от скуки и уже жалела, что поддалась на уговоры отца остаться в этом доме ночевать. С каким бы удовольствием она уехала отсюда сию минуту!

Кристине, по всей видимости, Максимилиан приглянулся, но тот в отличие от Андрея (который по своей природе был вежлив и не мог обойтись с женщиной грубо, унижить её) вполне спокойно давал ей понять, что она его совершенно не интересует. Его насмешливый и снисходительный взгляд,

обращённый к Кристине, говорил сам за себя: она была ему глубоко безразлична и вызывала лишь лёгкое презрение. Однако Кристине не хватало ни ума, ни сообразительности понять это, и лишь смутное подозрение, возникшее на задворках сознания, шептало, что что-то в обращении этого красавца с ней не так. Но та его почти не слушала, уверенная, что никто не может устоять перед ней, дочерью Нестерова. В принципе, это убеждение было не безосновательно, потому что мужчин к Кристине всегда тянуло, чего не понимала никогда Ангела. Ей казалось очевидным, что сестра – пустышка, к тому же, не очень красивая. Она сама мужской пол не слишком-то жаловала и хорошо относилась лишь к единицам, но всё равно ей было интересно, почему практически все мужчины западают на Кристину и совсем не подходят к ней, Лике, хотя она гораздо красивее. Это оставалось для ведьмы загадкой и вызывало лёгкое недоумение.

Беседы в кругу бизнесменов велись наискучнейшие и, по большей части, пустые. Нестерова-младшая искренне старалась заинтересоваться хоть чем-нибудь, но не удавалось. Постепенно её мозг отключался, но совсем отключиться у него так и не получилось.

– Кстати, все слышали последние новости? – осведомился Петров. – Станислав Сергеевич, раз уж вы здесь, то, может, поясните, что это за слухи ходят?

– Вы об Ангеле и Волке?

Лика едва сумела удержаться и не вздрогнуть. Взгляд Ах-

медова мгновенно обратился на неё, приказывая, заставляя держать лицо. Она подчинилась.

– Да-да, – подтвердил Петров. – Именно о них. Что на сей счёт думают правоохранительные органы?

– Да думать здесь можно всё, что угодно. Кажется, там говорится о некоем Обществе Дьявола, к которому они принадлежат? Что тут сказать: это может быть и организованная бандитская группа, и, например, секта. Но всё это только сплетни. Нет страшных преступлений, никаких подозрительных дел в городе не творится, никто ни о чём не заявлял. Кто-то что-то подслушал, и мы даже не знаем кто!

– А что это за сплетни? – ровным, спокойным голосом умудрилась поинтересоваться Анжелика.

– Ты не слышала?! – удивились многие из присутствующих.

– Нет.

– Какая-то женщина случайно услышала, как двое парней говорили об Ангеле и Волке из Общества Дьявола, которые творят какие-то непонятные дела в городе, – пояснил Петров. – Кстати, они говорили и о том, что Ангела и Волк дружат с главой Общества Максимилиана.

Все взоры обратились на Ахмедова.

– Максимилиан, вы единственный человек в городе с таким необычным именем, – заметил ядовито Серов-старший. – Что скажете по этому поводу?

Макс тихо рассмеялся.

– Уж и не знаю, кто из моих ярых «поклонников» додумался назвать меня и моих подчинённых Обществом Максимилиана. Это довольно забавно. Но всё это лишь слухи и, как заметил Станислав Сергеевич, кто является источником, неизвестно. К тому же, зная склонность людей приукрашать увиденное и услышанное, дополнять его своими собственными фантазиями, я бы не стал полагаться на полученную информацию, потому как её достоверность вызывает сомнения. Этот разговор прошёл через множество людей, и, как он выглядел в своём первоначальном варианте, мы уже никогда не узнаем.

– Всё верно говорите, Максимилиан, – согласился Петров. – Но у вас всё же есть такие друзья? Я имею в виду Ангелу и Волка.

Ахмедов улыбнулся.

– Врать не стану: есть. Но об Обществе Дьявола я слышу впервые и могу поручиться, что мои друзья не состоят ни в какой секте и уж тем более – бандитской группировке. И должен упомянуть, что мою подругу прозвали Ангелой, потому что она похожа на ангела и внешне, и внутренне. Поэтому мне довольно обидно слышать подобные вещи о моих друзьях: они склонны помогать людям, а не наоборот.

– Вот как? – задумчиво протянул Николай Нестеров.

– Да, именно так.

– А вы не могли бы нас с ними познакомить? – любопытствовал Серов. – На сегодняшний день они самые извест-

ные в городе люди.

«Не люди», – мысленно поправила его Ангела.

– Не вижу в этом необходимости, – холодно ответил Макс. – Мои друзья не горели желанием получать подобную известность, а потому и открываться кому бы то ни было не намерены. Ни к чему усложнять им жизнь.

Вскоре эту тему оставили, и ведьма на пару с вампиром вздохнули свободно. Лица долго не могла прийти в себя после пережитого потрясения. У неё кружилась голова. Через какое-то время она решила, что полезно будет выйти на воздух. Нестерова покинула зал.

Когда она вышла на крыльцо, оказалось, что кто-то её уже опередил и занял то самое место, о котором она мечтала.

С крыльца можно было спуститься по центральным ступенькам и по боковым, которые располагались вдоль дома справа и слева. Вдоль боковых ступеней шли перила, на которые удобно было облокотиться. Шторы на окнах фойе были закрыты, отчего по обе стороны от входа создавалась тень, в которой можно было спокойно устроиться и подумать.

По правую сторону от Анжелики, облокотившись на перила в той самой тени, стоял кто-то, кто, видимо, испытывал в данный момент потребность в одиночестве. Девушка растерялась и попятилась назад, не желая нарушать чьё-то уединение, но каблуки, хоть и тихо, однако предательски застучали. Голова человека резко повернулась. Ангела тут же узнала его: это был Дмитрий Горлов, сын Станислава Сергееви-

ча. Ведьма была с ним немного знакома: несколько раз Станислав Сергеевич приходил в дом Нестеровых вместе с ним. Старшую дочь Горлова Лика тоже знала, и та даже с ней всегда здоровалась при встрече.

Дима был примерно на год старше Ангелы. Его нельзя было назвать красавцем, но в его лице было что-то приятное, когда он улыбался. Впрочем, и серьёзное выражение, которое чаще всего присутствовало на его лице, тоже выглядело весьма приятно.

– Извини, – тихо произнесла ведьма. – Я помешала, да? Я сейчас уйду.

– Нет-нет! – воскликнул парень. – Не надо. Если хочешь побыть одна, то я могу уйти.

– Да нет. Я просто вышла подышать воздухом.

– Если ты не против, я останусь.

Анжелика рассмеялась.

– Мне кажется, что это я должна спрашивать твоего разрешения: всё-таки первым это место занял ты.

– Но это твой дом.

– Уже нет. И не говори, что Станислав Сергеевич тебе об этом не говорил.

Дима смутился.

– От того, что ты переехала жить отдельно, этот дом не стал тебе чужим. Ведь родительский дом всегда остаётся своим.

– Вообще-то для меня родительским является именно тот

дом, в который я переехала жить.

Девушка улыбнулась собеседнику, чувствуя, как ему неловко затрагивать эту тему. Она постаралась дать ему понять, что не намерена переносить своё раздражение и обиду с отца на сына. Горлов-младший немного расслабился. Ангела приблизилась и, прислонившись поясницей к перилам, посмотрела на парня.

– И давно ты здесь торчишь? – поинтересовалась она и тут же поняла, как глуп этот вопрос. Хлопнув себя по лбу, она рассмеялась. – Впрочем, зачем я спрашиваю? Ведь и так ясно, что давно. Я не видела тебя в зале с самого начала вечера.

Дима виновато опустил глаза. Его губы тронула слабая улыбка. Что нужно сказать в своё оправдание, он не знал. А ведьма и не думала его упрекать или отчитывать.

– Светские развлечения не для тебя? – с лукавой улыбкой спросила она.

На этот раз парень улыбнулся более искренне.

– Я – простой смертный и среди богатых и сильных мне не место. Отец чувствует себя здесь как рыба в воде, а я – нет, несмотря на то, что нахожусь в подобном окружении не впервые. К сожалению, общительность никогда не была моей отличительной чертой.

– Хм. Боюсь, в подобной компании никакая общительность не поможет. Для того чтобы стать своим среди них, нужно совсем не иметь ни мозгов, ни души, ни нравствен-

ных принципов...

Её речь оборвал весёлый смех Димы.

– Ты со мной не согласен? Или хочешь что-нибудь добавить?

– Могу добавить: чтобы стать своим среди них, нужно иметь массу высокомерия, быть самовлюблённым и уверенным в своей собственной неповторимости, не имея на то никаких оснований и вообще ничего из себя не представляя на самом деле.

Лица расхохоталась.

– Поддерживаю тебя во всём. Такая она и есть эта богатенькая молодёжь. Их родители помешались на деньгах, но они эти деньги хотя бы сами заработали, а их дети в этой жизни ничего не добились сами, да и не намерены делать этого, так как родители преподносят им всё уже готовым.

– Я всегда удивлялся тому, что ты в их обществе умудрилась не испортиться. Тебе ведь было четырнадцать, а это самый подходящий возраст для того, чтобы поддаться чему-нибудь не очень хорошему.

Девушка пожала плечами.

– Мне кажется, возраст здесь ни при чём. Если у тебя есть твёрдые моральные принципы и представления о том, что хорошо, а что – плохо, то ты никогда не поддашься. А если их нет, то ты поддашься в любом возрасте.

– Пожалуй, – согласился Горлов.

Они помолчали.

– Отчего ты такой грустный, Дима? Кстати, где ты сейчас? Ты ведь вроде юридический заканчивал?

– Да, закончил. Сейчас в нашем отделе работаю. Участковым уполномоченным.

– Нравится?

Парень помедлил с ответом.

– Нет. Но я искренне надеюсь, что по тому, как я работаю, этого не видно. Мне кажется непростительным плохо работать. Несмотря ни на какие условия.

– Интересная мысль, – задумчиво заметила Нестерова. – Но почему ты тогда поступал на юридический?

Дима поёжился, и по тому, как он неловко прятал глаза, она догадалась, в чём причина.

– Ага... Станислав Сергеевич настоял?

Парень вздохнул.

– У отца тяжёлый характер. То есть... властный. Впрочем, с иным характером он не стал бы заместителем начальника ОВД.

– Да уж.

– Меня бесит, что все знают, что меня пристроил отец. Он собирается ещё засунуть меня в уголовный розыск, когда на пенсию уходить будет. А юридическая работа не для меня. Мне это неинтересно, да ещё сверху начальство постоянно давит... В общем, нервы на этой работе портят основательно. И мне в ней чего-то не хватает. Смысла, наверное. Всё слишком приземлённо, и бумаг ненужных очень много.

Да и не моё это совсем! Мне бы хотелось чего-то более... спокойного, может. Или высокого. Я не об искусстве, конечно! Но... хотелось бы, чтобы можно было приобрести... мудрость. Да, пожалуй, мне хотелось бы именно этого. А на моей нынешней работе вместо мудрости получишь ненависть к миру и к людям, в частности: слишком много грязи приходится видеть.

Ведьма улыбнулась ему по-доброму. Дима посмотрел на неё.

– Я тобой восхищаюсь. Ты сделала всё так, как хотела, и ничего не побоялась. И моего отца ты совсем не боишься: он на тебя злится, а ты его игнорируешь. Я видел вас в начале мероприятия. У тебя сильный характер, Анжела. А вот мне в своё время твёрдости отказаться от учёбы в юридическом не хватило.

– Но ты ведь всю жизнь с отцом прожил! Странно было бы ожидать, что ты проявишь суперсильный и волевой характер, когда столько времени подчинялся отцу.

– Хотел бы я иметь волевой и сильный характер.

– Но почему ты решил, что у тебя его нет?! – воскликнула Анжелика. – Это совсем не обязательно так. Ты можешь быть сильным и волевым во всех отношениях, но пасовать перед отцом. И тебе нечего здесь стыдиться: ты беззащитен перед отцом именно потому, что любишь его. Любовь делает нас уязвимыми.

– Возможно.

Девушка жала его плечо.

– Не расстраивайся, Дима. Возможно, у тебя получится когда-нибудь противостоять отцу. Знаешь, один мой друг тоже всю жизнь не мог противостоять своим родителям. Ему это удалось меньше полугода назад. Ему двадцать восемь лет. Так что какие твои годы? Я думаю, у тебя тоже однажды получится. Но на это нужно время. Прояви терпение: не всё сразу.

Дима улыбнулся ей.

– Спасибо, Анжела.

– Не за что.

Парень внезапно рассмеялся и покачал головой.

– Сам себе удивляюсь! С чего вдруг я всё это тебе выложил?

– Ни с кем больше это не обсуждал?

– Нет. Ни с кем и никогда.

– Ну, с кем-то же нужно поделиться своими бедами. А я рада помочь. Надеюсь, что тебе хоть немного стало легче.

– Стало. Гораздо легче. Спасибо.

– Всегда пожалуйста, Дима. И не бойся: я не склонна обсуждать чью-то личную жизнь с посторонними. Я никому не скажу.

– Я даже не думал об этом. Не сомневаюсь в тебе.

– Спасибо. Мне приятно.

– Рад был с тобой пообщаться, – сказал Горлов и протянул ей руку.

– И я с тобой, – с чувством ответила ведьма и крепко пожала руку.

Они улыбнулись друг другу.

– Наверное, я слишком явно игнорирую мероприятие. Пожалуй, пойду.

– Иди. И ни на кого не обращай внимания, – посоветовала Ангела.

– Хорошо.

Парень помахал ей на прощание рукой и исчез в доме.

«Да, – подумала про себя девушка, – у каждого свои проблемы».

И ей тут же вспомнилась её проблема: сплетни о ней, Волке и Максимилиане. словно повинувшись её мыслям, в дверях дома показалась высокая фигура Ахмедова. Он приблизился.

– Прости, что не предупредил тебя, – тихо сказал вампир. – Я думал, что ты тоже слышала эти сплетни.

– Не слышала. И Волк с ребятами, похоже, тоже не слышали: иначе бы мне сказали. Боюсь, в нашем Обществе об этом никто не знает.

– Знает, – жёстко возразил Макс. – Тот, кто эти сплетни и распространял. Те, чей разговор «случайно» подслушали.

– Почему ты уверен, что это кто-то из нашего Общества? Мужчина вздохнул.

– Из рассказа гостей у тебя могло создаться неверное впечатление об этих сплетнях. На самом деле, они были преимущественно

щественно обо мне и моём Обществе, а вы с Волком упоминаетесь вскользь. Там говорится о том, что я творю какие-то дела в Сибирске, а вы мне помогаете. Просто мужчины постеснялись повторять всё, что слышали в моём присутствии. Из деликатности, так сказать. Кто-то мстит мне, а вам – заодно. Поэтому у меня не возникает сомнений, что это кто-то из членов Общества Дьявола.

– Ясно. Но мы вряд ли узнаем, кто это.

– Можно догадаться.

– Намекаешь на Группу внутреннего порядка? Если бы можно было подозревать только их, то ответ был бы очевиден: это Марат и Боря.

– Почему не Виктор? – удивился Макс.

– Если Виктор ненавидит кого-то, то говорит об этом прямо. Его ненависть открыта, откровенна, и такой подлый поступок не в его стиле. Женя такой же, как и Виктор, и даже лучше. Поэтому его подозревать тоже не имеет смысла.

– Но ты сказала: «Если бы можно было подозревать только их». А кого ещё?

– В стае целых девять парней, которые тоже ненавидят и вас, и нас.

– Точно! Я о них и забыл. Уже девять?

– Да.

– Плохо.

– Хуже некуда, – со вздохом согласилась Лика.

– Вам с Волком надо вести себя осторожней с этими про-

звизгами.

– Я уже поняла. Придётся быть осторожными. А у тебя проблем из-за этих слухов не будет?

– Нет. Станислав Сергеевич же сказал: это только сплетни. А сплетни не основание обвинять меня в чём-то.

– Верно. И на том «спасибо».

Ахмедов негромко рассмеялся. Ведьма ему улыбнулась, но её улыбка стала постепенно увядать, когда она заметила его странный взгляд. Она отступила на пару шагов.

– Что с тобой? – тихо спросил мужчина.

– А с тобой? О чём ты сейчас подумал?

– О том, что мне тридцать два года, и пора бы уже жениться.

– Но не собираешься же ты на мне жениться?! Почему ты тогда так странно на меня смотришь?

– А почему бы нет? – осведомился он, отстраняясь от перил и направляясь к девушке. Она выбросила перед собой руку и попятилась. – Мы могли бы попробовать.

– Нет. Это невозможно.

– Почему?

– Я тебя обожаю, Макс, но по-дружески и только!

– Дай мне минут пять, и я попробую убедить тебя, что может быть иначе.

– Нет.

– Да почему?! Меня тянет к тебе.

– Извини, друг, но тебя тянет ко всему женскому полу

в принципе!

– К тебе тянет сильнее, чем к другим! – со смехом возразил Максимилиан.

– Нет. Ты вбил себе эту чушь в голову. Мы – друзья. Тебе нравится дружить со мной.

– Не сомневаюсь и в том, что мне понравится заниматься с тобой любовью.

Его грудь коснулась ладони Анжелики, а она в свою очередь коснулась спиной стены дома. Отступить было больше некуда. Внутри девушки билась паника. И вдруг... время для неё остановилось.

Она увидела ситуацию со стороны и осознала всю её абсурдность. Она ведь не героиня любовного романа!

Ангела неожиданно разозлилась. Она не позволит ему испортить их дружбу! Она не собирается бояться его, шараться! Она не примет участие в этой глупой игре!

– Стоп! Хватит! – вскричала ведьма и твёрдо оттолкнула его двумя руками. Её глаза вспыхнули красным огнём. – Прекрати, Макс. Мы – друзья и точка! Давай не будем начинать снова. Мы это уже проходили.

Он смотрел на неё с восхищённой улыбкой.

– Но мы с тобой так интересно познакомились! А вдруг это судьба?

Лица фыркнула.

– По твоей логике я должна была со всеми знакомыми парнями переспать или же за всех и сразу выйти замуж.

Так же можно сказать, что и с Саней Красновым у меня судьба, и с Колей Смирновым, и с Лёней Бархатовым, а с Волком так вообще судьба судеб! Я и не отрицаю, что судьба, но судьба подружиться, Макс. Мы и подружились. Всё верно.

– А если не подружиться?

– Именно подружиться, – твёрдо сказала девушка. – Мы не подходим друг другу, как мужчина и женщина. Тебе нужна какая-то другая жена. Наверное, она должна быть похожа на Свету, но не на меня. Я бы тебе быстро наскучила.

– О, нет!

– О, да!

– Нет. Ты – ведьма и не можешь наскучить. Когда в тебе просыпается ведьма, меня тянет к тебе ещё сильнее.

Нестерова горько рассмеялась и покачала головой.

– Нет, Макс, как раз с ведьмой во мне ты смириться не сможешь. Я – самая сильная ведьма Сибири, забыл?

– Нет, но это не так уж и явно ощущается. То есть... ощущается по твоей энергии, но и только.

– Ты просто не очень тесно со мной общаешься. Моя сила имеет видимые проявления, но мало кому приходится с ними сталкиваться. Больше всех сталкивается с ними Волк, пожалуй. И ему хватает мудрости относиться к моей силе спокойно, а у тебя, Макс, этой мудрости нет – уж извини. Тебе нужно быть сильнее женщины, могущественнее, богаче. Тебе нужно быть выше. Тебе нужно восхищение от женщины и даже, быть может, поклонение. У тебя властный характер,

Макс. Я могу тобой восхищаться и восхищаюсь, но на поклонение я не способна. Это было бы лицемерием: я слишком отчётливо вижу твои недостатки. Тебе нужна женщина как твоя мать: которая будет видеть только достоинства и не будет замечать недостатки. И это не я. Мне нужно, чтобы мужчина был меня во многом выше, но при этом властный мужчина мне не подходит. Может, моя мечта несбыточна. Пусть так. Найду так найду, а нет... значит, нет. Я, в принципе, не сильно-то и рассчитываю на это.

Ахмедов потрясённо молчал.

– Как тебе это удаётся? – вымолвил он чуть погодя.

– Что?

– Так ловко раскладывать всё по полочкам.

– А разве бывает по-другому?

Мужчина улыбнулся, а потом рассмеялся. Ведьма немного расслабилась: она боялась, что он обидится на неё. А Максимилиан внезапно притянул её к себе. Он улыбался соблазняющей улыбкой, был неотразим, но Ангела совсем не испугалась ни его самого, ни его манёвров.

– А поцеловать тебя можно? – тихо спросил он.

– Нет, – с улыбкой ответила девушка.

Она взяла его за подбородок, повернула лицом в сторону и, приподнявшись на цыпочки, чмокнула в щёку, а затем легко выскользнула из его рук. Макс рассмеялся над тем, как ловко она оставила его ни с чем. Лица улыбалась ему лукаво.

– Кстати, – обратилась она к нему лёгким тоном, – тебя

совсем не заинтересовала моя сестра, Кристина?

– Ой, извини, подруга, но я не люблю явных шлюх.

У ведьмы челюсть отвисла от такого откровенного ответа.

– Мне гораздо больше нравишься ты, – продолжил вампир. – В тебе есть смысл, содержание, а в Кристине нет ничего. Именно поэтому большинство мужиков на неё западает – ты для них слишком сложна, да и напрягаться им лень, а иначе тебя не заполучить. К тому же, по тебе видно, что ты не спишь со всеми подряд, а для большинства мужиков это минус. Гораздо проще с Кристиной: она только для этих целей и годится. Извини за резкость.

– Да ничего, – медленно проговорила Анжелика. – Ты кстати, ответил на один вопрос, ответ на который давно меня интересовал. Ах, да!.. Давно тебя не видела, Макс. Была рада встрече.

Она протянула ему руку, которую он тут же крепко пожал.

– И я был рад.

– Что ж, я пошла первой.

– Иди. – Макс пристально посмотрел ей в глаза. – Ангела, ты... непостижима для меня.

– Мне ты тоже непонятен, – призналась девушка и вошла в дом.

«Да, – мысленно продолжила она, – мне никогда не понять, как ты можешь быть таким хорошим другом и при этом таким неразборчивым и равнодушным в связях с женщинами. Мне никогда не понять, как можно спать со всеми под-

ряд и спокойно это воспринимать, словно в этом нет никакой грязи. Для меня физическая близость неотделима от духовной, первая невозможна без второй. Для меня физическая близость есть способ наиболее полно достичь духовной близости».

С этими, почему-то грустными, мыслями Лика вернулась в зал.

Глава 3

Когда почти все гости разъехались, выяснилось, что кое-кто тоже остаётся ночевать в этом доме, и Ангела должна будет ночевать в одной комнате с Ильёй. Распределяла гостей по комнатам Марина Нестерова, и ведьма никак не могла понять, что ей за радость от этой пакости.

Обычно Анжелику нельзя было назвать капризной: она умела мириться с неудобствами, но на сей раз она решила этого не делать. Марина Сергеевна делала вид, что не понимает, чем возмущена падчерица, а той в свою очередь хотелось смеяться. Уж кого-кого, а её, зная её характер, поместить в одну комнату с парнями – а помимо Ильи там было ещё два молодых человека – было довольно странно.

– Но все машины разъехались вместе с гостями! – воскликнул Николай. – Ждать их назад придётся долго. Ты не сможешь сейчас поехать домой.

– Я могу вызвать такси, – возразила спокойно девушка. – Есть у кого-нибудь номер такси?

– Нет, – твёрдо ответил мачеха.

Лица еле удержалась от смеха над этой наглой ложью: в доме был телефон, а соответственно должен был быть и справочник. Однако указывать на это ведьма не стала: ей вдруг пришло в голову другое решение этой проблемы. Она взялась за мобильный телефон под внимательными взглядами

всех присутствующих.

– Ангела... – начал было Юра, но Ангела прижала палец к губам, призывая его к молчанию: она слушала гудки и ждала, когда ответят.

– Да, подруга? – раздался в трубке бодрый голос Льва.

– Привет, Лёва! Я тебе не помешала? Ты не спишь?

– Нет-нет.

– Ты один? То есть... у тебя там «дамы» случайно нет?

– Нет! – рассмеялся мужчина. – Что ты хотела?

– У меня тут возникла небольшая проблема. Ты не мог бы отвезти меня домой... или пустить к себе ночевать? Я тут недалеко.

– Ах, точно! Ты же у Нестеровых сегодня. Юбилей у папочки, да?

– Верно.

– Ну-у... отвезти не смогу: машина в ремонте как раз, а переночевать пушу с удовольствием. Мне прийти за тобой?

– Нет, спасибо. Я сама дойду.

– Я выйду тебе навстречу.

– Не надо, я...

– Я выйду тебе навстречу, – твёрдо повторил Курганов.

Анжелика рассмеялась.

– Хорошо: навстречу так навстречу. Спасибо, друг.

Она положила трубку, ещё раз обняла, поцеловала и поздравила с днём рождения отца и, помахав всем рукой, направилась к выходу.

– Анжела! – окликнул дочь Николай. – Может, тебя хоть кто-нибудь проводит? На улицах ночью опасно.

– Нет-нет. Ничего не нужно. Я сама – ходячая опасность. Девушка улыбнулась и вышла из дома, попрощавшись со всеми. Стук от её каблучков эхом отдавался в ночной тишине. Эти каблучки были удобные, устойчивые, не тонкие, как шпилька, и при этом не уродливые. Платье на Ангеле было чёрное, с завышенной талией, а поверх него был надет светлый плащ. В таком виде ведьма пошла по ночным улицам города Сибирска.

Первые минуты две она двигалась вполне спокойно, а потом свернула за угол и лицом к лицу столкнулась с тремя не очень трезвыми типами мужского пола.

– Опа! – воскликнул один из них, и Лика сразу поняла, что пройти ей они не дадут.

Она огляделась по сторонам. Вокруг были тёмные сонные дома и заборы. Ждать помощи не приходилось, да девушка и не для того оглядывалась.

– Ух ты! Надо же! Какая красивая детка нам попалась, – медленно сказал всё тот же тип.

– М-м-м, – равнодушно протянула Нестерова. – Ну, спасибо, что оценил, малыш.

– Ой, а у нас ещё и язычок длинный! Укоротить бы надо.

– Ну, попробуй.

– Дерзишь, детка. Плохо тебя мамочка с папочкой воспитывали.

– А ты, значит, спец по воспитанию?

То ли парень, то ли мужчина раздражённо поморщился, но вскоре его лицо исказила довольная ухмылка.

– Ладно, на первый раз прощаю, детка. Сейчас поближе познакомимся.

– Ага... – протянули его приятели довольно.

– Да уж, – тихо согласилась ведьма. – Придётся, по-видимому.

Самый разговорчивый из этой тройки сделал шаг вперёд и поднял с плеча Анжелики прядь волос. Девушка в свою очередь сделала шаг назад и вырвала свои волосы из его руки. Одновременно с этим она опустила глаза и скрыла себя с картины мира.

– Ты раздевалась бы, – посоветовал второй то ли парень, то ли мужчина.

Все трое сделали ещё один шаг вперёд, а Ангела попятилась, расстёгивая «послушно» плащ. Но когда она закончила, то сразу остановилась, обманув ожидания мужчин. Те самую малость насторожились. Ведьма им улыбнулась и... ей хватило полторы минуты, чтобы отправить их «на отдых».

Она спокойно подняла свою сумку с земли и поправила одежду на себе.

– Уже всё что ли? – раздалось позади.

Лица обернулась и увидела Егора Пьянкова, который удивлённо разводил руками. Она улыбнулась ему и смущённо пожала плечами.

– Ну, ты даёшь, Ангела! – рассмеялся вампир.

– Только раз вышла на улицу ночью и уже вляпалась! Это надо же!

Нестерова и Пьянков оглянулись. Неподдалёку от них стоял возмущённый Курганов.

– Я же предлагал: давай зайду!

– Но ведь всё в порядке!

– С тобой-то в порядке, – усмехнулся Лёва. – А с ними, по-моему, не очень. – Он взял за волосы одного из хулиганов и приподнял его голову. – Боже! Ты отправила его в нокаут.

Девушка расхохоталась и направилась к другу, но, проходя мимо самого разговорчивого из несостоявшихся насильников, не удержалась, притормозила и сказала тихо:

– Ну, вот и познакомились, малыш.

Друзья попрощались с Егором и пошли домой ко Льву. Всю дорогу они по большей части молчали, изредка обмениваясь короткими репликами.

Ангела и Лёва вошли в дом. Мужчина включил свет.

– Раздевайся, разувайся, – сказал он, идя на кухню. – Есть будешь?

– Только если ты составишь мне компанию.

– Составлю, если ты хочешь есть.

– Хочу, – призналась девушка со смущённой улыбкой.

– Отлично!

Анжелика прошла на кухню вслед за другом. Скоро они оба уже сидели за столом и за обе щеки уплетали макароны

по-флотски.

– Почему ты ещё не спишь? – поинтересовалась ведьма. – Уже довольно поздно.

– Завтра воскресенье – можно себе позволить. А сегодня настроение у меня какое-то... не очень хорошее.

– Почему?

– Не знаю. Из-за погоды, наверное. Как-то мрачно на улице, и мысли поэтому приходят в голову не самые лучшие.

– Не о самоубийстве, надеюсь?

– Нет. – Курганов усмехнулся. – С тех пор, как я вступил в Общество Дьявола, мысли о самоубийстве мне в голову не приходили ни разу.

– А о чём же тогда твои мысли?

– Да так... обо всём подряд.

Лика поняла, что друг ненавязчиво просит её не лезть не в своё дело, и послушно отстала. Во время трапезы она попутно рассказала Льву о сплетнях, о которых только сегодня и узнала. Он тоже был этой новостью ошарашен.

– Отчего-то мне кажется, что это всё-таки были Боря и Марат, – признался он по окончании разговора.

Нестерова ничего не ответила: она не хотела пока подозревать кого-то конкретно. Затем Лёва стал готовить подружке постель. Во время этого занятия до его сознания дошло, что она наверняка захочет осуществить некоторые гигиенические процедуры, и он сказал ей, где взять полотенце. Девушка вошла в его комнату и стала искать полотенце в ука-

занной тумбочке. Когда Лика выходила, она напоследок окинула помещение прощальным взглядом и неожиданно заметила на стене фотографию «солнечного ребёнка». Хорошенький, веснушчатый мальчишка с каштановыми волосами и карими глазами улыбался во весь рот. Словно находясь под гипнозом, ведьма приблизилась к фотографии и замерла. Она не могла оторвать взгляд от этого какого-то светлого ребёнка. В нём и его улыбке действительно было что-то солнечное.

– Ну, всё, Ангела. Можешь... – Лёва осёкся, увидев по-другому у фотографии брата.

Ангела резко обернулась и тут же покраснела от неловкости. Ей вдруг подумалось, что она не имела права смотреть на эту фотографию.

– Прости, друг, – еле слышно сказала девушка. – Я просто раньше никогда не видела фотографию Кирилла.

Курганов кивнул сначала, а потом вдруг нахмурился.

– Я вроде не сообщал никогда тебе его имени. Я вообще его никому и никогда не говорю.

– Прости... Вика на последнем балу Полнолуния упомянула, что жила с тобой на одной улице и знала твою семью – вот наши ведьмы и попросили её рассказать о тебе. Я не стала её останавливать: не в тот вечер, так в другой, они всё равно бы вытянули из неё информацию. А тогда компания была вполне приличная: все эти ведьмы к тебе хорошо относятся. В другой раз могло получиться хуже, да и я хотела слышать,

что именно она о тебе скажет. Несмотря ни на что, она всё перевела скорее в похвалу, чем наоборот. Ты обижаешься?

– Да нет, – спокойно ответил мужчина. – Кому интересна моя жизнь?..

– Наверное, тем, кто тебя любит. – Анжелика прерывисто вздохнула. – Вика сказала, что ты очень любил Кирилла. Когда ты рассказывал мне о своей жизни, то как-то обошёл этот момент стороной. Впрочем, можно было догадаться.

Лев хмурился, но хмурился не раздражённо, а так, как хмурятся, когда пытаются справиться с какой-то эмоцией. Ведьма почувствовала, что друг борется со слезами.

– Неужели ты всё ещё сильно переживаешь? – тихо спросила она. – Ведь столько времени прошло.

– Разве много?

– Семь лет, Лёва. Моя мама умерла на год раньше. Пора уже смириться с его смертью. Я не прошу тебя совсем о Кирилле забыть, но переживать это так остро нельзя.

За это время Лика близко подошла к мужчине. Он смотрел на неё с мукой.

– Я не должен был позволять им увезти его, – прошептал Лёва. – Я не должен был уходить из дома ни на минуту. Я ведь знал, что однажды всё этим может кончиться.

– Лёва... – выдохнула девушка и обняла его. Он попытался вырваться:

– Не надо!

– Надо, – твёрдо произнесла Нестерова, потому что всем

существом ощущала, что ему нужно это утешение. Курганов замер, а спустя миг обнял её в ответ и расслабился. Ведьма гладила его по голове, по спине.

Минуты через две мужчина отстранился. На его лице не было слёз, но были видны следы от них на щеках. И ресницы были немного мокрые.

– Ты не должен винить себя, Лёва. Это невозможно было предугадать. Если бы он не умер в тот раз, то умер бы в другой. Таков был его выбор. И, возможно, смерть для него лучше: смог бы он жить после того, как столкнулся бы с реальностью? А ведь ты не смог бы всегда быть рядом и оберегать его от неё. Вика говорила, что Кирилл не совсем понимал, что происходит. С ним было что-то не так?

– Он не был умственно отсталым, если ты на это намекаешь, – хрипло заговорил Лев, – как это ни странно. Он был нормальный. Просто жил в каком-то своём мире. Кирилл был необычным ребёнком. Мне всегда рядом с ним становилось легче, жить хотелось. – Мужчина замолчал ненадолго, а потом признался: – Я столько раз думал, как всё могло бы быть, если бы родители разбились вдвоём. Я бы в Общество попал: Дьявол уже тогда меня выбрал, до того, как случилась авария. Я бы вырастил Кирилла! Я работать бы перешёл к Черновым, он ещё пенсию получал бы, наверное, – мы бы справились!

– Лёвочка, это невозможно! Кирилл выбрал смерть и ничего нельзя с этим поделать.

Курганов кивнул.

– А раньше я боялся, что он вырастет. Боялся, что он начнёт понимать что-нибудь и осознает, какой его брат урод. А для него я всегда был героем. Если бы он только понимал, что за жизнь я вёл... Он разлюбил бы меня. Этого я боялся больше всего. Я бы тогда сдох. Он один меня любил. Не родители. Конечно, нет. И я их ненавидел. Ничего хорошего из своего детства не помню. Родителям не было до меня никакого дела. Они могли бросить меня где-нибудь и забыть. Часто нечего было есть, а если и была еда, то не очень съедобная. Когда родители напивались, я начинал раздражать их одним своим существованием. Они орали – я прятался где-нибудь. Их собутыльники, бичи всякие лезли ко мне часто со своими пьяными приставаниями. Фу! Ненавижу эти пьяные сюсюканья... Дома был беспорядок, бичёвник постоянный. Помню, что всё детство чего-нибудь боялся.

– А потом ты родителей стал периодически в чувство приводить из-за Кирилла, да?

– Да. Он пьяных людей боялся и сборищ этих. И я его пугал.

– Ты?! – удивилась Ангела.

– Да, я, – тихо подтвердил Лёва. – Я ненавидел родителей и всегда желал им смерти. И часто хотел их убить. А однажды я чуть не убил отца. Не знаю, каким чудом не убил.

– Не думаю, что ты убил бы его.

– Убил бы, – твёрдо сказал мужчина, глядя ведьме в гла-

за. – Я способен на убийство, Ангела.

Анжелика поёжилась от его прямого взгляда и тона, каким была произнесена последняя фраза. В этом тоне не было гордости или хвастовства, напротив – стыд, обречённость, ужас перед самим собой и уверенность в собственной чёрствости.

– А по какой причине ты хотел убить отца? – нерешительно поинтересовалась девушка. – Что произошло?

– У нас в доме была очередная попойка. Когда я зашёл домой, то увидел, как один из этих алкашей лапает моего брата. – На лице Льва даже теперь отразилась ярость. – Конечно, можно всё списать на плохую координацию из-за большого количества выпитого алкоголя, он мог просто обнимать Кирилла, но я подумал самое худшее. Пьяных мужиков вообще к детям лучше не подпускать. И трезвых-то иногда нельзя, а уж пьяных... Припоминаю, что и ко мне бывало лезли, когда я был в том же возрасте, что и Кирилл. Но я в отличие от него был более просвещённый и знал, что можно позволять посторонним, а что – нет. – Оборотень вздохнул. – Этот урод приставал к Кириллу, а родители ничего не делали, никак ему не мешали. Я всегда побаивался, что с ним что-то могут сделать, и сразу разозлился. Алкашу этому я нос разбил, всю компанию их разогнал и на родителей наорал. Папаша возмущаться начал. Как же! Я ведь его приятелю по лицу надавал! А что было дальше, я уже не помню. Говорил я ему, кажется, что-то. Всё как в тумане было. Кирилл испугался

тогда очень: плакал, кричал. Вот от его крика я и очнулся. У меня нож в руке был. Папаша побледнел аж от страха и даже как будто протрезвел. Я еле остановился. Даже после того, как очнулся и понял, что делаю. Из-за Кирилла, наверное. Если бы он не смотрел на это, то я бы, скорее всего, всё равно отца убил бы. Но только не у Кирилла на глазах. До сих пор помню это чувство. Как ненавидел отца в тот момент и как хотел его убить. Мне тогда было шестнадцать.

– Пожалуй, тебя можно понять. Ты и так, по-моему, проявил чудеса терпения, прожив с родителями столько лет.

Лёва грустно рассмеялся и пожал плечами.

– Я вообще удивляюсь, как ты умудрился к Кириллу привязаться, – призналась Лика. – Ведь у вас такая разница в возрасте была. Обычно маленькие дети детей постарше раздражают. Особенно если они плачут и кричат.

– Поначалу он меня тоже раздражал. То есть... родители вдруг пить бросили перед тем, как мама забеременела, и всю беременность она не пила. И когда родила, первые месяцев пять-шесть тоже не пила. Они оба так носились с Кириллом, радовались, сюсюкались, а я злился. Тогда ещё ревновал их к нему. На меня родители по-прежнему внимания не обращали, а вокруг него порхали как бабочки. За это Кирилла я невзлюбил и не подходил к нему, даже старался лишний раз на него не смотреть, чтобы не беситься. А когда Кириллу было почти полгода, родители опять сорвались и запили. Я пришёл тогда домой, увидел всю эту компанию сно-

ва и не удивился совсем. Я знал, что так будет, и иллюзий никаких не питал. Потом я вошёл в комнату, а там Кирилл в кровати ревел, надрывался. Меня разозлило это сначала, я подошёл к нему, рявкнуть что-нибудь хотел, а он, как только увидел меня, сразу замолчал. Уставился на меня, смотрел очень внимательно, а потом вдруг заулыбался. — Курганов тоже улыбнулся при этом воспоминании. — И я в него неожиданно влюбился. До этого дня я его почти не видел, потому что избегал смотреть на него, и даже не знал, как он выглядит, а тут увидел, и он понравился мне ужасно. Хорошенький он был и не капризный совсем. Ещё мне его жаль стало. Я тогда вдруг вспомнил, как мне всегда было обидно, что никому на этом свете нет до меня дела, и подумал о том, что Кирилла ждёт то же самое, но я могу его от этого избавить. Я подумал, что глупо заставлять его переживать то же, что я пережил когда-то сам. Тем более что я ещё хорошо помнил тогда, как было на этом месте. И я решил, что буду заботиться о нём. И заботился, как мог.

— А почему ты делал всё, чтобы родителей не лишили родительских прав? — спросила Ангела. — Боялся, что вас по разным детдомам распихают?

— Да, но это была только первая причина. Я боялся не только, что нас разлучат, но и что Кирилл в детдоме не выживет. Я бы выжил, где угодно, а он — нет. Кирилл был беззащитный, доверчивый и совсем неприспособленный к жизни. В этом, наверное, моя вина. А, может, он был такой от при-

роды? Не знаю даже. Но Кирилл никогда не умел за себя постоять, а я бы не смог его защитить. На него даже кричать нельзя было, и я не кричал ни разу в жизни. И по поводу воспитания мы с ним никогда не ссорились: я только говорил ему, что так делать можно, а так – нельзя, и он именно так делал. Он всегда меня слушался. И я только один раз как-то разозлился на него – голоса даже не повысил! – а он уже расстроился. После этого я всегда старался говорить с ним мягко, и если мне где-нибудь настроение портили, я ему своего раздражения не показывал, потому что он сразу начинал беспокоиться и думать, что это я на него рассердился. Пожалуй, у него страхов в детстве было не меньше, чем у меня. Ни от чего я не смог его уберечь.

– Неправда! – мягко возразила ведьма. – Ты был ему хорошим братом.

Друзья замолчали.

– А как ты всегда умудрялся почувствовать, что к вам вот-вот нагрянут с проверкой? – поинтересовалась Анжелика через минуту.

– Я понимал это по лицам нашего инспектора ПДН и её подружки-завхоза. Они как-то так особенным образом начинали на меня смотреть, что я чувал опасность. Приходил домой после школы и начинал суетиться...

Для Кирилла он превращал это в игру. Лёва умел создавать настроение и своим энтузиазмом заражал брата. Поначалу, когда Кирилл был ещё совсем маленький, он только

бегал вокруг старшего брата, пока тот наводил в доме чистоту, а когда подрос, стал помогать. Он старался изо всех сил, которые у него только были, сосредоточенно выполнял все небольшие поручения, которые давал старший брат, и всегда очень забавно при этом кряхтел, чем невероятно веселил Лёву. Для Кирилла Лев был добрый, а с родителями он был иным.

Родители его боялись. В пьяном состоянии они могли что-нибудь учудить, как-то повести себя грубо по отношению к старшему сыну, но будучи трезвыми, они беспрекословно его слушались. Одного его взгляда было достаточно, чтобы они тут же выполнили то, что он приказал. В трезвом состоянии они никогда Лёве не грубили, боялись сказать лишнее слово и старались его не раздражать. Они знали, каким агрессивным и непредсказуемым бывает порой их старший сын. Они чувствовали его ненависть.

Приводил их в чувство Лев довольно грубо и бесцеремонно, но зато действенно. Он легко мог каждого из них окунуть головой в воду или сделать что-нибудь другое в этом роде. Потом он пытался довести до их сознания очень простую мысль: скоро к ним в гости может прийти милиция. Выражений при этом он не выбирал.

Зато когда к ним являлись «гости», дома всё было вполне прилично. Лёва при этом частенько косил под дурачка: мол, у нас всё хорошо и мы нормальная семья. В результате, когда Лев пошёл учиться в техникум, все считали, что в семье

Кургановых неблагополучный только старший сын. А пьянки, которые устраивали дома родители, всегда проходили тихо благодаря Лёве, и соседи никогда на них не жаловались.

Но однажды, ещё когда Лев учился в девятом классе, все его старания чуть было не пошли прахом. Это было в середине мая. В тот день в доме Кургановых намечалась грандиозная пьянка, остановить которую Лёве было уже не под силу. Ночевать в доме не представлялось возможным. Недолго думая, Лев взял несколько старых одеял и Кирилла, и они ушли в один заброшенный дом неподалёку: благо в том году был тёплый май, что в Сибирске вообще-то случается нечасто. Это была пятница, и Лёва решил, что вполне может себе позволить прогулять субботу, тем более что он и так никогда не мог похвастаться стопроцентной посещаемостью.

Они положили пару одеял на пол, легли на них и сверху накрылись оставшимися. Кирилл устроился у старшего брата под боком, тот его приобнял, и вместе они спокойно заснули, даже не подозревая о том, что в данный момент к ним домой пришла неожиданная гостья.

Гостьей этой была классная учительница Лёвы, Татьяна Александровна. В последнее время у Льва, как впрочем и всегда, были проблемы с успеваемостью, да и с поведением, о чём Татьяна Александровна решила побеседовать с его родителями. В толпе пьяных мужчин и женщин она едва сумела найти и узнать Курганову-старшую, которая пару раз являлась на родительское собрание. С отцом она не была

знакомы вовсе. Ни мать, ни отец Лёвы не были в состоянии с кем бы то ни было беседовать о серьёзном.

В сильной растерянности Татьяна Александровна вышла на улицу. В доме она не обнаружила Льва, и это её обеспокоило. Она не знала, как поступить. И в тот самый момент, когда она стала склоняться к мысли, что нужно об увиденном сообщить, мимо проходили три подростка.

– Ой, а вы к Кургановым что ли? – воскликнул самый высокий из троих. – С ними сегодня бесполезно – они в ударе.

– Вообще-то я – классный руководитель Льва...

– Так вам Лёвка нужен? – встрял второй мальчишка. – Они с Кириллом свалили вон в тот заброшенный дом. У них сегодня всё равно не уснуть.

– Да, – поддержал приятеля третий. – Они всегда там перекантовываются, когда у них дома такая гуляночка.

Спящий Лёва не подозревал и об этом разговоре, и о том, что Татьяна Александровна к дому подходила, смотрела на них двоих через окно. Лёва так никогда и не узнает, что в тот вечер Татьяна Александровна увидела его с иной стороны, чем видела всегда. Она увидела его, как любящего брата. Она увидела, как доверчиво прижимается к нему Кирилл, и как он сам крепко обнимает его. И решила пока ничего никому не сообщать.

Утром Лев и Кирилл вернулись домой, где ещё не до конца протрезвевшая мать сообщила им о приходе Татьяны Александровны. Лёва перепугался тогда не на шутку и тут же

бросился в школу. Явился он уже под звонок с урока. Одноклассники выходили из кабинета, а он никак не мог решиться в него войти. Несмело он встал в дверном проёме. Татьяна Александровна его взгляд на себе ощутила и повернулась. Две одноклассницы, что задержались в кабинете, наконец, его покинули, а учительница и ученик, не отрываясь, смотрели друг на друга в полнейшем молчании.

Татьяна Александровна была удивлена, когда поняла, что сегодня он предстал перед ней без своей обычной маски агрессивного хама и хулигана. Впрочем, лично ей он не хамил никогда.

Перед ней был взрослый, серьёзный пятнадцатилетний юноша, и она с интересом ожидала, что же он ей скажет.

– Мама сказала, что вы были у нас вчера.

– Была, – спокойно ответила она.

Лёва прерывисто вздохнул, но решился и мрачно спросил:

– Сообщали куда-нибудь уже?

– Нет.

– Не сообщайте. – Татьяна Александровна хотела было что-то сказать, но он умоляющим тоном добавил: – Пожалуйста. Вам ведь ничего не стоит промолчать. А я каждый день в школу буду ходить – обещаю. И я в техникум уйду на следующий год: у вас больше не будет проблем со мной.

– Хм. Интересная логика. А что будет с твоим братом? В каких условиях он вырастет? Ведь это, я так понимаю, не единичный случай?

Курганов медленно кивнул.

– Я позабочусь о Кирилле – не беспокойтесь. До этого времени я вполне справлялся и дальше справлюсь. Я его не брошу.

– А кто о тебе позаботится, Лёва?

Этот вопрос вызвал у Льва горький смех.

– Обо мне никто и никогда не заботился и ничего, как видите. Я до сих пор живой.

– И давно они пьют? Я имею в виду вообще.

Лёва тогда долго смотрел на учительницу и думал, стоит ли отвечать честно. И всё-таки ответил, пожав плечами:

– Я их трезвыми почти не помню.

Татьяна Александровна тяжело вздохнула, опустившись на стул, и он понял, что правду говорить не стоило. Она устало взялась за лоб.

– Лёва...

– Не говорите никому! Прошу вас: не говорите! Ну, хотите, я на колени встану? – Лев с ужасом осознал, что вот-вот разрыдается от отчаяния. Он еле сумел прошептать: – Умоляю... У нас с Кириллом такая большая разница в возрасте. И ему нельзя в детдом.

Преподавательница заколебалась.

– Приходите к нам в понедельник. Уверяю: всё будет нормально.

– А что за будущее тебя ждёт, Лёва? Ты об этом думал? Как ты станешь жить? Так же, как и родители?

– Я не собираюсь становиться таким, как они.

– Многие не собираются, Лёва, а потом всё равно становятся.

– Проживу как-нибудь.

– «Как-нибудь» не хотелось бы, Лёва.

Курганов улыбнулся.

– Приходите к нам в понедельник, – повторил он уже окрепшим голосом.

– Хорошо.

– Спасибо. – Лев попятился к выходу. Он ощущал невероятное облегчение. – Спасибо, Татьяна Александровна. Спасибо вам.

Лёва всегда хорошо относился к своей классной учительнице, а с того дня стал любить её в миллион раз сильнее.

А Татьяна Александровна в тот момент, когда он выходил из кабинета, молила Бога, чтобы обстоятельства не сломали Лёвину судьбу и его самого окончательно. Лев всегда казался ей непонятным. У неё никак не укладывалось в голове, как он может быть то агрессивным и злым, то обаятельным и добрым. В нём словно уживалось два человека. У неё было много вопросов, связанных с ним, и за одни лишь сутки она получила ответы сразу на несколько из них.

В понедельник Татьяна Александровна пришла домой к Кургановым, и в этот раз всё было совершенно наоборот. Семья выглядела вполне нормальной. Но лишь на первый взгляд: она всё же заметила, какими ледяными взглядами

Лёва награждал родителей, когда они начинали делать что-то не так. Однако она заметила и как Кирилл любит старшего брата, как тянется к нему и как тот его обожает в ответ.

Кирилл с удовольствием ел торт, посматривал на трезвых родителей и радовался, что у них всё хорошо. Он предлагал торт брату, у которого сидел на коленях и который отчего-то был не очень весел. Лёва с улыбкой отказывался, радовался, что Кирилл счастлив, но мучился от того, что это всего лишь очередной спектакль, а младший брат принимает всё за чистую монету.

Не один раз в тот вечер взгляды ученика и учительницы встречались, и они оба понимали, как искусственна эта сцена.

Потом, уже когда Лёва попал в Общество Дьявола, он как-то раз явился на встречу одноклассников. Он немного опоздал и на собрание в актовом зале не попал, но, когда оно закончилось, вошёл в класс. По изумлённым взглядам одноклассников Курганов догадался, что увидеть его они не ожидали. Их мысли, которые парень слышал, это подтверждали: они все были уверены, что он либо сидит в тюрьме, либо БОМЖ, либо умер. Но назло всем и всему Лев был жив-здоров и при этом отлично выглядел: наставления Андрея не прошли даром. Как-то между делом ему пришлось упомянуть, что он не курит, и это ещё больше удивило одноклассников, потому что курить он начал лет в двенадцать-тринадцать, и все об этом знали.

Позже, когда все уже поделились информацией о своей настоящей жизни, было решено пойти в кафе и отметить встречу. Лёва отказался идти вместе со всеми, пояснив, что не пьёт. Татьяна Александровна также идти в кафе отказалась: ей казалось неуместным пить вместе со своими учениками, да и любителем гулянок она не была. В итоге, Лев и его учительница остались в кабинете вдвоём. Курганов тут же предложил отметить встречу тортом и чаем. Женщина с радостью согласилась и добыла в учительской кружки, заварку и кипяток, пока её ученик ездил за тортом.

Вместе они побеседовали о жизни друг друга более подробно. Татьяна Александровна тогда призналась Лёве, что очень рада видеть его хорошо устроившимся в жизни, здоровым и в какой-то мере успешным. От своих знакомых она слышала о трагедии, которая случилась с его семьёй, и очень ему сочувствовала. Лев в свою очередь повторно поблагодарил её за то, что тогда не выдала его.

Когда они оставили серьёзные темы, Курганов предложил учительнице обсудить некоторые литературные произведения из школьной программы. Татьяна Александровна была учителем русского языка и литературы, которым в своё время Лёва почти не уделял внимания, но которым он уделял внимание, когда подружился с Андреем, Мишей и Фёдей. Они вдвоём весело провели время, поедая торт и споря по поводу произведений.

После Лев отвёз женщину домой и дал свой телефон, умо-

для позвонить ему, если ей что-нибудь понадобится. Через год Татьяна Александровна пересилила себя и позвонила ему. Он тут же примчался и помог ей. С тех пор Татьяна Александровна знала, что в случае чего ей есть к кому обратиться за помощью. А Лёва периодически звонил ей и спрашивался о её делах. На встречу же одноклассников он больше не ходил ни разу, потому что на ту единственную встречу пришёл именно для того, чтобы увидеть свою учительницу.

О своей жизни до Общества Дьявола Курганов старался вспоминать как можно реже, да и, говоря о ней с Татьяной Александровной, он пытался делать вид, что ничего страшного в ней не было. Но в душе самому себе признавался, что это наглая ложь: лёгкой она не была ни в коей мере.

Уже будучи взрослым двадцативосьмилетним мужчиной, Лёва с ужасом вспоминал своё детство и отрочество, когда он не мог быть уверенным в том, что ждёт его завтра. Он помнил, как ему практически всё время приходилось беспокоиться о том, чтобы было что поесть, а иногда и где спать. Если бы у него не было Кирилла, он мог бы запросто сбежать из дома и жить на улице: он бы нигде не пропал. Но из-за брата ему приходилось поддерживать иллюзию нормальной жизни и исходить из того, что у него есть.

Именно поэтому Льву приходилось выращивать огород: это была хоть какая-то гарантированная еда на целый год. Продуктовых наборов, которые выдавала соц. защита, хватало ненадолго, а денег, чтобы покупать всё это, у них в семье

не было. Впрочем, денег у них не было совсем: родители почти всё пропивали, а Лёве ещё нужно было ходить в школу, на это тоже требуются кое-какие деньги. А воровать Курганову мешала совесть, хотя он всё же и делал это по необходимости. Но после каждого раза совесть его и грызла, и кричала на него, и билась внутри.

Как и казалось Татьяне Александровне, в Лёве действительно уживалось двое. Он сам характеризовал одного, как хорошего, а второго – как плохого. Первый всегда тянулся к Кириллу, а второй – к приятелям. Лев до сих пор помнил, как эти двое всё время боролись в нём.

Он мог делать что-нибудь в огороде, Кирилл бегал вокруг него, развлекал его, и вдруг просыпался тот, второй, и начинал требовать пойти и развлекаться с «друзьями». Иногда второй мог выиграть и, закончив все дела по-быстрому, Лёва убегал, но, когда он возвращался потом к брату, совесть грызла его и, в конце концов, победа оказывалась за первым. Любовь к Кириллу всегда была сильнее.

Все счастливые воспоминания из детства у Лёвы были связаны с Кириллом, а самым счастливым, пожалуй, было о том, как они вдвоём возились в огороде. Несмотря на то, что кое-какой труд для юного Льва был непосильным и очень тяжёлым, воспоминания оставались светлыми. Потому что рядом был Кирилл. Поначалу он просто находился рядом и развлекал старшего брата своей болтовнёй, а потом стал помогать. Они могли вместе полоть грядки, сажать что-ни-

будь или собирать.

Великим огородником Лёву назвать было нельзя, но он делал всё, как мог. Советами ему помогали соседи, которые на него не обижались и его ситуацию понимали. Огород Кургановых, может, и не был аккуратным, но зато всё росло, и это было главное.

С Кириллом же было связано и воспоминание, которое для Льва было самым неприятным. Это воспоминание было о том, как он попробовал наркотики. Лёва мог бы стать наркоманом, потому что это было легко, но не стал. Из-за Кирилла.

Когда Лев пришёл домой в тот день, он всё ещё слегка нахаживался под действием наркотика. Дома была очередная гулянка. Кирилла он нашёл в их комнате, под кроватью. Кто-то из нетрезвых гостей затеял драку, она сильно перепугала маленького Кирилла. Он плакал и прижимался к старшему брату, который обнимал его, но при этом был далёк и от него, и от этого дома. Лёва в тот момент думал о том, как устал от жизни, устал за всё отвечать, и как ему хотелось бы, чтобы кто-нибудь хоть раз в жизни позаботился бы о нём. Ему хотелось плакать, но он утешал Кирилла и знал, что, не смотря ни на какую жалость к самому себе, никогда в жизни больше не станет принимать наркотики, потому что кроме него о Кирилле больше никто не позаботится.

Ни один «приятель» Льва не посмел ему сказать ни слова, когда он в следующий раз от наркотиков отказался. Во-

первых, все знали, что у него есть своё собственное мнение и на «слабо» его не возьмёшь, а во-вторых, злить Курганова было делом опасным. С его вспышками агрессии они были знакомы не понаслышке, и рисковать не стали бы ни при каких условиях.

Драки и другие проявления агрессии для Льва были способом хоть как-то выплеснуть свою злость на жизнь, и они ему действительно помогали. Вспыльчивость, к тому же, была заложена в нём самой природой и, пусть теперь его жизнь уже давно была иной, он по-прежнему мог легко выйти из себя.

Как и у всех детей из неблагополучных семей у Лёвы имелись соответствующие пороки. Помимо пристрастия к сигаретам, алкоголю, агрессивности имела место и половая распущенность. Свою половую жизнь Курганов начал лет в тринадцать, и чаще всего он даже не мог потом вспомнить с кем именно спал: происходило это в большинстве случаев по пьянке. Уже взрослый и просвещённый в этом плане Лев мог сейчас только удивляться, каким чудом он умудрился ни разу не подцепить какую-нибудь венерическую заразу.

Идеальным Лёва не был никогда, да и не считал себя таковым. Но порочной являлась только одна его часть. Другая же была любящей, доброй, чистой и даже в какой-то степени невинной. Наиболее часто она проявлялась рядом с Кириллом.

Жизнь наложила свой отпечаток на Льва, но совершенно

не касалась Кирилла. Он оставался, таким же наивным, милым, добрым и непонимающим мирскую грязь. Лёва смотрел на подрастающего брата и только диву давался: он был другим.

Когда Льву подошла пора уходить в армию, он был в панике: обстоятельства вынуждали его бросить Кирилла наедине с родителями и реальным миром на целых полтора года. Но и эту проблему он решил: Кургановых-старших он принудил закодироваться и изрядно запугал так, чтобы хватило на эти полтора года. В армии Лёва познакомился с другой жизнью – где всегда есть еда и место для сна. Не было грязи и пьяных криков. Это дало ему надежду на другую, нормальную жизнь, отличную от той, что вели его родители, да и он сам. С этим настроением Курганов вернулся домой.

Родители продержались ровно полтора года, пока его не было, и с Кириллом всё было в порядке. Но вырваться из обстоятельств Лёве так и не удалось: он сделал неосознанный выбор, и они сами его «выпнули» в новую жизнь. Они отняли у него самое дорогое в жизни – Кирилла, а взамен дали Общество Дьявола и друзей, настоящих друзей.

Лев тогда был уверен, что всё организует себе сам: он прошёл курсы и стал работать охранником. Они с Кириллом начали жить более или менее по-человечески, и родители даже вели себя почти хорошо. Всё было практически идеально по представлениям Курганова – вот только работа ему не слишком нравилась, но к большему Лёва и не стремился:

он прекрасно понимал, какое место занимает в этом обществе. Однако эта «идиллия» была вскоре нарушена: Кургановы-старшие всё же сорвались.

В тот момент, когда Лев понял, что родители увезли Кирилла с собой, он почувствовал, что больше никогда его не увидит. Это ему говорила интуиция, та самая, которая когда-то помогала понять намерения инспектора ПДН по его лицу. И он действительно в следующий раз увидел Кирилла уже мёртвым.

Когда ему сообщили о гибели брата и родителей, он ушёл в дом и там, первый и последний раз, не учитывая детство, плакал навзрыд. Но слабым Лёва не был никогда и не позволил себе утонуть в жалости к себе: вскоре он вышел из дома и занялся всеми необходимыми в таком случае делами. Соседи ему тогда очень помогли, и он первый раз по-настоящему ощутил, что не одинок в этом мире, что есть кому-то до него дело, как это ни странно. Прежде ему казалось, что не одинок он только благодаря Кириллу, но Жизнь его в этом разубедила.

С тех пор отношения с соседями у Льва сложились хорошие. А на могилу к Кириллу он ходил периодически, хотя и знал, что в этом нет никакого смысла. Но ему, как и многим, становилось от этого легче, каким бы глупым это кому-то ни казалось.

В воскресенье друзья в полном составе сидели в резиденции Дьявола. Все заметили, что между Лёвой и Ангелой что-то произошло. Те тоже установившуюся между ними близость ощущали, но разговор, который вели накануне, не обсуждали. В этом не было нужды.

Лика уже поняла, что именно мысли о Кирилле и прошлой жизни беспокоили Льва весь вечер. Также она чувствовала, что было что-то ещё, чего ей знать не положено, то, что знали Андрей, Федя и Миша, но не знала она. Что ж, она с этим смирилась и своё любопытство сдерживала. Они с Кургановым проговорили допоздна, и Анжелика много нового узнала о своём друге. И у неё прибавилось поводов его любить.

О сплетнях об Обществе Максимилиана, ней и Волке ведьма друзьям поведала. Никто из них ни о чём таком не слышал. Все были удивлены. Туманов посмеивался:

– Бандитская группировка? Мы?! Мы с тобой?!..

Друзья не знали расстраиваться им или смеяться.

Они провели в резиденции около часа, когда в комнату вошёл Владимир Петрович. Комната была проходная, и по стремительной походке Дьявола было видно, что задерживаться здесь он не намерен. Однако Лика всё-таки его остановила.

– Владимир Петрович! – окликнула мужчину она. – Не уделите мне минуту?

Он замер и повернулся к ней лицом.

– Да, Ангела?

– Вчера был юбилей у моего отца, и там я узнала, что по Сибирску ходят слухи. Об Обществе Максимилиана, о том, что Максимилиан занимается некоей преступной деятельностью вместе со своими друзьями, Ангелой и Волком. Вы об этом слышали?

– Да, немного. Тебя это беспокоит?

– Да, беспокоит. Учитывая, что сплетни в большинстве своём об Обществе Максимилиана, то не вызывает сомнений, что их распространяет кто-то из нашего Общества. Кроме нас и вампиров об этом Обществе не знает никто.

– А те, кого Максимилиан выгнал из своего Общества? Ведь выгонял же он кого-то?

Ангела удивилась, что ему это известно, но виду не подаёт: ведь это могло быть всего лишь предположение.

– Выгонял, но они бы не рискнули появиться в городе. Максимилиан обещал им в этом случае, что мигом отправит их на тот свет. Сплетни распространяет кто-то из членов Общества Дьявола, Владимир Петрович.

Мужчина пожал плечами.

– Ну и что? Никто не знает, что Ангела и Волк – это вы с Андреем. А то, что говорят об Обществе Максимилиана, меня не интересует. Это проблема Максимилиана.

Дьявол повернулся, чтобы уйти, но Анжелика не отстала:

– В этих сплетнях упоминается, что мы с Волком – члены Общества Дьявола.

– Не вижу в этом ничего страшного, – отмахнулся Чернов и вновь собрался продолжить путь.

– Но разве это не нарушение второго Закона?! – изумлённо вскричала ведьма. Прежде она говорила очень спокойно. – Ведь нам запрещено кому бы то ни было рассказывать об Обществе Дьявола! Или я чего-то не понимаю?

– Никто из людей не знает, что такое Общество Дьявола, – начиная злиться, сказал Владимир Петрович. – Им это ни о чём не говорит, а если бы и говорило, то это было бы даже неплохо: о нашем существовании людям забывать не стоит. Там упоминается лишь название, а о сути Общества Дьявола не сказано ни слова.

– Пока не сказано, Владимир Петрович, – подчеркнула Нестерова. – Никто не знает, что они скажут в следующий раз.

– Ничего не скажут.

– Вы не станете выяснять, кто это? – тихо спросила девушка.

– Нет, Ангела.

– Но... – Лика прерывисто вздохнула, ей тяжело было говорить. – Мы с вампирами из одного теста. Как бы вы к ним ни относились, Владимир Петрович... Разве можно так подставлять друг друга? И если даже вам плевать на вампиров, то неужели же вам безразлично, что и членов вашего Общества называют бандитами?

– Это ты, Ангела, считаешь, что мы с вампирами из одно-

го теста – я же придерживаюсь иного мнения. А то, что говорят о вас с Андреем... Что ж, вас никто не заставлял связываться с вампирами. Сами виноваты. – Дьявол твёрдо посмотрел подчинённой в глаза и холодным тоном осведомился: – Надеюсь, теперь всё?

Ангеле понадобилась вся её сила воли, чтобы не показать, как же ей больно видеть его таким. Совершенно чужим. Это был не тот Владимир Петрович, который когда-то звал её перемывать всем косточки, который обо всём подряд беседовал с ней и Волком, который приглашал её на вальс. В этом Дьяволе не было и тени того, прежнего.

Девушка не нашла в себе сил говорить – просто с достоинством ему кивнула. Взглядом она проводила мужчину, который быстро покинул комнату, а потом только удивлённо развела руками.

Когда Чернов-старший скрылся из виду, по комнате прокатился вздох то ли облегчения, то ли потрясения.

– Ничего страшного? – воскликнула немолодая ведьма по имени Тамара. – Да он с ума сошёл!

Члены Общества Дьявола зашумели. Анжелика стояла как оглушённая. Она оглянулась и увидела, как Лёва скорчил лицо в адрес «босса» и многозначительно почесал висок.

– По-моему, подруга, ты немного перегнула палку, – заметил Фёдор.

– Вот именно! – воскликнул Волк и, дёрнув ведьму за руку, заставил сесть на диван. Он крепко схватил её и, гля-

дя в глаза, стал шутливо трясти за плечи. – Зачем ты наезжать на него начала? Разве ж так делают? Ты что?! С такими властными мужиками, как Владимир Петрович, так нельзя! Ты знаешь, какое у них болезненное самолюбие?

Лица слабо улыбнулась, понимая, что друг старается её поддержать и развеселить, но против воли на глаза ей навернулись слёзы, и она тихонько всхлипнула.

– А вот этого не надо, – предупредил мужчина.

– Чего?

– Реветь из-за этого не надо.

Но девушка не справилась с собой и расплакалась, уткнувшись лицом в плечо друга.

– О-о-о... – ласково протянул Андрей, обнимая её.

Все присутствующие в комнате тут же кинулись её успокаивать. Со всех сторон раздавалось:

– Ангела, ты что?..

– Ангела, не плачь...

– Не расстраивайся, Ангела...

Нестеровой вдобавок стало стыдно, что она плачет у всех на глазах, поэтому она ещё глубже зарылась в плечо друга. Вожак стаи догадался о её чувствах.

– Не обращайтесь на нас внимания, – шутливо попросил он всех. – Мы плачем. Сейчас поплачем и успокоимся. – Волк крепко прижимал девушку к себе и ласково поглаживал по голове. Он чуть наклонил голову к её уху. – Милая моя подруга, не плачь. Я понимаю, что обидно, но оно того

не стоит.

Лёва, который сидел рядом с Ангелой по другую сторону чем Андрей, тоже приобнял её и стал гладить по плечам и спине, успокаивая на свой лад, приговаривая что-то утешительное. Вскоре двое мужчин совместными усилиями достигли своей цели: ведьма успокоилась и отстранилась от спасительного плеча Туманова.

– Ну, что ты, Ангела? – мягко спросил Федя.

– Не знаю. Я не узнаю его. С ним что-то не так.

– Пожалуй, – вздохнул вожак. – Начинаю думать, что Лёва прав, и у него действительно что-то не в порядке с головой.

– А, по-моему, ребята, мы все просто-напросто попали в чёрный список, – усмехнулся Курганов.

– Верно, – согласился Миша.

– Из-за Общества Максимилиана? – осведомилась Ольга. – Но это же глупость какая-то! Что за сумасшедшая ненависть к вампирам? Кому и что плохого они сделали? Они помогают людям!

– Как всё это достало! – сквозь зубы процедил Лев. – Что происходит в нашем Обществе? Куда мы катимся? Как бы я хотел, чтобы это изменилось! Всё бы за это отдал!..

– Наше Общество загнивает, – тихо сказал Волк, – и это закономерно: всегда так бывает. Это как у людей и у русских в частности. – Друзья вопросительно на мужчину посмотрели, и ему пришлось пояснить: – Жил народ плохо, устроил революцию и добился свободы. И то поколение получен-

ную свободу ценило, потому что это им было плохо и это они столько сил положили на создание другой жизни, новой. В Великой Отечественной войне так же: то поколение побеждало, то поколение страдало и погибало. А с каждым новым поколением достигнутое ценят всё меньше. Каждое новое поколение всё дальше от той жизни, оно ни за что само не боролось и не способно понять важность совершённого предками. Сейчас ведь даже некоторые говорят, что лучше бы советские воины фашистов не побеждали: мол, мы бы тогда сейчас жили хорошо, как немцы. Дураки! Кому мы нужны бы были?! Большую часть населения убили бы, а остальные рабами стали бы – вот вам и вся хорошая европейская жизнь! – Туманов фыркнул. – Да и как говорится: что русскому хорошо, то немцу – смерть. И наоборот тоже. Нам нельзя жить, как это делают другие народы: мы на них не похожи. Мы сами-то себя не понимаем, а уж другим нас тем более не понять.

– Это точно! – рассмеялся Жуков.

– Так вот у нас в Обществе произошло то же, что и у людей. Первый Дьявол ценил то, что получил от Венеры, а каждый следующий Дьявол – уже меньше, потому что воспринимал это, как данность. Вроде как по-другому и быть не может. И членов Общества они подбирали под себя, и те перенимали у них высокомерие по отношению к людям. Многие теперь ощущают своё превосходство над людьми и совсем не ценят то, что получили.

– Нет!.. – протянул Федя. – Мы же ценим! И многие из чертей ценят. Не из последних, конечно.

– Ну, да. Ты прав, Федька. Значит, наш Владимир Петрович не такой уж и плохой. Это последних он только плохо подобрал.

– А меня? – жалобно спросил Лёня.

– Тебя мы с Ликой предложили, а не он нашёл, – отмахнулся Андрей. Бархатов удивился и обрадовался, он был польщён. – Значит, сейчас с Владимиром Петровичем действительно что-то происходит. И Лёха такой притихший и загруженный, потому что знает, в чём причина.

– И Лёха, кстати, – вставил Лёва, – не такой, как отец и его предки, а, судя по Чёрной книге, они были не очень хорошими.

– Да Лёха – это тот ещё экспонат! Как он такой хороший уродился – непонятно. Не в отца, да и явно не отцом воспитанный. То ли он от природы такой, то ли Вера Ивановна всё это в него вложила... Лёша действительно отличается от предыдущих Дьяволов и будет, наверное, самым лучшим Дьяволом. И, надеюсь, хорошо воспитает своего сына: ведь именно в плохом воспитании причина загнивания общества, как нашего, так и человеческого. Те, кто устроил революцию, кто победил в войне, плохо воспитали потомков, не уделили этому должного внимания, не донесли до них важность достигнутого, не научили ценить это. И первые Дьяволы – тоже! Они должны были объяснять своим детям, что им по-

везло, раз они получили эти способности и целое Общество в подчинение. Должны были объяснить, что это – подарок, а не нечто само собой разумеющееся! А они этого не сделали! Поленились, наверное. Надеюсь, что Лёхе на это ума хватит.

– Значит, будем ждать, когда Лёха Дьяволом станет, – с улыбкой подытожил Курганов.

– А когда он им станет? – с горечью спросил у друга Самойлов. – Лёше двадцать девять лет, и не похоже, что Владимир Петрович собирается уходить на отдых. Иногда я вообще начинаю сомневаться, что это когда-нибудь произойдёт. Мне кажется, Вера Ивановна была права, когда намекала на то, что Владимир Петрович – властолюбец. Я думаю, он будет тянуть с уходом до последнего. Может, даже до самой своей смерти. И не факт, Лёва, что к тому времени от Общества вообще что-то останется!

– Тоже верно, – сник Лев.

– Да и изменения если будут, то ой как нелегко они произойдут! – глухо воскликнул вожак стаи. – Вспомни из истории, каким образом всё меняется, когда что-то начинает приходить в упадок.

– На революции намекаешь?

– Ага. Подобные изменения так просто не происходят. Это всё очень сложно.

– Хочешь сказать, что нас ждёт катастрофа? – поинтересовалась Оля.

– Почти, – с улыбкой ответил Туманов. – Но при условии, что изменения вообще происходить будут.

– Что: и умирать за Общество придётся? – хохотнул Фёдор.

– Может, и придётся, – улыбнулся в ответ Андрей.

– Ну, значит, будем умирать! Я, кстати сказать, готов.

– Я – тоже, – поддержал друга Лёва.

– И я, – вставил Михаил.

– Что за пессимизм, мальчишки? – со смехом вскричала Ольга.

– Да! – согласилась с подругой Кира. – Что это вы вдруг о смерти заговорили?

– Ой, а почему наш «босс» молчит? – полюбопытствовал Игорь. – Я, например, тоже готов за Общество умереть. А ты, Андрей?

Все посмотрели на вожака стаи.

– Пожалуй, я не привык во что-то вмешиваться, – сказал он. – Не люблю кого-то к чему-то понуждать и насильно что-то создавать не стал бы, наверное. В том числе и изменения. Мне кажется, что если нужно, то всё произойдёт само. Я не готов умирать сейчас же и за что-то непонятное, но если так сложатся обстоятельства, то умру без сожаления. Хотя... возможно, за какие-то мифические изменения, которые рано или поздно сами произойдут, я умирать не стал бы. Не за них.

– Но за тех, кого любишь? – предположил Миша.

– Да, верно. За тех, кого люблю, я бы умер. Но всё-таки постарался бы выжить, если бы им это было нужно.

Внутри у Ангелы что-то тоскливо сжалось. Она покосилась на Волка. Он выглядел задумчивым и каким-то грустным.

– Не говорите о смерти, прошу вас, – тихо попросила она волков. – Не надо.

Друзья замолчали. Отчего-то всем вдруг стало как-то не по себе от разговора о смерти, хотя он и был шуточный.

– Наверное, мы так и остались суеверными, словно люди, – произнёс Федя, отвечая на мысленный вопрос, который задавал про себя каждый из них.

Разговоры в помещении возобновились лишь спустя минут десять, все присутствующие в комнате члены Общества Дьявола хоть и не вступали в беседу друзей Ангелы, но слышали её, и их впечатление от неё было таким же, как у самих беседующих.

Вскоре в дверном проёме показался Алексей Чернов. Он явно направлялся куда-то далее, но, увидев друзей, в нерешительности остановился. Те его поприветствовали и подождали к себе. Он приблизился и сел на диван, стоявший напротив другого, на котором располагались Лика, Андрей, Лёва и Миша. По неведомой его друзьям причине он держался несколько скованно. Нестерова встала со своего дивана, под села к сыну Дьявола и взяла его за руки.

– Что с тобой, Люцифер? – спросила тихо ведьма. – Ты

какой-то подавленный.

Лёша уставился на свои руки, за которые она его держала, а потом перевёл взгляд на неё. Он вздохнул и слабо улыбнулся.

– Вы все тоже не выглядите особо весёлыми.

Молодые волки и ведьмы фыркнули от смеха, и Чернов немного расслабился.

– Ты похудел сильно за последнее время, – заметила Оля.

– Что за диета? – воскликнула молоденькая ведьмочка Ира, сидевшая неподалёку.

Алексей усмехнулся и ответил:

– Нервная.

Все, кто был в комнате, коротко рассмеялись.

– Ты о сплетнях слышал? – осведомился Миша.

– Да, – ответил зеленоглазый ведьм, – от трёх наших клиентов. Причём все говорили разное. Простите, что вам ничего не сказал: замотался что-то.

– Слышал уже, что Владимир Петрович делать будет? – поинтересовался Лев.

– Слышал: ничего.

– Ага, – хором сказали друзья и так же хором вздохнули.

– Это плохо, – сказал Игорь. – Всем не по себе от того, что делает Владимир Петрович.

– Мне не лучше других, Игорь, – заметил Алексей. – Это ведь всё-таки мой отец. – Мужчина потёр лицо руками. – Был бы я хорошим сыном...

– Разве ты – плохой сын?! – в один голос вскричали Оля, Лика и Кира.

– Пожалуй.

– Неправда!

– Ну, ладно: был бы я более умным сыном.

– Извини, Лёха, – встрял Волк, – но обвинить тебя в отсутствии ума как раз нельзя.

– А в отсутствии мудрости? – тихо и с какой-то печалью в глазах спросил сын Дьявола. – Был бы я мудрее, то знал бы, как...

Он замолчал. Ведьмы и волки чуть в разной полюбившейся позы:

– Что?

Мужчина очнулся от задумчивости и поднял глаза.

– Ничего, – поспешно ответил он и так же поспешно встал с дивана. – Прогулки у вас сегодня не будет? – осведомился Лёша, пытаясь сменить тему.

– А ты нас выгоняешь? – в ответ спросил, улыбаясь, Лёва.

– Нет-нет! Что вы? – Чернов посмотрел в окно. – Разве можно в такую погоду? Не пойми что: то ли солнце, то ли всё-таки дождь.

На улице дул сильный и даже ураганный ветер. С утра и до обеда уже несколько раз сменялась погода: то начинало светить всюду солнце, то ветер приносил тучи и солнце исчезало. Несколько раз что-то капало с неба, но дождём это сложно было назвать. А ветер всё дул и дул.

Такие ветры на юге Сибири и именно в Сибирске были делом обычным. Они дули круглый год: и зимой, и весной, и летом, и осенью. Бывало, этим сильным ветром срывало крыши с многоэтажных домов. Поэтому в Сибири если строишь дом, то строй на совесть!

– К вечеру установится дождь, – сообщил Андрей.

– Оу, – протянул Люцифер. – Давно дождя не было. Я даже соскучиться успел.

Все как по команде на него уставились. Мужчина фыркнул и, закатив глаза к потолку, сделал кислое лицо, что говорило о том, что он шутит.

Радоваться дождю в Сибирске мог только сумасшедший: почти всё лето и так лил дождь. В Сибири люди каждый год ждут тёплого солнечного лета и практически каждый год его не получают. Но сибиряки упорно ругают дождь, сокрушаются по поводу холодного и дождливого лета и надеются на тёплое, хотя давно пора бы смириться с тем, что лето в Сибири редко бывает хорошим. Пожалуй, самая сильная вера в Сибири не в Бога, не в любовь, а в хорошую погоду.

Лёша через минуту попрощался с друзьями и покинул комнату, оставив у всех какое-то странное неприятное чувство. Все ощущали, что что-то нехорошее происходит, о чём знает Алексей, но не знают они.

Глава 4

Миша и Лёва вышли из машины. Они должны были сегодня дежурить с членами Общества Максимилиана и в данный момент направлялись к обговорённому заранее месту встречи. Было около половины девятого часа. Развод уже состоялся, и вампиры дежурили на участках.

На том месте, к которому шли волки, стоял вампир по имени Витя. Это был мужчина лет тридцати. Внешностью он обладал приятной, но красавцем его было не назвать. Вампиры Витю любили, но всегда посмеивались над его манерой строить из себя взрослого и серьёзного мужика. Он именно строил, потому что это чувствовалось. Витя был хорошим мужчиной, несмотря на то, что держался часто высокомерно и прохладно, и ему эту прихоть прощали.

– Девочки сейчас подойдут, – проинформировал он двоих членов Общества Дьявола после обмена приветствиями.

– Девочки? – удивился Лёва.

– Да. Влад решил, что вы не откажетесь присмотреть за нашими девочками. Они сегодня дежурят по сокращённой форме – до утра.

– Не откажемся, – спокойно согласился Миша.

Спустя пять минут появилась Настя. Волки были с ней знакомы и с радостью её поприветствовали. Анастасия приходилась девушкой Вячеславу Зыкову, и черти слышали, что

поговаривают об их скорой женитьбе.

– Ксюха сейчас придёт, – сообщила девушка Вите в ответ на его вопросительный взгляд. – Как поживаете, мальчики?

– Да ничего, – ответил Михаил. – Живём потихонечку.

– Лучше всех! – воскликнул Лев, бросая на друга весёлый взгляд. – А ты как, Настенька? Правда, что вы со Славой женитесь?

– Правда, – улыбнулась Анастасия.

Курганов с девушкой принялись беседовать на тему скорой свадьбы, а Самойлов смотрел на них с улыбкой. Скоро он уже не слышал их разговор: он глубоко задумался. Очнувшись спустя какое-то время, мужчина отвернулся от друга и вампирши и... увидел её.

На некоторое время сердце Миши остановилось, замерло, а затем забилося в сумасшедшем, бешеном ритме. Оно выделяло немыслимые выкрутасы в его груди, грозя выскочить наружу.

Девушка была довольно высокая, стройная, с короткими чёрными волосами, стриженными под каре. Кончики этих волос были вывернуты наружу, а не внутрь, как это бывает обычно. Её средние по размеру глаза отличались красивым тёмно-зелёным цветом. В её походке, да и во всём облике, ощущалось что-то весёлое и лёгкое. Она шла очень грациозно, и эта грация была не отработанная, а природная. Гибкая её походка завораживала.

Глаза у девушки весело блестели, губы изогнулись в лёг-

кой улыбке. Энергия же, излучаемая ею, сообщала о жизнерадостности.

Она была уже довольно сформировавшаяся, но всё равно молоденькая, не ровня Михаилу по возрасту. Об этом можно было догадаться не только по её внешности, но и по тому, как она была одета. А одета девушка была следующим образом: чёрные обтягивающие брючки, стильные сапожки, чёрная маечка, а поверх майки – курточка, тоже чёрная; она была не из кожи, но из какого-то скользкого блестящего материала. Куртка эта была определённо модная, но совершенно непрактичная: короткая и при поднятии рук должна была хорошенько задираться, открывая поясницу.

Двигалась по направлению к ним девушка быстро, задорно, засунув руки в карманы. Приблизившись, она остановилась и со всеми поздоровалась, но Самойлов этого не услышал. Он был потрясён. Он был заворожён. Он был поражён, однако не красотой – а девушка была красива – но её лёгкой, радостной энергетикой. Миша глядел на неё во все глаза, у него даже рот немного приоткрылся. А эта нереальная, воздушная девушка посмотрела спокойно на Лёву и Настю и только после этого заметила его. Губы её вновь улыбнулись, а брови удивлённо и весело приподнялись. Она смотрела на него, все уже смотрели на него. Михаил неимоверным усилием воли вырвался из этого странного состояния. Он моргнул, чуть мотнул головой, покраснел, поняв, что как дурак пялился на неё всё это время.

– Извините: задумался, – сказал он твёрдым голосом.

Мужчина больше не смотрел на неё. Ему было и смешно, и стыдно за своё глупое поведение. Никогда он ещё не бывал в таком неловком положении. Лицо его пылало.

Лев бросил на друга короткий, изумлённый взгляд и представился девушке. Она пожала ему руку.

– Ксюша, – назвалась красавица-вампириша и протянула волку руку для пожатия.

– Михаил Самойлов, – представился он, чем вызвал у неё лёгкую, насмешливую улыбку.

Из всех присутствующих только Витя ситуацию проигнорировал, остался серьёзным, не считая нужным обращать внимания на такие мелочи. Он дал им указания относительно дежурства, проинформировал обо всём необходимом и вампириш, и оборотней, а затем ушёл. Четвёрка дежуривших двинулась по улицам города.

Лёва с Настей разговаривали, Ксюша иногда что-то вставляла, а Миша молчал, шагая рядом с другом. Он был смущён своим поведением и растерян. Однако вскоре ему всё-таки пришлось в беседу включиться: Курганов начал его втягивать, да и сам он понял, что ведёт себя, как молоденький застенчивый парень, каким никогда не был и не является сегодня.

Вчетвером молодые волки и вампириши ходили с час, а потом было решено разбиться на пары. И Миша должен был идти с Ксюшей, согласно этому делению. Самойлов мог бы

подумать, что его с Ксюшей пытаются свести и праведно негодовать, если бы решение не имело под собой такой чистой и понятной логики.

То, что разбивались на пары «мальчик-девочка», было разумно. Если бы мужчины бросили девушек вдвоём, то с их стороны это было бы совершенно негалантно, да и вообще не по-мужски. А то, что Настя захотела идти с Лёвой, было естественно. Анастасия и Лев были хорошо знакомы, общались, а Мишу вампирша знала едва-едва и вряд ли выбрала бы себе в сопровождающие. С Ксюшей же не был знаком Курганов, и ему тоже не было никакого резона идти с ней.

Впрочем, если бы Михаил и стал негодовать по поводу деления, то только от того, что его подвох бросался бы в глаза, и Ксения могла о нём догадаться. Но подвоха не было, и черноволосая вампирша не могла насмеяться над Самойловым и тем сводничеством, которое им невольно устраивают. А Миша в глубине души был рад, что всё сложилось именно так: он хотел лучше познакомиться с девушкой.

Лёва и Настя пошли прочь. Двое оставшихся проводили их взглядами. Ксюша повернулась к Михаилу и посмотрела в глаза.

– Ну, пошли, Михаил Самойлов, – с усмешкой сказала она и двинулась по улице.

На лице мужчины промелькнула улыбка, и он последовал за девушкой.

Оба молчали, и никто не стремился заводить разговор.

Миша чувствовал, что завести разговор бы надо, да и завести его нужно ему в силу возраста, но никак не мог подыскать тему. К тому же, он задумался, и говорить пока желания не испытывал.

Никогда в своей жизни Самойлов не пилился на девушку с открытым ртом и не чувствовал себя таким дураком, как сегодня. Вдобавок к этому, он давно уже не заинтересовывался девушкой.

С тех пор, как Аня предала его, он стал шарахаться от женщин. Он не ненавидел весь женский пол, но побаивался его и связывать не хотел. Миша по-прежнему был вежлив с девушками, но избегал даже дружеского общения, а уж если дело шло к чему-то большему, то и вовсе бежал сломя голову. Первой девушкой, с которой он стал общаться с тех пор, как попал в Общество, была Ангела. Как-то сразу она вызвала у него доверие. Она была общей подругой, и её бояться не было смысла, и Миша не боялся. Ангела была ему приятна, и он не избегал её никогда.

Анжелика была первой, а после неё ему стало проще общаться и с другими девушками. И хотя он всё так же не желал никаких близких отношений с женщинами, он начал с ними общаться. Просто общаться.

Друзья его отношение к женскому полу видели и пытались это исправить, каждый на свой лад. Лёва сам общался с девушками всюду и втягивал в это Михаила, заставлял его и даже пробовал сводить с женщинами. Курганов был уверен,

что несколько мимолётных, ничего не значащих связей вернут ему уверенность в себе и помогут перестать так болезненно переживать предательство Анны. К тому же, Лев считал, что совсем прерывать общение с женским полом нельзя и нужно начинать хотя бы с лёгких, коротких связей, чтобы морально подготовить себя к более серьёзным.

Федя пробовал шутить на тему отношений с Аней, дабы заставить Самойлова относиться к этому менее серьёзно.

Андрей с Мишей пытался об этом говорить. Он старался объяснить другу, что женщин на свете много и не все такие, как Аня. Он пытался убедить Михаила, что предательство одной не повод думать плохо обо всём женском поле.

Миша своих друзей обожал и был им благодарен за помощь и поддержку. Но помочь ему сразу забыть обо всём, связанном с Анной, было невозможно: он любил её. Он любил её даже после того, как она его предала. Он солгал Ангеле, говоря, что всё ушло вместе со старой жизнью. Это было не так. Любовь так быстро не проходит. И убить её в себе для Михаила было непосильным трудом.

Его любовь к Ане после её предательства просуществовала ещё три года, а затем стала помаленьку утихать, исчезать и к тому времени, когда в Общество Дьявола пришла Ангела, испарилась вовсе.

А друзья, даже зная о его любви к Ане, не сдавались. И когда она прошла, продолжали в том же духе. Они пробовали обратить его внимание на нескольких девушек, казавшихся

им хорошими и подходящими ему, но Михаил в каждой находил кучу недостатков и кандидатуру с облегчением отвергал.

– О, сколько можно?! – восклицал возмущённо Лёва. – Ты в каждой одни недостатки и ищешь! А идеальных, друг, не бывает!

Это Курганов говорил Самойлову около полугода назад, когда его терпение кончилось. Федя с Андреем его поддерживали, но после длительных споров вожак сказал Льву:

– Успокойся, Лёва. Не ищи ему больше девушек: это бесполезно. Так всё время будет. Но... – и он повернулся к Мише, – ... однажды ты встретишь девушку и не увидишь в ней недостатков, хоть они там и будут, или же они покажутся тебе незначительными. Поверь, так случится. И никуда ты тогда не денешься, Самойлов: побежишь за ней, как миленький. А пока этого не случилось, пожалуй, нет смысла зря тратить энергию и сотрясать воздух: искусственно это не создаётся и случается само по себе, независимо от наших желаний. Будем ждать – что нам ещё остаётся?

С тех пор парни действительно перестали его беспокоить, и он расслабился, уверенный, что предсказание Туманова не сбудется. Однако сегодня оно, похоже, начало сбываться.

Миша тихонько хмыкнул себе под нос, понимая теперь, как был глуп. Ведь когда-то точно так же он был уверен, что никогда более дружить ни с кем не станет. Предательство Ромы тоже не прошло бесследно: он и с парнями общать-

ся старался, как можно реже и менее тесно. Он тогда всё пытался существовать в одиночестве. Но как-то само собой получилось, что он общался с Андреем Тумановым. Самойлов уверял себя, что в этом нет ничего такого: они просто вместе пришли в Общество и поддерживают приятельские отношения, потому что почти никого в Обществе не знают. Но со всеми вскоре он уже был знаком, однако общаться с Андреем продолжал.

Они могли бы стать лучшими друзьями, но Михаил дружить не хотел, и Туманов это чувствовал. И не настаивал ни на чём: не в его правилах было навязываться кому бы то ни было. А с Федей они легко сошлись, потому что оба к дружбе были готовы, расположены, да и подходили друг другу по характерам: оба любили повеселиться и покопаться в себе. К тому же, их объединяла работа и любовь к ней.

С Кургановым Миша дружить также не стремился и даже больше: от Лёвы ему бежать хотелось. Андрей казался парню понятным, похожим на него, а Лев – легкомысленным и совершенно непохожим. Дополнительно ко всему, Лёва практически преследовал его! Он таскался за Самойловым повсюду, порывался втянуть в разговор, навязать своё присутствие. И в глазах у него Михаилу что-то виделось странное.

Гораздо позже, уже когда они дружили, Миша понял, что это было такое – интерес. Глубокий, искренний интерес. И желание общаться. Тогда Самойлов не был в состоянии понять, что Курганову был интересен его внутренний мир, за-

гадочный, непохожий на его. Миша жил другой жизнью, чем Лев, отличной от его. Миша никогда не бил никому морды в пьяном угаре, не пробовал наркотики, не воровал, не спал по пьянке чёрт знает с какими девицами. Его жизнь была чистой, спокойной, у него была хорошая, нормальная семья, его любили, о нём заботились. Курганов всего этого не знал, но хотел бы знать, хотел бы жить так, как живут нормальные, благополучные люди. И в Лёве, несмотря на весёлый лёгкий характер, была глубина.

Эту глубину Миша постепенно начал замечать, но поверить в неё боялся: когда-то он был так же уверен, что они с Ромой похожи, но ошибся. Ещё Михаил скоро обратил внимание на то, что именно с Лёвой может по-настоящему посмеяться. Только Лёве удавалось в то время его расшевелить. Он начал замечать, что когда Курганов перестаёт за ним таскаться, ему становится скучно, грустно и одиноко. Только когда Лев был рядом, ему было весело, хорошо, и жизнь переставала казаться мрачной. Без Лёвы появлялось чувство, что чего-то не хватает. Против воли Самойлов к Курганову начал привязываться.

Он снова почувствовал себя защищённым, и мир перестал казаться руинами. А однажды Лев его и вправду защитил, кинулся на Мишиного обидчика, словно сторожевой пёс, хотя Михаил и сам смог бы защититься.

Окончательно сдался Самойлов, перестал противиться предлагаемой дружбе, ближе к середине августа. В тот день,

когда твёрдо убедился в наличии глубины в Курганове.

А день был вроде обычный вполне, но Лёва вёл себя очень тихо, не шутил, как всегда, ходил какой-то грустный и задумчивый. Когда рабочий день закончился, все пошли по домам, а Миша задержался немного. Уже собираясь уходить, он вдруг с удивлением обнаружил, что Лев в отличие от многих домой не ушёл и с грустным видом остался сидеть за цеховым столом. Равнодушно уйти Михаил, конечно, не смог и поинтересовался, в чём же дело. Оказалось, что в тот день было ровно 40 дней с гибели его семьи. О случившейся трагедии Самойлов не знал, да и никто в Обществе не знал, потому что все черти, участвующие в Ночи Посвящения, собирались по этому поводу за полторы недели до неё. В то время вся семья Льва ещё была жива, и о случившемся никто не был осведомлён.

Лёва тогда, сидя за цеховым столом, многое Мише о себе рассказал, хотя и не всё. В большинстве своём он говорил о Кирилле, и по его лицу, манерам, поведению Михаил понял, как он любил брата, и весь Лев со своими странностями стал для Самойлова ясным. И он попробовал помочь Курганову на свой лад: предложил отправиться в лес, но не в Тёмный, где выплеснуть тоску в волчьем вое. Для волков это был верный способ спастись от хандры и депрессии.

Вместе Миша и Лёва поехали в лес и повыли там вдвоём от души. С того дня они были связаны дружбой.

Михаил своего друга уважал, осознавая, что в то тяжёлое

для него время, он в отличие от него, Миши, не дал себе утонуть в отчаянии; Лев вытягивал себя из депрессии за шкуру, шутил, улыбался и изо всех сил старался жить дальше. Несмотря на то, что из них двоих старше был Самойлов, сильнее, пожалуй, был Курганов, и именно у него жизненный опыт был богаче. И Миша это признавал...

Ксения в это время деловито шагала рядом с Михаилом и думала о своём.

Ей вспоминался восхищённый взгляд, которым Миша на неё смотрел. Ещё никогда ни один парень так не смотрел на неё. И ей было невероятно приятно. Вдвойне приятно было от того, что так смотрел на неё именно он.

Из пятерых друзей Ксюша знала только Ангелу и Волка. Оба они ей нравились.

Ангела была доброй, не высокомерной и чуточку наивной. Вампирше нравилась её дружба с четырьмя волками, искренняя, тёплая.

Андрей Туманов ей тоже был симпатичен. В нём было что-то забавное. Однажды они столкнулись в магазине. У Ксении тогда было несколько полных, тяжёлых пакетов, которые однако ей, при её-то силе, нести было легко. А вожак предложил ей помощь, от которой она с усмешкой отказывалась. Он всё же помог ей нести эти пакеты и до дома довёз, а когда они прощались, рассмеялся и сказал, что никогда не женится на вампирше. Она удивилась тогда, не знала, что это значит, и нужно ли ей обижаться. Он же пояснил,

кивая на пакеты, которые она держала в руках:

– Зачем я тогда вообще буду нужен? Моё самолюбие такого удара не переживёт.

Ксюша тогда долго смеялась, и Волк ей понравился окончательно и бесповоротно.

Фёдора Жукова она видела мельком несколько раз, и их даже, кажется, представляли друг другу. Федя с ней здоровался, но они не разговаривали ни разу.

Со Львом девушку не знакомили, но она знала его в лицо и многое о нём слышала. О Мише же она не знала практически ничего. Она видела его несколько раз издалека, знала, как он выглядит. И при ней его много раз обсуждали.

Михаил Самойлов нравился многим девушкам из Общества Максимилиана. Он был непонятен. Он не стремился общаться с девушками, заводить романы. Он явно шарахался от женщин.

Лёва болтал с девушками, шутил, заигрывал, а Миша просто стоял рядом и молчал. Даже улыбался редко. Он не заинтересовался ни одной девушкой, а ведь среди желающих встречаться с ним были и те, что имели колоссальный успех у парней!

Он был любопытен многим. Однажды он заинтересовал вампиршу по имени Алла – местную «Клеопатру».

Алла спала со всеми парнями подряд. Это было основное занятие в её жизни. Ей нравились только те парни, на которых её чары действовали, которые с ней спали, а тех, что

не желали, она ненавидела лютой ненавистью и всячески над ними насмехалась. Парней Алла, можно сказать, коллекционировала. Как говорится, слаба.

Всех парней, что с Аллой спали, Ксюша не уважала. По её мнению связь с такой девушкой, как Алла, унижала. Парень с чувством собственного достоинства с такой девушкой спать не может. Ксения не понимала, как можно спать с девушкой, с которой спали едва ли не все, да ещё зная, что об этом будут знать все! Ксюша не уважала тех парней, которым безразлично к какой девушке между ног лезть.

И вот это самая Алла объявила, что хочет переспать с Мишей! Ксения была в ужасе. Миша ей тайно нравился, но вся её симпатия к нему могла мигом испариться, если б он с Аллой переспал. Без уважения не может быть симпатии. Но он не переспал.

Алла потом всем рассказывала, сокрушалась. Она ему и так, и сяк намекала о своих желаниях, а он не отреагировал. Он абсолютно точно её намёки понял, но не пожелал иметь ничего общего и прикинулся, что ничего не понял. Со злости Алла попробовала соблазнить Лёву. Но, к радости Ксюши, и Лёва связываться с ней не пожелал. Курганов был бабником, но спал только с хорошими девушками, не опускался до связи со шлюхами вроде Аллы. Для Ксении это была большая радость, потому что как говорится: скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты.

Миша нравился Ксюше. Она часто посматривала на него

издалека, когда видела, как они с Лёвой с какими-нибудь членами Общества Максимилиана разговаривают, любовалась им. Он был хорошенький, а девушке даже красивым казался: было в нём что-то необычное.

Ей нравилась его серьёзность, нравилось, что он такой взрослый и загадочный. Он не обратил внимания на лучших девушек из их Общества, и Ксения даже никогда и не надеялась, что он заметит её. Она была уверена, что уж у неё-то точно шансов нет никаких. А он, похоже, обратил. И даже с открытым ртом на неё смотрел, словно в ней есть что-то особенное.

До чего же он ей нравился, этот вечно серьёзный парень!

Ксюше вдруг вспомнилось, как Миша этим летом подрался с несколькими парнями, защищая свою сестру. Саша и Коля об этом все уши прожужжали. И девушка Самойловым гордилась, хотя и не имела к нему никакого отношения.

Ксения улыбнулась своим мыслям и покосилась на Михаила. Он тут же повернулся и тоже на неё посмотрел. Они долго глядели друг на друга серьёзно, а потом отвернулись, но более не задумывались ни о чём: они вернулись в реальный мир.

– Настя со Славой женятся и, я так понимаю, будут жить вместе, – заговорил, наконец, Миша. – Ты теперь одна жить будешь?

Вампирша легко пожала плечом.

– Не знаю. Может, одна, может, кто-то ко мне подселится,

а может, я перееду назад к остальным ребятам. В доме есть свободное место – не думаю, что Макс мне откажет в крыше над головой.

– Да уж. Он не откажет.

Михаил стал задавать Ксении различные вопросы на отвлечённые темы, но разговор никак не клеился. Тогда мужчина обратился к той теме, к которой всегда обращаются при знакомстве с вампиром.

– Как ты стала вампиром?

Девушка прыснула от смеха.

– Я как раз хотела тебя спросить, как ты попал в Общество Дьявола.

– Я спросил первый.

– А зачем спросил? Потому что так принято?

– И принято, и мне интересно.

– Интересно? Ну, ладно.

– Расскажешь?

– Хорошо, расскажу, – сдалась Ксения. – Но рассказывать здесь сильно нечего. Я жила в городе Новокузнецке Кемеровской области. Слышал о таком?

– Слышал. А как же?

– Молодец. Итак, я училась в Академии. Мы с девчонками номер к студ. весне готовили. Сначала в Академии готовили, а потом поехали к одной домой. Провозились допоздна. Домой я ехала уже по темноте. Вышла из автобуса и пошла к дому. Район у нас был не очень хороший в плане безопас-

ности, и я как-то обычно по вечерам на улицу не выходила, чтобы не нарваться на приключения. Фонари у нас на улице плохо горели, лишь местами, и шла я практически на ощупь. Ну, там на меня вампир и напал. Схватил, оттащил в сторону от дороги, на землю повалил. Я думала насиловать будет, а он кровь пить начал. Я решила, что лежу в своей постели дома и просто вижу кошмарный сон. Но это была реальность! – Вампирша рассмеялась звонко. – А потом он убежал вдруг. Я не знаю, почему. Мне и самой до сих пор интересно, что его спугнуло. Ну, а дальше... было очень больно. Наверное, я никогда в жизни больше так не орала, как тогда. А закончилось всё довольно резко и неожиданно, и я увидела эту женщину.

– Какую? – растерялся Самойлов.

– Ну, ту, которую все видели. – Ксюша посмотрела на мужчину и увидела его удивлённое лицо. – Неужели никто о ней не упоминал?

Михаил отрицательно помотал головой.

– Обалдеть! Как так?! По-моему, это самый интересный момент. Ну ладно, рассказываю. Женщина эта очень красивая. Волосы у неё чуть-чуть кудрявые и цвета... – Она пощёлкала пальцами, но так и не смогла подобрать подходящее слово. – В общем, они не рыжие и не жёлтые, а... цвета золота. Да! Именно! Цвета золота. Глаза у неё не то сиреневые, не то светло-фиолетовые, но очень красивые.

– Не бывает таких глаз, – нахмурился волк.

– Ну, так она тоже нереальная! Её же нет: это просто видение.

– Тоже верно. И что дальше было? Ты её просто увидела и всё на этом?

– Нет. Она улыбнулась как-то по-доброму и сказала. «Всё будет хорошо, Ксюша». Многим она так говорила, но не всем. Некоторым она просто улыбалась.

– Вот как? – улыбнулся Миша. – Интересно. И кто она?

– Я не знаю, она не представилась, – фыркнула девушка.

– А дальше?

– Дальше? А дальше нечего рассказывать. Я пришла домой, прожила там ещё дня два, прежде чем поняла, что хочу крови. Бросаться на кого-то меня не тянуло. Но я ушла из дома. Месяца два слонялась по Сибири, встречала других вампиров, которые мне про Сибирск рассказывали и Общество Дьявола, а потом встретила вампира, который сообщил мне об Обществе Максимилиана. Я явилась сюда, ходила по городу в надежде, что меня заметят вампиры из Общества. И меня заметили – Саня Краснов. Вот и вся история.

– А с семьёй ты связь поддерживаешь? – осведомился Самойлов.

– Нет. Зачем?

– Зачем?! – воскликнул он изумлённо. – А что у тебя за семья?

Ксения расхохоталась.

– Господи! Что за вопрос?! Так обычно дяденьки и тётень-

ки спрашивают: «Девочка, а где ты учишься? Кто твои родители? Чем они занимаются?» – передразнила она.

– Намекаешь, что я – старый? – усмехнулся мужчина.

– Да нет. А сколько тебе лет?

– Почти двадцать девять.

– Ого!

– Что? Всё-таки старый?

– Взрослый, – поправила его вампириша. Она ждала, что он спросит в ответ, сколько ей лет, а потом догадалась, что он, как интеллигентный и воспитанный парень, об этом спросить не посмеет, и сообщила сама: – Мне двадцать три года.

– М-м-м... – протянул Михаил. – Молодая совсем. Ну, а всё-таки: что у тебя за семья?

Ксюша весело улыbnулась, но ответила:

– Старший брат – наркоман, отец – алкоголик, мать тоже выпить любит. И мужиков любит – сам понимаешь, как. В общем, семейка у меня ещё та. Не то, что у тебя.

Миша хмыкнул и улыbnулся.

– Когда-то в детстве я считал, что все в мире живут так же, как и я. Но эта иллюзия давно уже исчезла. Мне с семьёй повезло.

– Но ты же всё-таки попал в Общество Дьявола, а я слышала, что просто так туда не попадают. А как ты попал?

– Как и все: в ночь на Ивана Купалу.

– Ну, это и так понятно! – рассмеялась девушка. – А по какой причине? Ведь что-то же у тебя в жизни произошло. Ты

хотел покончить жизнь самоубийством?

– Хотел, но чёткое решение сделать это ещё не принял.

– А из-за чего?

Самойлов тяжело вздохнул.

– Это довольно скучная история, – сказал он. – Всего-то навсего моя девушка переспала с моим лучшим другом.

– Что? – поперхнулась Ксения. – Разве так бывает?

– Как видишь, бывает.

– Но что это за друг такой? Лучшие друзья так не поступают. Это просто невозможно.

– Я считал его лучшим другом, – пояснил волк стаи, – но это вовсе не значит, что он был им. Это была моя иллюзия.

– Ужасно... И девушка... как могла? Как можно было так поступить? Да тем более с тобой.

Михаил резко остановился и посмотрел на вампиришу.

– Почему «тем более со мной»?

Ксюша тоже остановилась и, неуверенно глядя на него, спросила в ответ:

– Она была красивая?

– Что?

– Она была красивая? Имела успех у парней?

Мужчина глубоко задумался. Впервые в жизни он пытался оценить Аню объективно, без этой своей безумной любви. И был удивлён ответом, который вынужден был дать своей собеседнице:

– Нет.

– На какой вопрос?

– На оба.

– Ну, вот именно. Что же тебе тогда непонятно? Вряд ли она могла рассчитывать на какого-то особенного поклонника, но получила тебя.

– А я, значит, «особенный поклонник»? – фыркнул Самойлов.

– А разве нет? Такие интеллигентные, как ты, сегодня редко встречаются. Ты ведь наверняка ухаживал за ней, как это делают правильные, серьёзные парни из хороших семей?

Он расхохотался:

– А как это делают неправильные парни из плохих семей? Кто знает: может, я от них не отличаюсь?

– Мне кажется, что отличаешься. Ну да ладно, пошли, – скомандовала девушка, начиная движение вперёд. – Мне очень жаль, что они так с тобой поступили.

Миша усмехнулся и признался:

– А мне – нет.

– Нет?!

– Многие люди только в конце жизни обнаруживают, что те, кого они считали на себя похожими, оказывается, на них совсем не похожи. Они верят, что у них есть друзья, и обнаруживают, что их нет, когда менять что-то и заводить новых уже поздно. Мне повезло: я расстался с иллюзиями и так называемыми розовыми очками довольно рано.

– «Розовыми очками»? – скептически нахмурилась Ксения. – Мне казалось, что это выражение обычно употребляют, когда говорят о том, как девушки расстаются с иллюзиями о своих парнях.

– Разве? Но даже если и так, то, по моему мнению, мы все эти очки до определённого времени носим.

– Может быть. Но как ты можешь не жалеть?! – воскликнула вампирша. – Ведь с тобой так по-свински поступили! Разве ты... не страдал?

– Это было неприятно – не спору, но зато эффективно. Я перестал судить всех по себе и понял, наконец, что другие живут и мыслят по-другому.

И Миша вдруг вспомнил, как всё это было. Вспомнил того наивного двадцатилетнего Мишу Самойлова, который был без ума от своей девушки Ани и верил в своего друга Рому...

В тот летний день, когда молодой и наивный Михаил Самойлов умер, Рома просил своего друга прийти к нему домой после обеда и помочь. С чем он должен был Роману помочь, Миша теперь уже и не помнил. Он тогда был вынужден другу отказать: после обеда его просили прийти в местное ОВД, куда он устраивался на работу.

До этого Самойлов четыре месяца проработал в банке, но к тому времени уволился, потому что эту работу прямо-таки ненавидел: у него даже мигрени начались, которые оставляли его в покое только в выходные дни. Теперь Миша подрабатывал грузчиком, пока не поступил на новую работу.

Поэтому друзья, в конце концов, договорились на вечер. Однако часа за два до обеда Михаилу позвонили из ОВД и попросили явиться, как можно скорее, что парень и сделал. Все вопросы с отделом кадров Миша разрешил к обеденному времени и, не сумев дозвониться другу, поехал к нему домой. По словам Ромы, помощь ему была очень нужна и чем быстрее, тем лучше, поэтому Самойлов принял решение не откладывать визит до вечера, желая другу угодить.

Дверь квартиры Романа оказалась не закрыта. Миша, как и все, кто смотрит детективы, знал, что незапертая дверь означает, что внутри ты найдёшь нечто страшное и, вероятнее всего, даже труп. И Михаил испугался за друга. Испугался так сильно, что потерял способность говорить. Эта способность вернулась к нему, когда он уже был на кухне, перед которой заглядывал в гостиную. Парень стал звать друга, а через пару секунд вошёл в спальню.

Его взгляду предстала довольно красноречивая картина. Голый Рома, чуть прикрытый одеялом, лежал на кровати и курил. При появлении друга он лишь немного приподнялся на локтях. А Аня, прижимавшая одеяло к груди, сидела и испуганно на него смотрела.

Это то, что Миша успел увидеть за короткое мгновение, после чего резко отвернул лицо и машинально извинился. Он быстро отступил и пошёл к выходу из квартиры. Аня его окликнула. Михаил же, покидая жилище Романа, прокричал со смехом:

– Простите, что помешал!

Но он и сам в этом своём смехе услышал что-то истерическое.

Самойлов бегом преодолел лестничные пролёты подъезда, но, выйдя на улицу, перешёл на быстрый шаг. Он не желал улепётывать как нашкодивший кот, тем более что он-то как раз не совершил ничего постыдного.

Следующие два часа из памяти Миши выпали. Он до сих пор не мог вспомнить, что всё это время делал, где ходил.

Очнулся он в городском парке. Медленно шёл к лавочке, ступая по дорожке из старого, уже разваливающегося асфальта. Кажется, его делали ещё в советское время.

Отчего-то в тот момент его мысли зацепились за эту тему, и он начал рассуждать об асфальте, о советском времени, и сам не зная, зачем.

Михаил сел на лавочку и, закончив ненужные рассуждения, запрокинул голову. Он прислушивался к шелесту листьев, жужжанию пролетающих насекомых, смотрел на чуть пошатывающиеся от ветра деревья: молодые берёзки, крепкие тополя, изящные сосны и мрачные ели. Солнце было всё такое же яркое, небо – голубое, трава – зелёная, а Миша Самойлов – другой. Ему казалось невероятным, что весь мир остался прежним, а он – нет. Его внутренний мир был растоптан, разрушен. Ещё никогда в жизни он не чувствовал себя таким потерянным. Все его убеждения, знания о мире разлетелись в пух и прах, они оказались негодными и совер-

шенно лживыми, неправильными. И его дружба, его любовь оказались никому ненужными. Миша был разочарован в себе, чувствовал себя несостоявшимся в этой жизни.

А его прежний мир был таким чистым, таким ясным и понятным! Куда всё исчезло? Более в этой жизни не осталось ничего понятного и ясного.

Самойлов раньше считал глупыми песни о любви, в которых практически всегда употреблялось слово «боль». Оно казалось ему нелепым, неуместным. Какая тут может быть боль? Больно может быть физически, а морально, духовно – неприятно, обидно.

А теперь он сидел на лавочке и мысленно спрашивал:
– Боже, отчего же так... больно?..

Больно, больно... – другого слова ему было не подобрать. Неприятно? Обидно? Нет, всё это о чём-то досадном, но вполне терпимом. А ему было нестерпимо больно.

Михаил тогда, обхватив голову руками, рыдал тихо, еле слышно. Ему хотелось не верить, что Аня и Рома его предали, но не верить было невозможно. И он верил, признавал это, хоть правда его и убивала.

Домой он вернулся после ужина. Есть отказался, солгав, что уже поужинал, у Ромы. Не ел он ничего с самого утра, но, как ни странно, и не хотелось. Мама передала, что Аня несколько раз звонила, просила перезвонить. Он солгал, что перезвонит, не собираясь этого делать, не допуская об этом и мысли: он ещё не был готов. Слишком рано. Он не в силах

говорить с ней.

Его мобильный телефон, к счастью, был выключен, и, по всей видимости, он выключил его в то время, когда находился в забытии. Оно было и к лучшему. Включать его Миша не стал. Он лёг на кровать и тупо уставился в потолок.

Катя его состояние, кажется, заметила, но с вопросами не приставала. Она к экзаменам готовилась, за помощью к нему обращалась, уточняла что-то. Он отвечал ей и отвлекался немного, благодарил её мысленно за эту невольную помощь. По крайней мере, его научные знания были верными, надёжными. Это успокаивало.

Ближе к ночи вновь позвонила Аня. Когда мама заглянула в комнату, Михаил притворился спящим и сумел избежать разговора. Утром он не мог заставить себя подняться с постели. Он чувствовал себя ослабевшим: сказывалось голодание предыдущего дня и переживания. Но кто бы что о Самойлове ни думал, слабаком он не был. Он заставил себя встать с постели, он сказал себе, хоть и без энтузиазма:

– Соберись, тряпка.

Перекусил немного потом, что далось не без труда, и отправился к бабушке и дедушке. Планировал парень прийти к ним в пятницу, но пошёл в тот день, хотя на дворе стояла среда.

Целый день он делал то одно, то другое и не позволял себе думать о том, что произошло вчера. Физический труд ли, общество дедушки и бабушки ли, но что-то ему помогло. Он

ожил немного, духом воспрянул.

Миша искренне улыбался, смеялся и поел нормально, по-человечески, как ел прежний, здоровый и телом, и душой Миша. Правда, бабушка спросила про Аню, но он быстро солгал, что всё хорошо, не позволив мыслям задержаться на этом предмете.

Так же он провёл следующие два дня: с утра уходил к бабушке и дедушке, потом шёл на работу, а к ужину возвращался домой. Аня звонила каждый день, и он продолжал лгать матери, что перезвонит ей. Морально он всё ещё не был готов к разговору.

Собеседование в ОВД Михаил прошёл и теперь ожидал результата. Родители видели, что их сын стал нервный, но списывали всё на ожидание звонка работодателей.

В субботу за завтраком снова позвонила Аня. Мама как раз проходила мимо и подняла трубку. На этот раз Самойлову пришлось подойти к телефону: мать явно уже была на него сердита за постоянные пустые обещания перезвонить.

Внутри что-то мелко дрожало в тот момент, когда он подносил трубку к уху.

Аня умоляла выслушать её, просила прощения, оправдывалась, а Миша слушал её голос и любил его и ненавидел одновременно. В сердце или же в душе тупо пульсировала боль.

Он дал ей высказаться, но ни одно её слово не облегчило его муки. Его нервная система вдруг словно перешла в со-

стояние торможения. Им овладело равнодушие.

– Мне кажется, здесь нечего обсуждать, – тихо сказал он. – Я видел достаточно. Ты выбор сделала – я понял.

– Ничего ты не понял, Миша! – вскричала Анна. – Он просто... он так долго и настойчиво меня доставал. Вот я и... Это ничего не значит.

Тут нервная система Михаила перешла в состояние возбуждения.

– Что?! Что ты сказала?! Хочешь сказать, что тебе просто не хватило силы воли послать его? Так?

– Миша...

– Лучше бы ты этого не говорила! – заорал он, как раненый зверь. – Меня целых полтора года не было! Почему вы не сделали этого, пока я был в армии? Как бы я хотел не знать, а особенно – не видеть этого!.. Почему ты мне не сказала, что он пристаёт к тебе? – уже тихо спросил он, обессиленный.

– Я люблю тебя и не хотела расстраивать. Не хотела, чтобы ты разочаровался в своём друге.

– Если бы любила, то сказала бы. Если бы любила, то постаралась бы избавить меня от такого друга-урода. Или, по-твоему, лучше было позволить ему и дальше поступать со мной по-свински?.. И ты бы сказала всё мне, если бы не хотела спать с ним.

– Ты бы мне не поверил.

– Я всегда тебе верил, – глухим голосом возразил па-

рень, – и ты это знаешь. Не звони мне больше. А с Ромой вам совет да любовь.

Он положил трубку и долго стоял, опершись о маленький столик под телефоном. Он вдруг мысленно поблагодарил Бога за то, что застал их «после», а не в процессе. Иначе бы его, наверное, вырвало.

Он чувствовал, что ему не хватает воздуха. Весь мир давил на него. И этот их разговор. Внутри словно на месте леса, богатого растительностью, образовалась холодная, пустынная тундра со своей вечной мерзлотой.

Как каменный Миша вернулся на кухню и с невозмутимым выражением лица продолжил завтрак. Родные глядели на него во все глаза. Они давно не слышали, как он кричит: его спокойной уравновешенной натуре можно было позавидовать. В комнате работал телевизор, поэтому никто из Самойловых не разобрал, что он говорил и кричал, но зато слышали, как он кричал. Убавить же в телевизоре звук им не позволила совесть.

– Аня беременна? – осведомилась Татьяна Леонидовна.

До того, как был задан вопрос, Михаил не поднимал глаза, хотя ощущал на себе их взгляды. Но также он чувствовал, что снова находится на грани истерики. И тут неожиданно на него снизошло оупение, и он спокойно поднял глаза на свою семью.

– Вроде нет. Я не знаю.

– Что значит «не знаю», Миша? Сначала ты не хочешь

с ней разговаривать, а потом орёшь на неё, как ненормальный. Я так понимаю, что ты с ней расстаёшься? Уж не от того ли, что она залетела от тебя?

Катя даже подавилась из-за того, что мама так прямо и откровенно выразилась. Отец помрачнел. Миша же был невозмутим.

– Нет. А если Аня и беременна, то совсем необязательно от меня.

– От кого же ещё?!

– От Ромы, например. У них там... любовь... или секс – я не знаю точно: не выяснял. Спасибо, мама.

Такой же каменный Миша встал из-за стола, ополоснул кружку и ушёл в комнату.

Родители его не поддерживали, и он знал, в чём причина. Они отчего-то решили, что всё это несерьёзно. Они вбили себе в голову, что он ещё мал, и не допускали мысли, что он Аню любил по-настоящему. Михаилу это было смешно, ему хотелось их спросить: «А во сколько, по вашему мнению, бывает любовь? В тридцать? Сорок? Пятьдесят?». У многих первая любовь случалась лет в пятнадцать-шестнадцать. Ему тоже тогда, когда она возникла, было 16 лет. А теперь было двадцать – самый подходящий возраст для любви. Но родители этого не понимали. Или не хотели понимать. Или им было лень помочь ему.

Он употребил слово «секс», но родители всё равно не поняли, что именно случилось. Зато Катя поняла. И потом

назвала его тюфяком. Он не обиделся. Как раз от неё он не ждал поддержки, но какую-никакую поддержку ему оказала именно она. Тем, что вела себя с ним, как ни в чём не бывало. Тем, что не убеждала его в том, что его проблемы ничтожны. Тем, что всё понимала. И вроде бы Катя ничего не делала, а какую-то незримую её поддержку он чувствовал.

Миша собирался разобраться с Ромой, но никак не мог настроиться на встречу с ним. Прошла неделя, а за ней началась другая. В понедельник он возвращался домой с работы и у подъезда встретил Аню.

Она всё так же продолжала звонить и, кажется, даже приходила к нему домой, когда его не было. Мама её жалела, думала, что Миша просто ревнует, и настаивала на примирении. Михаил с матерью к тому времени уже успел поругаться, чего с ним прежде не случалось. Он первый раз в жизни повёл себя жёстко и даже не пожелал Самойлову-старшую слушать. Он сам считал, что это невежливо, но она мучила его своими разговорами, и он просто-напросто сказал ей:

– Нравится тебе Аня – живи с ней сама, люби её, сколько тебе будет угодно, – и вышел из комнаты, закончив тем самым разговор.

И вот теперь Аня подкараулила его у подъезда. Бежать, как трус, он не хотел. Она смотрела на него своими грустными глазами, а он старался на неё не смотреть вообще и остановился на расстоянии метров двух-двух с половиной.

Вежливость в нём была заложена с детства, поэтому он

всё-таки с ней поздоровался. Она ответила и, заговорив, сделала шаг к нему.

– Не подходи ближе, – твёрдо попросил Самойлов.

Она подчинилась и замерла. И снова стала просить прощения. Он её почти не слушал и только смотрел на это любимое лицо.

Как же ему хотелось сделать то, о чём она просила! Как бы ему хотелось простить, притвориться, что ничего этого не было. Хотелось любить её и снова быть любимым ею. Хотелось забыться. Но гордость и рассудок не позволяли. Миша понимал, что уже никогда не сможет ей доверять так, как прежде, понимал, что всё время будет бояться, что ему вновь вонзят нож в спину. Понимал, что это нехорошо по отношению к самому себе.

Он так любил её! И от этого злился на себя. Он смотрел на неё, и ему хотелось схватить её за плечи, трясти, трясти и спрашивать: «Ну, зачем? Зачем ты это сделала?!».

Михаил не подозревал, до чего же страшно было в тот момент смотреть на его лицо, в больные глаза, которые выдавали все его чувства.

– Миша, прости меня, – в который раз сказала Аня.

– Я... хочу. Но не могу, Аня. Не могу. Прости.

– Миша...

– Аня, я прошу тебя, – тихо произнёс Самойлов. – Если ты ещё хоть немного меня любишь, то, пожалуйста, оставь в покое. Не звони мне больше, не приходи. Ну, не мучай ты

меня!

По щеке у него потекла слеза, и он злился на себя за это, хотя и понимал, что строить из себя равнодушного и гордого нет смысла: они оба знают, что это не так.

– Уходи, – прошептал он. – Пожалуйста. Уходи. Уходи.

Он стремительно прошёл мимо неё в подъезд и уже там позволил себе перейти на бег. Миша пулей взлетел по лестницам, миновав свой этаж. Он встал у окна и вцепился в подоконник, чтобы не вернуться туда, к ней. Он боролся с собой из последних сил. Аня пошла прочь, и Михаил стиснул челюсти, чтобы не завывать во весь голос. Ему так хотелось побежать за ней...

Домой он вошёл через некоторое время, когда пришёл в себя. Он чувствовал себя слабым, обессиленным после этой яростной борьбы с собой. И внутри всё болело сильнее прежнего от встречи с ней.

Миша, снова ощущая себя каменной глыбой, сидел за столом вместе с семьёй и ужинал. Мама сообщила, что Аня приходила, и спросила, видел ли он её. Михаил солгал, что нет. Катя на него покосилась, словно знала, что он лжёт. Но он не поднял глаз, не посмотрел на неё. Он не знал, что она видела или слышала, и знать не хотел.

А на следующий день Самойлов отправился к Роме. Он хотел набить своему другу морду, но не был уверен, что делает это: подобный поступок был не в его стиле. Однако когда он увидел Романа, то тут же решил, что всё-таки побьёт

его. Но не побил.

Когда его дорогой «друг» заговорил, у Михаила тут же отпало желание к нему прикоснуться, ему стало противно. Миша с ужасом обнаружил в Роме такие качества, о каких прежде и не подозревал. Он не сумел их разглядеть из-за своей доверчивости, наивности. Зато увидел теперь.

Самойлов, наконец, понял, что они были похожи с Ромой когда-то давно, ещё в детстве, и это он, Миша, остался верен тем ценностям, тем понятиям о «хорошо» и «плохо», которые в них закладывали учителя и родители, а Рома стал подстраиваться под мир. Для него более не существовало никаких ценностей, кроме собственного удовольствия.

Михаил с отвращением и разочарованием смотрел на этого чужого ему человека, который столько лет попросту пользовался им. Он не стал с ним ни драться, ни ругаться, ни спорить – только посмотрел снисходительно и сказал:

– Мне тебя жаль, Рома. Всего хорошего.

После чего развернулся и ушёл. Больше он Романа не видел никогда.

После встречи с Аней и разговора с Ромой в Мише росло желание быть мёртвым, чтобы больше ничего не чувствовать. По ночам ему снились кошмары, и виделась та перепуганная Анна, прижимавшая к груди одеяло. Эта сцена часто являлась ему и мучила. У Самойлова началась глубокая депрессия, которая должна была неумолимо привести к самоубийству, если бы не Общество Дьявола...

– А как ты со своей девушкой познакомился? – спросила Ксюша, заставляя Мишу вернуться в реальный мир.

Мужчина протяжно вздохнул, собираясь с мыслями.

– Мы учились в педучилище. Со второго курса группы формируются по специальностям, и мы попали в одну группу.

– Что за специальность?

Он ответил.

– Она у тебя списывала? – с улыбкой полюбопытствовала вампирша.

Михаил рассмеялся:

– Было дело.

– А что ты в ней вообще нашёл?

Этот вопрос вызвал у оборотня новый приступ смеха.

– Теперь уже сложно сказать. Мне она казалась хорошей. И, пожалуй, странно было от неё ожидать большой верности: ей никто и никогда не был верен. Отец сбежал, когда ей было года два, мать почти не уделяла внимания, ездила в командировки, и Аня часто оставалась одна.

– Аня? – тихо переспросила Ксения. – Дурацкое имя. Но ты-то ведь был ей верен. Или не был?

Тёмно-зелёные глаза впились в его лицо испытующим взглядом. Миша улыбнулся и спокойно ответил:

– Был, но это совсем другое. Мы берём практически все понятия и знания о мире из семьи. А в семье никто не подал ей соответствующего примера. Но я не думаю, что она

мне всё время изменяла. Тешу себя надеждой, что это был единственный раз. И, несмотря ни на что, Аня была хорошей. Мне было с ней хорошо.

– А как вы с ней дружили? Гуляли под ручку по улице и сидели в училище за одной партой? Ведь интеллигентные мальчики из хороших семей не позволяют себе лишнего.

Мужчина расхохотался во всё горло.

– Интересное же у тебя представление об «интеллигентных мальчиках из хороших семей»! Если хочешь знать, спал ли я с ней, но стесняешься спросить, то отвечаю: да, спал. Когда мы впервые стали с Аней близки, мне было лет семнадцать или семнадцать с половиной.

Он хорошо помнил, как это случилось. Он часто ночевал у Ани дома, когда её мама уезжала в командировки, но у них никогда ничего не было, кроме поцелуев, хотя Миша и испытывал желание. Но он не смел его навязывать.

А однажды ночью ей привиделось что-то в темноте, она испугалась и его позвала. Он успокаивал её. Потом они целоваться начали и как-то незаметно пошли дальше. Оба были молоды, невинны и влюблены друг в друга.

– Она беременела от тебя когда-нибудь? – осведомилась Ксюша, внутренне корчась от тех картин, которые рисовало ей воображение.

– Нет.

– Уверен? Может, она тебе просто не сказала?

– Сказала бы. Когда мы спали с ней в первый раз, она

вполне могла забеременеть, но этого как-то не вышло.

– А если бы забеременела? Что бы ты делал?

– Женился бы. С радостью женился бы на ней. Тогда я этого очень хотел. Я устраивался на новую работу и планировал, что после этого мы поженимся, и будем жить вместе.

– Вот как? Многого она, однако, лишилась.

– Может, оно и к лучшему для нас обоих. Значит, не нужно было нам жениться, раз не получилось. А ты? Ты беременела когда-нибудь?

– Это... – Девушка осеклась. Она хотела сказать, что это не его дело, но поняла, что и сама всё это время лезла не в своё дело, а он не сказал по этому поводу ни одного слова против, удовлетворив её любопытство. И сочла, что справедливо будет ответить. Да и ей хотелось знать сразу, примет он это в ней или нет. – Честно?

– Честно.

– Да, однажды.

– Аборт делала?

– Да, делала.

– Бесплодие не приобрела?

– Нет. У меня был удачный аборт, если такое вообще может считаться удачей. Я вполне могу иметь детей.

– А-а... где был отец ребёнка?

– Отец? Я уже не помню. Но неужели ты полагаешь, что он стал бы мне помогать? Я не наивная идиотка, чтобы рассчитывать на это. Беременность – это моя проблема, и нико-

му до неё нет никакого дела. И тогда не было.

– Ты ему даже не сказала?

– Нет.

– А вдруг он захотел бы этого ребёнка?

– О, не смейся, Миша! – воскликнула вампирша. – Это ты считаешь, что беременность – проблема общая, а все остальные парни думают иначе! Ты опять судишь всех по себе.

– Нет, – сказал Самойлов, останавливаясь и глядя ей в глаза. – Мне просто неприятно осознавать, что кто-то мог так поступить с тобой. Что кто-то мог спать с тобой, не желая от тебя ничего большего.

Мужчина развернулся и пошёл дальше.

– Ты всё ещё переживаешь из-за этого?

– Из-за чего?

– Из-за аборта.

– Да, – призналась Ксюша, – немного. Но, пожалуй, я не хотела бы ребёнка от того парня, да и одна с ребёнком не протянула бы и дня.

Михаил поморщился как от боли. Ему хотелось бы её поддержать, утешить как-нибудь, но он не смел к ней прикоснуться, да и не знал, как к этой девушке подойти.

– Мне... мне очень жаль, что так вышло, – выдавил он из себя. – И что никто тебе тогда не помог.

Ксения тихо улыбнулась сама себе и сказала:

– Хороший ты парень, Миша.

Они продолжили ходить по своей части участка в молча-

нии. Минут через десять наткнулись на группу подвыпившей молодёжи, среди которой начал зарождаться конфликт. Миша их махом разогнал, используя лишь твёрдый учительский тон. Ксюша над этим долго хохотала. После этого инцидента у молодых нелюдей вновь завязался разговор. Говорили обо всём подряд, спорили, смеялись. Отчего-то им вдруг стало легко в обществе друг друга.

Благодаря Мише их разговор не переходил в пустую болтовню, в нём оставался смысл, а стараниями Ксюши он не становился удручающе серьёзным и тяжёлым.

В Ксении была какая-то приятная лёгкость и радость жизни, несмотря ни на какие обстоятельства, и эта радость передавалась Михаилу, он заражался ею от собеседницы.

Вампирише же нравились серьёзность волка, его спокойствие, не переходящее в аморфность, и надёжность. Рядом с ним было как-то безопасно и очень уютно. Как за каменной стеной. Он вызывал доверие. И его уверенность в себе была приятна, потому что не граничила с самоуверенностью. Он был правильный, положительный, каких прежде она не встречала.

Они шли вдвоём по полутёмной улице, как вдруг Ксюша прислушалась и остановилась. Она нахмурилась, а потом потащила Мишу за собой.

– Прыгай через забор! Быстрее! – шёпотом скомандовала девушка, перемахивая через забор.

Он удивился, но подчинился. Оказавшись по ту сторону

забора, мужчина спросил:

– А что...

Но договорить не успел: вампириша зажала ему рот и потянула вниз, к земле. Он присел на корточки вместе с ней. Она прижала палец к губам, призывая к молчанию. Но оборотень продолжал на неё вопросительно смотреть, ожидая объяснений, поэтому Ксения переместилась поближе и потянулась к его уху.

– Сюда идёт Вова Токарев, и он явно сегодня выпил. Когда он напьётся, то обязательно подерётся, если кого-нибудь встретит. А если не встретит, то придёт домой, завалится и проспится. Ему до дома всего ничего осталось.

Михаил кивнул. Через щели в заборе оборотень и вампириша смотрели на улицу, ожидая Токарева. Девушка, сидя на корточках, пошатнулась и, чтобы не потерять равновесие, ухватила за колено мужчины. Вернее, чуть выше колена. Он уставился на её руку.

«Надо скинуть её руку, потому что... надо убрать её, пока...».

Здесь мысли Самойлова начали путаться. Он с удивлением ощущал, как кровь начинает быстрее течь по сосудам, как сердце принимается биться чаще. Он уже и забыл, когда в последний раз испытывал к девушке желание.

Аня была его первой женщиной и единственной. После неё у него не было никого, поэтому с тех пор, когда он последний раз испытывал желание, прошло 8 лет. Лёву это ужа-

сало, а Миша ничего не мог с собой поделаться: другие девушки его не привлекали.

Но Ксения привлекла. Михаил с радостью вспоминал, как это: хотеть девушку, всю, целиком. Она нравилась ему невероятно. Ему нравился её лёгкий, жизнерадостный характер и нравилась её внешность, нравилась её энергетика и нравился её облик. Всё в ней было новое, незнакомое и отчего-то казалось ему чистым. Рядом с ней и он чувствовал себя более живым, весёлым, лёгким.

Самойлов собирался убрать её руку, но когда взялся за неё, Ксюша на него посмотрела, и он не нашёл в себе сил сделать это. Его пальцы непроизвольно сжались, удерживая её руку. Мужчина поднял глаза на девушку. Он хотел её поцеловать, но в его голове было заложено, что целоваться в первый день знакомства нельзя, слишком быстро. И он подавлял это желание, считая это правильным.

А Ксюша такой уж правильной не была и, решительно положив ему ладонь на затылок, поцеловала его сама. Михаил же, получив разрешение, плюнул на все свои правила. Он встал на колени и обнял девушку, прижал её к себе всю. И теперь вспоминал с удовольствием, как же это приятно – целовать девушку, которая тебе нравится...

Ксения всегда считала, что поцелуи – это что-то лёгкое, весёлое, приятное, но не очень-то и важное. Всех парней, которые её целовали, больше интересовало то, что за ними следует, и самим поцелуям они особого внимания не уделя-

ли. И девушка была уверена, что так и должно быть.

Её вообще не тянуло ни на поцелуи, ни на объятия, ни, тем более, на занятие любовью. Все эти любовные штучки её не интересовали, ей это казалось ненужным. От них у вампириши остались не очень приятные впечатления. Но Мишу она поцеловала. Потому что её тянуло к нему духовно, и она думала, что, может быть, с ним ей всё это не покажется неприятным и отвратительным. Так и вышло.

Ещё никто и никогда так её не целовал! И не обнимал, не прижимал к себе так крепко. Ей было очень тепло в его объятиях, и она чувствовала себя нужной ему, необходимой. И целовал он очень серьёзно, основательно, крепко и чуточку медленно, вытягивая из неё своим поцелуем всю душу. Она вцепилась в него изо всех сил, чтобы не упасть. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Целовал Михаил, как говорится: с чувством, с толком, с расстановкой. Так словно от этого поцелуя сейчас зависит вся его жизнь. И никогда ещё поцелуй не казался Ксюше таким важным.

В этом поцелуе ощущались страсть, эмоции и... опыт. Отчего-то вампириша чувствовала, помнила, что её целует взрослый, опытный, серьёзный мужчина.

А Миша действительно был опытным, пусть в его жизни и была всего одна девушка – Аня. Но ведь «опытный» не значит, что спал с множеством женщин! Можно переспать с сотней женщин, но так и не научиться понимать что-либо кро-

ме собственного удовольствия. Опыт получает тот, кто хочет его получить. Знания приобретает тот, кто желает учиться. И Миша был из тех. Потому что любил свою Аню.

Он не хотел, чтобы близость с ним была для неё неприятной обязанностью. Он хотел, чтобы ей это было приятно так же, как ему. Он заботился о том, чтобы и ей было хорошо с ним. Он думал о том, чтобы доставить удовольствие ей, потому что это в свою очередь доставляло удовольствие ему. Он хотел учиться, получать опыт и делал это. Он наблюдал, что ей нравится, а что – нет, где стоит прикасаться, а где – нет, как следует целовать, а как – нет. Его на это толкала любовь...

Когда сил целовать Ксюшу у Миши не осталось, он отстранился, по-прежнему обнимая её. Он хорошо видел её растерянное лицо, покрасневшие скулы, слышал неровное дыхание. Она же его лица не видела – только поблёскивающие в темноте глаза, как у кошки.

– Мне кажется, он уже зашёл домой, – прошептал Самойлов.

– Мне – тоже, – тоже шёпотом ответила Ксения.

– Пошли?

– Пошли.

Они оба медленно выпрямились. Девушка первой перепрыгнула через забор, мужчина последовал за ней. Фонарь, который всё время то загорался, то гас, снова осветил улицу. Вампириша встала на светлую часть дороги, и оборотень был

вынужден подойти туда же.

Ксюша внимательно всматривалась в его лицо. Миша по-дошёл вплотную. Ей пришлось немного запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза: он был выше неё на полголовы. Его глаза сейчас были тёмными, почти чёрными, как у вампира, и глядели на неё серьёзно, напряжённо и даже испытующе.

Неожиданно на лице Михаила отразилось смущение.

– Разве так можно? – спросил он.

– Как?

– После трёх часов знакомства.

Ксения решила, что он обвиняет её в легкомыслии, и, нахмурившись, стала думать, что ответить. Когда ответ был готов, и она открыла рот, чтобы его озвучить, мужчина вдруг положил руку ей на шею и, погладив её по щеке большим пальцем, сказал, глядя в глаза:

– Ты мне нравишься.

Вампирша опешила, а затем расхохоталась:

– Миша, что за странные переходы? То ты как будто бы обвиняешь меня в распушенности...

Тут произошёл ещё один переход, и оборотень принялся её целовать. Ксюша обвила его шею руками и отдалась поцелую, думая про себя, что поцелуи и объятия ей начинают нравиться.

Миша целовал её и руками прижимал к себе. Эти руки вскоре принялись скользить по голове и спине девушки с це-

любя прижать её к себе, как можно теснее и крепче. Они доползли до поясницы, которая оказалась оголённой, потому что задралась куртка. Мужчина положил на эту голую кожу ладони, чтобы согреть: на улице становилось прохладно, и, когда они говорили у фонаря, изо рта шёл пар.

Самойлов возмущённо замычал что-то, продолжая Ксюшу целовать. Через несколько мгновений они оторвались друг от друга.

– Что ты сказал? – растерянно осведомилась она.

– Боже! Ну, что за куртка у тебя?!

– Тебе не нравится?

– Красивая, тебе идёт – не спорю, но у тебя половина спины голая и холодная!

– А у тебя руки тёплые, – промурлыкала зеленоглазая вампирша, жмурясь от удовольствия, которое испытывала из-за этих тёплых ладоней.

– Замёрзла?

– Нет. С тобой замёрзнешь. Как же!

– Ну, да. С нами, волками, трудно замёрзнуть.

– Я не об этом! – рассмеялась девушка. Михаил, наконец, понял, что она имела в виду, и немного смутился. – Даже удивительно, что ты так можешь... целоваться! Ты всегда такой спокойный, серьёзный и не улыбаешься почти. Я наблюдала за тобой со стороны.

Мужчина обнял её и уткнулся лицом в волосы, не желая комментировать её реплику, но всё-таки сказал вскоре:

– С тобой мне всё время хочется улыбаться.

Он продолжал её обнимать и постепенно принялся целовать в висок. Ксюша млела в его объятиях.

– Замёрзла? – снова спросил Самойлов, чувствуя, как она иногда вздрагивает.

– Немного.

– Несильно это поможет, но всё же... – пробормотал он, снимая пиджак.

– Ты что?! С ума сошёл? – воскликнула девушка.

Миша был одет в голубые джинсы, белую футболку и чёрный пиджак, который только что снял. Её испуг вызвал у него насмешливую улыбку.

– Неужели думаешь, что я замёрзну? – с иронией осведомился он, подставляя ей пиджак. – Надевай.

Вампирша послушно засунула руки в предложенный пиджак. Мужчина запахнул его на ней и, снова обняв её всю, поцеловал.

Потом он вдруг внимательно и очень серьёзно на неё посмотрел. Она этого взгляда почему-то испугалась, чувствуя, что он скажет сейчас что-то, что она слышать бы не хотела.

– Мне жаль, что тебе пришлось делать аборт, – произнёс Михаил, наконец-то. – Я хотел бы тебе помочь, но не знаю, как.

Ксения ощутила, как на глаза наворачиваются слёзы, и собралась было что-то сказать, но он ей не дал, продолжив:

– Не переживай из-за него. Если так вышло, значит, это

было нужно! У нас в Обществе Дьявола не верят в случайности, поэтому всё получилось, как должно было получиться. Забудь и не переживай больше. Ты ни в чём не виновата. Ты не сделала ничего плохого.

— Но... — она запнулась из-за слёз, которые душили её, — ... говорят, что это убийство. У него уже могла быть душа.

— Даже если она и была, это ничего не меняет. Ты не виновата. Ксюша, ну разве было бы лучше, если бы ты отдала его в детдом? Или если бы вы выживали? Если бы вы оба были несчастны. Разве ж это гуманнее? Кому от этого было бы лучше?

— Никому, — жалобным тоном ответила Ксюша.

— Вот именно, — сказал он, обнимая её.

— Спасибо.

— Не за что. Хотел бы я помочь тебе... — Он вздохнул, а потом неожиданно развеселился. — Пожалуй, как это обычно говорится в книгах, я мог бы подарить тебе нового ребёнка взамен того!

Девушка нахмурилась и отчего-то стала вырываться, подумав, что только это ему и нужно, как и всем остальным. Самойлов же обнял её ещё крепче, не давая вырваться, и рассмеялся.

— Да я же пошутил! Дурочка... маленькая дурочка...

Она мгновенно успокоилась и, когда подняла на него глаза, на самом деле ощущала себя маленькой и ничего не понимающей в этой жизни. Рядом с ним можно было быть сла-

бой.

Миша ласково смотрел на неё, улыбаясь, а потом поцеловал в лоб и повёл дальше по дороге.

– Мы с тобой совсем совесть потеряли, – заметил он. – Про участок-то забыли!

Ксения рассмеялась.

В обнимку они продолжили ходить по своей части участка. На улицах было тихо и пустынно – только собаки изредка перелаивались друг с другом, да ветер шумел.

Когда время стало подходить к часу ночи, вампирша и оборотень направились к тому месту, где договаривались встретиться с Лёвой и Настей. Тех ещё не было видно, и Миша с Ксюшей, остановившись, стали их ждать.

Самойлов повернулся к девушке, уткнувшейся носом в его пиджак. Незаметно для него она с удовольствием вдыхала запах его одеколona и его самого, которыми пиджак был пропитан насквозь.

– Ксюша, – тихо позвал он.

– Что?

– Можно я тебе позвоню?

Ксения улыбнулась:

– Позвони.

– А телефон свой дашь?

– Да. У тебя мобильник с собой?

– Нет, дома оставил. У меня ручка есть! Правда, листочка нет...

– Не проблема, – отмахнулась она. – Давай ручку.

Михаил вытащил её из внутреннего кармана пиджака и протянул вампирше. Она решительно выхватила у него ручку, взяла его за левую руку и крупно написала свой номер на его предплечье.

Он улыбался. С детства он был правильным мальчиком и никогда ничего не писал на своём теле, потому что знал, что это нехорошо. Теперь же это доставляло ему удовольствие. Он чувствовал себя очень легко.

Ксюша закончила писать и протянула ему ручку. Миша прочитал цифры три раза и запомнил. Когда он поднял глаза, оказалось, что она внимательно и с улыбкой наблюдает за ним. Мужчина улыбнулся ей в ответ и положил ручку обратно в пиджак.

– Тебе в нём не теплее? – спросил он, кивая на пиджак.

– Теплее. По-моему, моя куртка греет не лучше, чем он.

Тут она решила, что пора бы пиджак уже вернуть, и начала его снимать.

– Нет-нет! – воскликнул Миша. – Не снимай! Тебе ещё всю ночь дежурить. Оставь. Я как-нибудь потом заберу, – с улыбкой глядя ей в глаза, добавил он.

– Хорошо, – улыбнулась Ксения. – А ты не замёрз?

– Нет.

Они долго смотрели друг другу в глаза и не сразу заметили Лёву и Настю, направлявшихся к ним.

– Спокойная сегодня ночь, – сказала Анастасия, когда они

приблизились. – Давно нам так не везло.

– Да уж, – согласилась Ксюша, по-прежнему глядя Самойлову в глаза и будучи не в силах от них оторваться.

– Ой, а я смотрю, Миша тебя приодел! – хохотнула вампирша. – Я ведь говорила тебе: «Не надевай ты эту куртку!». Толку от неё никакого. Ну что, прощаемся? Спасибо вам, мальчики.

– Вам спасибо, – ответил Миша. – За хорошую компанию.

– Верно! – поддержал друга Лев. – Спасибо.

– Всего хорошего, – попрощалась Настя, беря под руку подружку.

– До свидания, – тихо и с улыбкой сказала Ксения, лишь мельком посмотрев на Курганова, но твёрдо и прямо поглядев в глаза Михаилу.

– До свидания, – так же тихо произнёс в ответ мужчина.

– Пока! – весело прокричал девушкам вслед Лёва и повернулся к другу.

Мишино лицо с тихой, смущённой улыбкой и мечтательными, блестящими глазами говорило само за себя.

– Мишка, – протянул Лев, – ты влип. Ой, как ты влип-то!

Самойлов очнулся от задумчивости и посмотрел на друга своими светящимися глазами.

– Думаешь, это плохо?

– Не знаю. Нет, наверное. Не думаю. Она вроде хорошая девушка.

Михаил прерывисто и счастливо вздохнул. Курганов ве-

село фыркнул.

– Пошли, Ромео, – сказал он, улыбаясь и обнимая Мишу за плечо.

Друзья пошли прочь: один – думая о той, в которую влюбился, а другой – радуясь и боясь за своего друга.

* * *

В воскресенье, часам к двенадцати, друзья собрались в полном составе в резиденции Дьявола. Все оживлённо беседовали поначалу, но постепенно Ангела, Волк и Федя стали внимательнее присматриваться к Мише и вскоре заметили, что с ним что-то не так. Его глаза стали более живыми, яркими, да и всё лицо заметно поменялось: оно не было слишком уж серьёзным.

– Миша, ты – влюбился, – констатировал Жуков.

Все, кто ещё не пялился на мужчину, теперь посмотрели на него. Самойлов вздрогнул, огляделся и, смутившись от пристальных взглядов друзей, слегка порозовел.

– Это так заметно? – спросил он с робкой улыбкой.

Черти дружно расхохотались. Обрадовавшись, они стали заваливать его вопросами. Михаил растерялся.

– Давайте по очереди! – предложил Лёва, перекричав всех остальных. Он довольно улыбался: с самого начала встречи он ждал, кто первым заметит состояние его друга.

– Мне кажется, что отвечать придётся тебе, Лёва, – заметила Лика. – По-моему, Миша не в состоянии: он летает в об-

лаках.

Все рассмеялись.

– Есть немного, – со смехом согласился Самойлов.

– Первый вопрос: кто она? – это произнёс Фёдор.

– Вампирша из Общества Максимилиана, – сообщил Лев, получив разрешение в виде кивка от друга. – Зовут Ксюша.

– Ах, точно! – тихо воскликнул Андрей. – Вы же вчера дежурили.

– Ага.

– Ксюша? – уточнила Анжелика. – Это случайно не подруга Славиной Насти?

– Она самая.

– Хорошая девушка, – практически в один голос сказали Туманов и Нестерова.

– О, нет! – простонал Федя.

– Что такое? – осведомилась у него Оля.

– Я просто понял, о ком идёт речь.

– И?

Жуков осторожно покосился на Мишу.

– Что? – не выдержал тот.

– Она – хорошая, хорошая – ничего не говорю, – поспешно вставил Фёдор. – Но я просто слышал о ней от ребят из Общества Максимилиана кое-что. Они говорили, что она не жалуется мужской пол. То есть... чисто по-дружески со всеми общается, а как только к ней клинья кто-то начинает подбивать, сразу злая становится. Ребята рассказывали, что ко-

гда она только в Общество к ним вступила, у неё вроде роман был с кем-то из людей, но всё закончилось быстро, и она, вероятнее всего, разочаровалась в мужиках окончательно. Один вампирчик ухаживать за ней пробовал, на свидание позвал и, кажется, обнять её попытался, а она сразу психанула и ушла. Многие парни недотрогой её зовут.

Закончив, Федя посмотрел на Самойлова и тут же расхохотался над его вытянувшимся от удивления лицом.

– Так... – смеясь, подытожил Жуков. – Значит, тебе она недотрогой не показалась?

Миша смущённо опустил глаза и, поджав губы, чтобы не рассмеяться, отрицательно помотал головой. Теперь смеялись все.

– Ну, тогда я спокоен, – улыбнулся Фёдор. – Кстати, а недостатки у неё есть?

Михаил усмехнулся и снова помотал головой.

– А Андрюха тебе ведь говорил, что так будет...

В три часа дня Самойлов подошёл к дому, где жила Ксюша. Он звонил ей утром, когда только проснулся, и назначил свидание. Теперь он ждал её, чувствуя себя отчего-то полным кретином с букетом цветов, который держал в руках. Вскоре она вышла.

Сначала они посидели в кафе Валентина Щербакова, а потом отправились гулять. Долго просто шли рядом и разговаривали, постепенно снова расслабляясь в обществе друг друга. Им было весело, легко.

Спустя какое-то время Миша преодолел появившееся непонятно откуда смущение и взял девушку за руку. Она не воспротивилась и крепко сжала его руку в ответ.

Они гуляли по улицам города с час, а затем вошли в городской парк. Там устроились на лавочке, вокруг которой вся земля была усыпана жёлтыми, оранжевыми и красными листьями. Продолжили беседу, начатую ещё до входа в парк. О времени они забыли совсем.

Когда Михаил пришёл в себя, оказалось, что Ксюша уже давно сидит у него на коленях, они целуются, а на улице темнеет. Закончив ещё один весьма горячий поцелуй, они рассмеялись.

– По-моему, мы с тобой всё делаем неправильно, – сказала Ксения.

– Может быть, – согласился мужчина. – Но я многое в своей жизни делал правильно, и ничего хорошего теперь в этом не вижу. Наверное, плохо, когда всё слишком правильно.

Он принялся целовать её в шею. Девушка затаила дыхание.

– Ой!.. – выдохнула она. – Что ты делаешь?

Он прекратил своё занятие и засмеялся, уткнувшись ей в шею лицом. С большим трудом Самойлов справился с собой и своими желаниями. Он отстранился и посмотрел Ксюше в глаза.

– Кажется, это называется «теряю над собой контроль», – ответил оборотень на её вопрос, смущённо улыба-

ясь и немного розовея.

Она улыбнулась, глядя на него с нежностью.

– Федя сказал, что ты от всех парней бежишь, – тихо произнёс Михаил. – От меня ты тоже убежишь?

Ксения прижала его голову к своей груди и, целуя его в волосы, еле слышно призналась:

– От тебя мне не хочется бежать. Напротив – хочется бежать к тебе.

Уже ближе к восьми часам вечера они, наконец, снова подошли к дому, где жила вампирша. Там в окнах горел свет, и было хорошо видно, что толпа девушек из Общества Максимилиана прилипла к стеклу и смотрит на них.

– Боже! – выдохнула Ксюша. – Откуда они все взялись здесь?..

Миша рассмеялся и посмотрел ей в глаза.

– Спасибо за хороший вечер и... день.

Он глянул на девушек, с жадным любопытством и без всякого стеснения наблюдавших за ними, и отступил, собираясь уйти, но не выдержал и, оттащив девушку в сторону, где их не было видно, нежно её поцеловал.

– Надеюсь скоро снова увидеть тебя, – сказал мужчина.

– Значит, увидишь, – улыбнулась она весело.

– Спокойной ночи, Ксюша.

– Спокойной ночи.

Он улыбнулся ей и, развернувшись, пошёл прочь. Девушка проводила его спину глазами и, чуть помедлив, вошла

во двор, а затем и в дом. Когда она появилась в комнате, все, кто в ней находился, на неё уставились. Ксения же молча прошла к своей кровати, села на неё и только потом счастливо рассмеялась.

– Девочки... – протянула она с широкой улыбкой на лице, – кажется, я влюбилась...

И, сказав это, девушка вдруг разревелась, сама не зная, отчего. Наверное, от любви, о которой давно уже перестала мечтать.

Глава 5

Восемнадцатого октября Анжелике исполнилось 23 года. Это был солнечный, на удивление тёплый день. Всю неделю было холодно, и падал снег, который тут же и таял, но вдруг на радость жителям города Сибирска суббота выдалась хорошая.

Для большинства сибирцев это был просто удачный в плане погоды выходной день, а для Ангелы и её друзей – праздник.

С самого утра ведьма готовилась к приходу гостей. Вскоре пришла подмога в лице Ольги и Киры. Втроём девушки быстро управились со всеми делами и стали ожидать мужчин.

Лица, когда ей исполнялся 21 год, советовалась с парнями, где лучше отметить день рождения: в кафе или дома. Волки в один голос утверждали, что лучше дома. Причина была в том, что они любили вкусно поесть, а домашняя еда всегда лучше, чем та, которую готовят в кафе или ресторане. Впрочем, это зависит от совести владельца заведения.

Пришли мужчины практически одновременно. Миша и Лёва появились первыми, а за ними подоспели Андрей, Федя, Лёня и Рома. Игорь и Петя прийти не смогли, Лёша тоже был вынужден отказаться и ограничился поздравлением по телефону.

Друзья вручали подарки, крепко обнимали Нестерову, а Волк ещё и расцеловал её в обе щёки. По неизвестной девушке причине с приходом гостей она стала испытывать лёгкое волнение, которое не прошло с их уходом. Это волнение было приятным, от него лишь немного кружилась голова.

Не прошло оно и на следующий день. Ангела сидела в резиденции Дьявола рядом с друзьями и в большинстве своём молчала. Туманов стал замечать, что подруга не такая, как всегда, и вопросительно на неё посмотрел.

– Не обращай на меня внимания, – попросила она его. – Я сама не знаю, что со мной.

Скоро было принято решение поехать в Тёмный лес на прогулку. Друзья поднялись с диванов и Лика в том числе. Но сделать она сумела только один шаг.

В следующее мгновение её словно со всей силы ударили в живот. На доли секунды ведьма задержала дыхание, и вдруг комната резиденции Дьявола вместе со всеми, кто в ней находился, исчезла. Анжелика стояла на дороге. И эту дорогу она знала: то была дорога, соединяющая город Сибирск и посёлок Сосновый. Перед девушкой простирался Тёмный лес. Это было почти начало леса, где заканчивался первый участок и начинался третий, второй был далеко за третьим.

Тут на небе начали собираться тучи. С огромной скоростью они слетались к лесу, зависая над ним. Ударил молния, и в то короткое мгновение, когда её вспышка осветила лес, Ангела увидела высокий забор из острых кольев, который

стоял вокруг первого участка, отделяя его от всего остального леса. Очень мрачный и зловещий забор.

Затем всё вокруг снова погрузилось в темноту. Но продлилось это недолго: тотчас тучи рассеялись. Девушка опять видела перед собой Тёмный лес, величественный и безмолвный.

И вновь последовал удар. Анжелика начала падать назад, но так и не упала: она почувствовала, как чья-то рука легла на её спину, поддерживая. Другая рука, которая, видимо, принадлежала тому же, кому и первая, держала её руку в своей. Через пару секунд её усадили на что-то мягкое.

«Наверное, это диван», – подумала ведьма, титаническим усилием воли заставляя себя открыть глаза.

Слева от неё сидел Волк. Одна его рука по-прежнему обнимала её за спину, а другая всё так же крепко держала её за руку. Вокруг было множество лиц, и на всех застыл испуг. Это были не только её друзья, но и другие члены Общества, которые, кажется, тоже до этого находились в комнате.

Нестерова перевела взгляд на вожака стаи и тихо спросила:

– Что это значит, Волк?

– О чём ты, Лика? – осведомился он в ответ. – Что с тобой произошло?

– Да! Что это было? – поинтересовался Лёва. – Ангела, чёрт побери! Ты перепугала нас до смерти!

– Я и сама испугалась.

Она с силой сжала руку Андрея. Эта рука сейчас была ей жизненно необходима. Ей становилось легче от того, что она за неё держится.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил Лёня.

– Кажется, нормально.

– Лика, что это такое было? – потребовал объяснений Ту-манов.

– Не знаю. Я не понимаю. Вроде видение... Но прежде было не так!

– Что такое? Что с моей подчинённой? – громко осведомился Лёша, стремительно входивший в комнату. За ним плелась Лиза, которая, по всей видимости, его и позвала.

Сын Дьявола подсел к ведьме и, взяв за подбородок, повертел её лицо туда-сюда.

– По-моему, ты уже вполне очухалась, – решил он. – Я так понимаю, что у тебя было видение?

– С чего понимаешь? – растерялась Лика.

– Лиза сказала, что ты смотрела на что-то. Это было видение?

– Кажется. Но в первый раз это произошло во сне. И всё было так понятно! У тебя когда-нибудь были видения, Люцифер?

– Были и тоже во сне. Подобные видения самые распространённые и ясные, а то, что ты видела сейчас, предполагаю, должно быть чем-то вроде загадки или символа. Что ты видела?

– Лес. Тёмный лес. Тучи... они стали собираться над ним. А потом сверкнула молния, и я увидела... – Она перевела дыхание. – Я увидела забор. Высокий, как будто из сказки про Бабу-Ягу. Он отделял первый участок от всего остального леса. А потом снова стало светло, и Тёмный лес... он был такой же, как всегда, без забора.

Все задумались. Алексей нахмурился.

– Значит, получается, – заговорил он, чуть погодя, – первый участок будет отделён от всего остального леса, появится некий несуществующий материально забор. Зачем и по какой причине? Любопытно. Конечно, я могу ошибаться, но иначе истолковать твоё видение лично у меня не получается.

– Разве это возможно? – тихо спросила Ангела. – Ведь лес един. А, может, это намёк на разделение в стае? Но при чём здесь именно первый участок?..

– Всё станет ясно, когда оно сбудется.

– А оно обязательно должно сбыться? – поинтересовался Волк.

– Лично мои видения всегда сбывались, – ответил Чернов. – А твои, Ангела?

– У меня было только одно, и оно сбылось.

– Чаще всего они сбываются, но, возможно, конкретно это видение не сбудется. Будущее имеет свойство меняться, но если изменить что-то одно, то изменится и всё остальное. И неизвестно, что лучше. Может выйти ещё хуже.

– Спасибо за оптимизм, Лёха, – недовольно пробурчал Лёва.

Сын Дьявола рассмеялся:

– Я не запугиваю вас, а просто информирую. – Он встал с дивана. – И, кстати, Ангела, прекрати ломать пальцы Андрею.

Анжелика посмотрела на свою руку и тут же разжала пальцы. Оказалось, что всё это время она сжимала его руку изо всех сил.

– Прости, – со смехом сказала девушка.

Члены Общества Дьявола рассмеялись.

– Да ничего, – таким же весёлым тоном ответил Волк, двигая онемевшими пальцами. – А ты у нас сильная девочка.

По комнате прокатился смех. Лёша улыбнулся.

– Не думайте об этом и не расстраивайтесь. Если этому суждено сбыться, то оно сбудется, хотите вы того или нет. Лучше езжайте в лес на прогулку: Ангеле будет полезен свежий воздух.

Друзья кивнули и встали со своих мест. Лике подняться помог Туманов. У неё немного кружилась голова, и друг поддерживал её, пока они шли к автомобилю.

Когда они проезжали мимо того самого места, которое привиделось девушке, она не выдержала и попросила друга остановиться. Без особой охоты он выполнил её просьбу. Нестерова вышла из машины и направилась к тому месту. Когда она встала на ту точку, на которой стояла в видении,

ею вновь овладело волнение.

– Что ты надеешься там увидеть? – спросил Волк, стоявший за её спиной. – То, что ты видела, вряд ли найдёт отражение в реальности до тех пор, пока не сбудется. Если сбудется.

– Я чувствую, что сбудется, – сказала ведьма, повернувшись к другу и посмотрев ему в глаза. – Мне страшно, Волк, – прошептала она.

Мужчина обнял её.

– Пожалуйста, Лика, последуй совету Лёхи и не думай об этом сейчас. В этом нет смысла. Поехали.

Ангела кивнула, и они вернулись в машину.

* * *

В гостиной наступила тишина. Беседа, которую Ангела и Волк вели с вампирами, исчерпала себя. Изредка кто-то обменивался короткими репликами, но разговор завести не удавалось никому.

– Мент родился, – сказал кто-то.

По комнате прокатился приглушённый смех, а потом все снова продолжили задумчиво молчать.

– Кстати, Влад, – очнулся Андрей, – Миша просил передать тебе благодарность от его имени.

– За что? – растерялся вампир.

– За то, что ты поставил их с Лёвой дежурить с вашими девочками.

– Извини, Волк... он серьёзно меня благодарит или же это... издёвка?

– Конечно, серьёзно, Влад! – воскликнул Макс. – Ты что, ничего не слышал?

– Чего я не слышал?

– Что наша Ксюша, которую все считают недотрогой, влюбилась в Самойлова. Она на свидания с ним ходит и, как поговаривают наши девочки, вполне-таки позволяет ему себя и обнимать, и целовать. Уж и не знаю, как много она ему позволяет, но от него не убегает, взбесившись, – это факт.

– А Мишка что?

– Миша тоже влюблён в неё по уши, судя по его лицу, – ответила Лика.

– За это он тебя и благодарит, – добавил Туманов. – Если бы ты их с Лёвой не поставил с ними дежурить, то ещё неизвестно, как скоро бы они друг с другом познакомились, да и познакомились ли вообще.

– Вот как? – улыбнулся Рудаков. – Что ж, рад помочь. Никогда не думал, что сыграю роль Купидона.

Все, кто сидел поблизости, рассмеялись, и опять наступила тишина. Анжелика задумчиво рассматривала свои ногти. Внутри неё двигалось, вздыхало, а потом замолкало, волнение. Миновала неделя с того дня, как оно возникло, но проходить оно так и не проходило. Девушку это не слишком беспокоило: она уже начала к нему привыкать. Однако сегодня оно взбунтовалось с новой силой.

Ангела чуть повернула голову в сторону и посмотрела на Волка. Он сидел, задумчиво уставившись в одну точку. Мысленно ведьма для себя решила, что ей нравится, как он сидит.

Многие мужчины имеют привычку сидеть, широко раздвинув ноги, словно намерены сесть на шпагат. Нестерову это всегда раздражало, она не понимала, зачем они это делают. Уж не для того ли, чтобы продемонстрировать некий орган, находящийся между ног? Вожак стаи сидел не так. Он не расставлял широко ноги, но и не сжимал колени, словно перепуганный ребёнок. Его колени были чуть-чуть раздвинуты, поэтому поза не выглядела вызывающей – в ней было достоинство, а не бросающаяся в глаза самоуверенность.

Ведьма думала, что он слишком глубоко задумался, чтобы почувствовать её взгляд, но ошиблась: его голова вскоре повернулась в её сторону. Мужчина вопросительно кивнул снизу вверх. Лица смущённо помотала головой отрицательно: ей нечего было ему сказать, потому что глядела она на него без какой-либо конкретной цели.

– Ты какая-то странная в последнее время, – заметил Андрей.

– Я знаю.

– Надеюсь, ты сейчас не о видении своём думала?

– Нет! – Анжелика рассмеялась. – Мои мысли были совершенно о другом.

– Что за видение? – встрял Саша. – О чём вы сейчас го-

ворили?

Макс, Влад, Коля, Саша и многие другие с любопытством ожидали ответа на вопрос. Девушка была вынуждена всё им рассказать. Попутно она и Туманов снова поспорили о том, могут ли видеть будущее волки, и опять оба остались при своём мнении.

– Не знал, что у вас бывают видения, – признался Владимир.

– Ангела, а как ты сама считаешь, что оно означает? – спросил Смирнов.

– Пожалуй, я согласна с тем, как истолковал его Люцифер.

– А откуда он там взялся? – осведомился Максимилиан. – Вы же вроде говорили, что он в последнее время с вами почти не общается.

– Насколько я поняла, его привела Лиза.

– Да, – подтвердил Волк. – Когда все перепугались за тебя, она побежала за Лёхой. За кем же ещё бежать? Не за Владимиром же Петровичем!

– А почему именно за ним? – не отстал Ахмедов. – Он что, великий умник?

– Да, Люцифер разбирается в магии лучше всех, – пояснила Лика. – Он ведёт первое занятие и знакомит ведьм с магией. К нему можно обратиться с любым вопросом о магии: Люцифер компетентен в своей работе. Он даже людей иногда лечит, хотя Дьяволам это и не полагается! Владимир Петрович его за это ругает. Впрочем, он нечасто попадает, а точ-

нее – никогда, но Виктор как-то об этом узнаёт. Умел бы Люцифер врать, его бы никогда не поймали.

– Ангела, ты – его фанатка.

– Да, я – фанатка своего начальника и не отрицаю это. Все ведьмы фанатки своего начальника, как и большинство волков – фанаты своего. Не фанаты – только дураки.

Вожак стаи покосился на подругу.

– Не льсти мне.

– Я и не льщу. Всего лишь констатирую факт. Кстати, Макс, за что ты так нашего Лёшу не любишь? Жаль, что вы не знакомы: он бы тебе понравился.

– Это ещё почему? – воскликнул Макс недовольно.

– Он всем нравится. Такие добрые, как он, не могут не нравиться. Не любить Люцифера сложно. Зря ты так злишься: Лёша не похож на отца совсем. Ни внешне, ни внутренне.

Анжелика и Андрей ещё рассказали ему о Чернове-младшем, но скоро девушка заметила, что чем больше они о нём говорят, тем больше злится Ахмедов. Поэтому постаралась тему закрыть.

Говорили на отвлечённые темы. Неожиданно Нестерова широко улыбнулась Максимилиану.

– Макс, а всё-таки...

– Что?

– Откуда ты кровь берёшь?

Её всегда интересовал ответ на этот вопрос. Прошло уже

два года с тех пор, как они начали дружить с вампирами, поэтому она решила снова попробовать вывести ответ: вдруг теперь им эту тайну откроют?

Ахмедов откинулся на спинку дивана и скрестил руки на груди. Его взгляд показался девушке странным.

– А вы так и не поняли? – тихо спросил он.

Ангела тоже откинулась на сидении. Она ждала, что он объяснит, что это всё значит, но вдруг поняла по его взгляду, что сама должна догадаться. Он ждёт, что она догадается. И она внимательно присмотрелась к нему. Столько времени они общались, и она ни о чём не задумывалась, а теперь посмотрела на него словно со стороны. И поняла, что с ним действительно что-то не так, и в тот день, когда они познакомились, у неё не «просто болела голова»! Она видела то, что видела, и больная голова была здесь ни при чём!

– У тебя странная энергия, – медленно сказала ведьма. – Не как у других вампиров. Вроде и вампирская... – Она замолчала на мгновение, а затем потрясённо выдохнула: – Ты – мутант, смесь сущностей. Вампир ты на треть, на вторую – человек, а на третью ты...

И Лика уже начала понимать, что за треть у него последняя, когда Волк произнёс это вслух:

– ... Дьявол. Ты на треть Дьявол. Чёрт, чёрт, чёрт!.. У тебя ведь энергия, как и у Лёхи...

– Неужели вы не догадывались? – удивился тихо Максимилиан.

– Чёрт! – в который раз выругался Андрей. – Я сразу заметил, что ты похож на Владимира Петровича, но... подумал, что это невозможно! Мало ли на свете похожих?!

– Так вот почему ты так не любишь имя Владимир, – поняла Анжелика. – А отчество у тебя какое?

– Владимирович, – с ядовитой улыбкой ответил вампир.

– Ясно. Значит, кровь ты создаёшь при помощи магии. И сам её не пьёшь.

– Откуда знаешь?

– Так написано в одной книге о магии, – пояснил Туманов. – Мутант, в котором смешались вампир и ведьм, не пьёт кровь. Его магию и его энергию сложно отследить. Получается, ты приехал в Сибирск, чтобы...

– ... позлить своего папочку, – закончил за него Макс. – Хотел помозолить ему глаза и потрепать нервы.

– Он знает, что ты – его сын? – осведомилась девушка.

– Конечно, знает. Фамилию моей матери этот ублюдок ещё не забыл.

– Вы встречались с ним?

– Нет. Один раз он позвонил мне. Естественно, чтобы попросить меня убраться из города.

– Ты говорил, что твоя мать – вампирша, – сказал вожак стаи.

– Да. Мой дорогой папочка терпеть не может вампиров, но спать с вампиршей он не побрезговал. Впрочем, когда она от него залетела, он, кажется, все свои принципы вспомнил.

– Стоп! – воскликнула Ангела. – Вампиры же с трудом заводят детей. Как твоя мама умудрилась забеременеть?

– Ну, папаша же – Дьявол. Магия...

– Магия здесь ни при чём! На вампиров она не действует.

– Но ты же...

– Моя магия действует, но и только! Магия Дьявола на вампиров не действует. Разве мама тебе этого не говорила?

– Говорила, – сдался мужчина. – Но я думал, что иначе тот факт, что она от него забеременела, объяснить нельзя.

Андрей и Лика переглянулись. Они оба вспомнили теорию, которую строил на сей счёт Волк.

– Твоя мама была влюблена во Владимира Петровича? – осведомилась ведьма.

– Была, – с горечью ответил Ахмедов. – По уши. Не понимаю, что она в нём нашла...

Нестерова расхохоталась, а Туманов улыбнулся.

– Ты же – вылитый отец, – заметил мужчина. – Что тут непонятного? Он был в молодости, как ты, и в плане внешности, и в плане любви к женскому полу. В этом ты тоже пошёл в него.

– А твоя мама выходила замуж? – поинтересовалась девушка.

– Нет. Она ни разу замужем не была. И кроме этого ублюдка у неё никого никогда не было, хотя мужикам она всегда нравилась. Её замуж много раз звали, и я был только «за»,

а она ни в какую. Волк, а тебе откуда известно, что ваш Дьявол раньше бабником был? Или он и сейчас за бабами бегает?

– Нет, не бегает. Мне просто Лёха об этом говорил. – Во-
жак стаи вдруг запнулся и впился взглядом в лицо Макса. –
Лёха... У тебя есть младший брат. Ты не пытался с ним по-
знакомиться?

– Нет. Зачем? Он наверняка знает, кто я, но желания по-
знакомиться что-то не изъявлял.

– Он не знает, – твёрдо сказала Ангела. – Если бы знал, то
познакомился бы с тобой непременно.

– Да, конечно! – презрительно фыркнул мужчина. – Всё
он знает – просто не желает иметь со мной ничего общего!

– Что? – выдохнул со смехом растерянности Волк. – Что
за глупости? Откуда эта чушь взялась в твоей голове?

– Это не чушь, а умозаключение, Волк.

– Не вижу логики.

– Если ваш дорогой Дьявол не желает меня знать, то его
сыночек – тем более. Кем он воспитанный? Папочкой, есте-
ственно.

– Это не так. С чего ты это решил?

– Волк, ну что ты пристал?! «С чего да с чего»? С того!
Зачем ему брат-вампир?

– Прекрати. Это бред, Макс. Ты не можешь знать.

– Могу и знаю! Наверняка ваш Люцифер такой же чисто-
плюй, как и папочка! На кой чёрт ему такой родственничек,

как я? Ни к чему мараться...

– Заткнись! – заорал Туманов.

Все вздрогнули и замолкли. Максимилиан потрясённо уставился на мужчину. А тот смотрел на него, не отрываясь. Его глаза горели жёлтым светом. Он был в бешенстве.

– Заткнись, Макс, – произнёс Андрей уже тише, но всё так же голосом, вибрирующим от ярости. – Ты Лёху не знаешь. Ты ничего о нём не знаешь. Он никогда бы так не поступил.

– Откуда тебе знать? – зло спросил Ахмедов. – Что-то я не заметил от него большого желания познакомиться с нами.

– Он хочет с вами познакомиться, но ему запретил Владимир Петрович!

– Тем более! Папочка сказал, а сыночек – послушный, вот и наплевал на меня.

– Лёха – мягкий, но когда дело доходит до принципов, он всегда стоит на своём. Он умеет настоять, когда это требуется. И его мягкость здесь ни при чём! Дело в другом. Все знают, что отношения Лёши и Владимира Петровича держатся только на Лёшином терпении. Если бы не Лёха, то они уже давно бы друг с другом не общались. Это Лёха постоянно уступает, всё прощает Владимиру Петровичу, на горло себе наступая всё время. Поэтому он не идёт против отца. Он всё ждёт, когда Дьявол немного успокоится. Он поступает так из осторожности. Если бы он знал, что ты – его брат, то плюнул бы на всё. Он бы обязательно с тобой познакомился.

– Да откуда ты это знаешь?!

– Макс! – вскричал вожак стаи. – Я знаю Лёху уже восемь лет. Поверь, я могу судить, на что он способен, а на что – нет. Да и ты бы это понял, если бы провёл в его обществе хоть пять минут. Ты бы сразу понял, что не прав.

– Волк! До чего же ты наивный. Что ты можешь о нём знать? Ты ведь сам как-то говорил, что у него полно тайн. От тебя, Волк. О каких доверительных отношениях между вами может идти речь? Он тебе не доверяет...

– Я ему доверяю! – перебил мужчина Максимилиана. – Я доверяю, Макс. И этого достаточно. Лёша не способен ни на что плохое.

– Да, Макс, – подтвердила Ангела. – Волк прав. Если бы ты только был с ним знаком... Ты не можешь судить о нём. Ты его не знаешь. Он даже врать не умеет. Он – хороший.

– Конечно! – язвительно воскликнул Макс. – Он – идеальный! Самый лучший на свете! У него ещё случайно нимба над головой нет? Нашли святого!.. Врать он не умеет... можно подумать! Наверняка врёт в тысячу раз лучше тебя.

– Да, не умеет! – подтвердил таким же громким тоном Волк. – На такой низкий поступок, который ты ему приписываешь, Лёша не способен.

– Да почему вы так ему доверяете?! Невозможно быть уверенным ни в ком на сто процентов. Я не верю, что он ничего не знает.

– Макс! – Вожак стаи едва себя контролировал. – Это

не я – наивный, а ты – упрямый осёл! Ты можешь ненавидеть Владимира Петровича и обижаться на него, сколько влезет, но Лёха здесь ни при чём. Не переноси всё это на него. И не смей говорить гадости о Лёхе! Не смей! – Он перевёл дыхание. – Нам лучше уйти, иначе я сейчас тебя побью, а потом жалеть буду. Всего хорошего!

Андрей пошёл прочь из комнаты. Лика посмотрела на Ахмедова.

– Ты не прав, Макс, – сказала она, слабо и несмело улыбнувшись ему. – Всем пока.

Ведьма развернулась и покинула помещение вслед за другом. Она догнала его во дворе, и в машину они садились вдвоём. Оба молчали до тех пор, пока не свернули с улицы.

– Боже! – выдохнула Анжелика. – Поверить во всё это не могу. Макс – сын Владимира Петровича. Это ж надо...

– Могли бы мы и раньше догадаться, – вздохнул Волк. – Ну, Макс и дурак! Как можно судить вот так? Просто решил всё про Лёху сам себе и плевал на то, как всё в действительности. Бедный Лёха! А он всю жизнь мечтал о брате... О старшем, кстати.

– Откуда знаешь?

– Он сам говорил. Ему в детстве было... одиноко. Дьявол почти не уделял ему внимания. Одна только Вера Ивановна с ним и была всё детство. На его улице было мало детей его возраста. Он всё Владимира Петровича о брате просил, когда маленький был. И даже, кажется, спрашивал, нет ли у него

где-нибудь брата. А Владимир Петрович говорил, что нет. Врал...

– Да уж, бедный Лёша. Что с ним будет, когда он всё узнает?

– Не знаю. И даже думать об этом боюсь.

Они опять замолчали. Туманов по-прежнему не мог успокоиться. Он всё нервно стучал пальцами по рулю. Нестерова смотрела на него.

– Успокойся, Волк, – попросила она.

– Не могу, – сквозь зубы ответил мужчина. – Мне за Лёху обидно.

– Мне тоже.

Вновь наступила тишина.

– Получается, что Владимир Петрович любил маму Макса, – сказала Ангела. – Иначе бы Макс не родился.

– Наверное. А маму Лёши он не любил.

– Почему ты так решил?

– Лёха так считает. И Вера Ивановна. Да и все члены Общества, когда он женился, придерживались мнения, что он делает это только для того, чтобы она ему родила наследника, будущего Дьявола. Она сама была ему безразлична, и её смерть – тоже.

– Мы ведь расскажем всё Лёше?

Андрей кивнул.

– Сначала нужно спросить Владимира Петровича, – заметила ведьма.

– Нет.

– Но мы должны! Это ведь их семейные дела. Мы не можем лезть без разрешения.

– Можем и должны. Дьявол столько времени молчал и не захочет, чтобы мы рассказывали это Лёхе. Если он этого сам не сделал, то и нам тем более не позволит!

– Но, Волк! Может, он передумает, раз об этом уже и мы знаем. Да и подумай: вдруг мы сможем изменить его отношение к вампирам? Ну вдруг, Волк? Мы могли бы попробовать его переубедить.

– Лика!

– Волк!

Они посмотрели друг на друга и в один голос громко вздохнули.

– Волк, пожалуйста... Если не спросим, то разозлим Владимира Петровича. Мы не имеем права вмешиваться в их отношения и тайны без разрешения.

– Считай, что Макс дал нам разрешение. – Мужчина посмотрел на подругу и застонал. – О'кей, подруга. Но ты об этом потом пожалеешь – поверь.

* * *

Поздним утром Ангела и Волк плечом к плечу шли по направлению к летнему залу. Оба были настроены весьма решительно и немного мрачно. По крайней мере, выглядели они так.

Федю, Лёву и Мишу они уже просветили на тему происхождения Максимилиана. Те тоже были шокированы новостью. Остальных информировать пока не стали.

Из летнего зала вышли Виктор и Женя. Друзья переглянулись, а потом одновременно посмотрели на двустворчатую дверь, ведущую в зал. Андрей громко постучал и распахнул одну из дверей.

– Владимир Петрович! Можно с вами переговорить?

– Заходите, – без радости разрешил мужчина. Весь его вид говорил о том, что их визит его раздражает.

Лица посмотрела на друга. Её взгляд спрашивал: «Может, отложим?», но мужчина отрицательно помотал головой и пошире распахнул дверь, пропуская девушку вперёд. Вместе они прошли на середину зала и остановились.

– О чём говорить собираетесь? – осведомился Дьявол. – Уж не о сплетнях ли?

– Нет, – спокойно ответил Туманов и, поглядев мужчине в лицо, пояснил: – О ваших сыновьях.

Чернов замер. Его взгляд, направленный в пол, медленно поднялся к глазам вожака стаи. Тишина, наступившая в зале, оглушала.

– Так, – тихо произнёс Владимир Петрович. – Значит, проболтался. Впрочем, я думал, он быстрее расколется. Ну и что конкретно вы собираетесь здесь обсуждать?

– То, что один из них не знает о существовании другого. Вы ведь Лёше не говорили?

– Нет. И не собираюсь.

Дьявол откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Это Анжелику поразило. Точно такую же позу вчера принял Максимилиан, когда они затронули эту тему. Только теперь ведьма заметила, до чего же они похожи! На лице главы Общества застыло такое же упрямое выражение, которое они часто видели на лице своего друга, Ахмедова. У этого седовласого мужчины тоже были тёмно-карие глаза, и в них тоже была видна страстность, да и само лицо было практически такое же, как и у Макса. Оно лишь немного поменялось с годами, но весьма незначительно. Такое же красивое.

– Не собираетесь? – очнулась Нестерова. – Как?

– А вот так.

– А вам не кажется, что Лёша имеет право знать о Максимилиане? У него есть брат. Они могли бы общаться, – заметил Волк.

– Нет. Они не могут и не будут общаться.

– Почему?

– Потому что я так решил, – жёстко сказал Владимир Петрович.

На несколько секунд наступила тишина, и собеседники только сверлили друг друга взглядами.

– Вы терпеть не можете Общество Максимилиана, – тихо начала Ангела. – Но как же так? Ведь во главе этого Общества стоит ваш сын. Как вы можете ненавидеть своего собственного сына?

– Тебя это не касается, Ангела. Это не твоё дело.

– Но это Лёшино дело! Это касается его. И Макса. Они – братья! Если вы не желаете поддерживать связь с Максом – дело ваше, но Лёша мог бы. Он стал бы общаться с Максимилианом.

– Он не станет. Я не позволю. Не лезь не в своё дело, Ангела! Вы оба не лезьте, куда вас не просят!

– Лёша имеет право знать о своём брате!

– Нет. Он не узнает. Никогда, – отрезал Чернов. – Зачем вы пришли? Впрочем, это уже не важно. Разговор окончен.

– Но...

– Я сказал: окончен! Я не собираюсь говорить об этом Лёше, и вы не скажете. Кто ещё знает, кроме вас двоих? – Взгляд мужчины впился в лицо Андрея. – Жуков, Самойлов и Курганов. Отлично.

По тому, как с досадой Туманов отпустил глаза, Лика поняла, что ответ Дьявол получил из его мыслей. Глаза Владимира Петровича, смотревшие на жоака, вспыхнули на пару секунд красным светом.

– Ты никогда и никому об этом не сможешь сказать, – недобрым тоном сообщил мужчина своему заму. – На Жукова, Самойлова и Курганова я тоже наложу магию. А на тебя, Ангела, я наложить магию не смогу, но предупреждаю: попробуешь с них снять магию или расскажешь об этом кому бы то ни было, а особенно Лёше, я вас пятерых выгоню из Общества, а Максимилиана с его подчинёнными вышвыр-

ну из города. Мне это ничего не стоит сделать. Не хотите, чтобы у ваших друзей-вампиров были проблемы – держите язык за зубами. Только посмейте заикнуться об этом... и я вам устрою «весёлую» жизнь.

Чернов резко встал и, не попрощавшись, вышел из зала через вторую дверь, ведущую в другой коридор. Ангела и Волк остались стоять, словно оглушённые.

– Ты вот такое предполагал? – спросила еле слышно девушка.

– Что-то в этом роде. Пошли.

Друзья развернулись и пошли к выходу. Когда дверь за ними закрылась, они с облегчением в один голос выдохнули. Очень медленно они двинулись вперёд.

– Знаешь, – заговорил Андрей каким-то надсаженным голосом, – не люблю сравнивать себя с собакой, но чувствую себя сейчас именно как побитая собака.

– Я – тоже, – призналась Лика и с удивлением обнаружила, что у неё голос не лучше, чем у друга.

– Прекрасно.

– Что прекрасного?

– Мы с тобой одинаково думаем.

– Может, присядем?

– Давай. Было бы неплохо.

На диван они оба попросту рухнули. Каждый думал о своём.

– Прости, Волк, – негромко сказала ведьма. – Ты был

прав. Не нужно было к нему идти.

– А вот я теперь придерживаюсь мнения, что права была ты.

– Что?!

– Мы сказали о том, что всё знаем, и получили предупреждение. Мы знаем, какими будут последствия, если проболтаемся. Если б мы сказали всё Лёше сразу, ещё неизвестно, что было бы тогда и какими были последствия нашего поступка. Всё могло выйти гораздо хуже.

Повисло молчание. Туманов сидел, скрестив ноги в щиколотках, а руки – на груди. Глаза его были чуть-чуть прищурены. У Анжелики в голове образовалась какая-то странная пустота, поэтому она просто повернула голову и стала смотреть на красивое сосредоточенное лицо друга.

Он о чём-то думал. Долго думал и серьёзно. А затем чуть повернул лицо и поглядел на девушку.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Смотрю, как ты думаешь.

– М-м-м... Любопытное занятие.

– Весьма, – согласилась она. – Что ты надумал? Что делать будем?

– То, что нам сказали: держать язык за зубами.

– Как?! Но... почему? Я ведь могла бы...

– Рано или поздно всё вылезет само по себе. Всё тайное однажды становится явным. Я думаю, это случится довольно скоро, но мы к этому отношения иметь не будем. Мы

не должны иметь к этому никакого отношения, и тогда никто не пострадает. И это действительно не наше дело. – Во-
жак замолчал на несколько секунд, а потом продолжил: –
Остаётся вариант, что Макс познакомится с Лёхой и сам ему
обо всём скажет. Но это очень и очень сомнительно, учи-
тывая упрямство Макса. Он – осёл. И ты знаешь, подруга,
с какой-то стороны даже хорошо, что они сейчас не позна-
комятся. Я так считаю. Макс пока недостоин быть знакомым
с Лёхой! Он не заслуживает такого... – Мужчина запнул-
ся, и ведьма догадалась, что наложенная магия не даёт ему
произнести слово «брат», – ... в общем, сама знаешь кого!
Чёрт! Чёрт! У меня теперь язык связан!.. Да и, пожалуй, я
не стал бы знакомить Лёху с Максом. Это нехорошо по от-
ношению к Лёше: Макс с ним знакомиться не желает, и для
Лёхи это будет только лишнее унижение. А ведь он побежит
за Максом, если узнает сейчас!

– Да, – тихо согласилась Ангела, – наверное. Но что-то
мы должны сделать! Ведь мы с Люцифером всегда обсуж-
дали своё общение с вампирами и Максом. А как теперь?!
Мы будем врать ему в лицо, а даже если врать не придётся,
то всё равно будем чувствовать себя последними лгунами!
Он – наш друг, а мы должны от него такое скрывать!.. Мо-
жет, попробуем свести их? Подстроим встречу или что-ни-
будь в этом роде.

– Думаешь, Дьявол об этом не узнает? – горько усмехнул-
ся Волк. – Нет, к их знакомству мы не будем иметь отно-

шения. Да и если столкнуть их, как поведёт себя Макс? – Он вдруг снова разозлился: – Какой же Макс всё-таки осёл! Столько лет живёт в Сибирске – он давно мог бы познакомиться с Лёхой! Но он почему-то ждёт, что первый шаг сделает Лёша! В конце концов, кто из них двоих старше?!.. Впрочем, возраст не обеспечивает мудрость. Наверное, из них двоих умнее и мудрее всегда будет Лёша. Не Макс – это точно.

– Да уж. И если Владимир Петрович и Максимилиан когда-нибудь помирятся, то только с Лёшиной помощью. Только у него хватит мудрости и такта на это. И терпения.

– Согласен. Пойдём.

– Куда?

– К Лёше.

– Зачем?

– Кое-что мы сделать можем. Идём.

Лица пошла за Андреем. Она едва поспевала за ним: шёл мужчина быстро, решительно. Сына Дьявола они нашли выходящим из библиотеки.

– Привет, друг! – поприветствовал его Туманов.

– Привет, ребята, – ответил Алексей. – А чего вы такие поникшие?

– Да так... день «хороший». Слушай, Лёш, а ты ещё не надумал с Максимилианом познакомиться?

– Я... – Чернов-младший опустил виновато глаза. – Не думаю, что сейчас подходящее для этого время. Отец катего-

рически против и... боюсь, его решение изменится нескоро. А злить его с моей стороны будет крайне неумно.

– Тебе надо с ним познакомиться, – твёрдо и серьёзно сказал вожак стаи.

– Андрей...

– Тебе надо с ним познакомиться. Просто прими это к сведению. Я не заставляю тебя идти к нему сию же минуту, но предупреждаю об этом.

– Я тебя не понимаю... – растерянно пробормотал Лёша. – Почему? Что произошло?

– Ничего. Но вам необходимо познакомиться. Это важно.

– Да почему?

– Не могу сказать. Если бы мог, сказал.

– А почему не можешь? Андрей, пожалуйста, объясни! Я ничего не понимаю. Ты меня пугаешь.

– Прости, Лёша, но я, правда, не могу.

– Я могу... – робко вставила Анжелика.

– Нет, не можешь, – возразил Волк. – Иначе многие наши друзья пострадают.

– Боже! – вскричал зеленоглазый ведьм. – Да что происходит-то?!

– Ничего, – упрямо повторил Андрей. – Только когда представится возможность, познакомься с Максимилианом. Обязательно. Он, конечно, бывает иногда редкостный кретин, но, я уверен, тебе понять его хватит и мудрости, и терпения. – Мужчина вздохнул и уже тише добавил: – И не го-

вори потом, что мы тебя не предупреждали. О'кей?

Изумрудно-зелёные глаза смотрели то на Нестерову, то на Туманова. В них отражались растерянность и беспокойство. Сын Дьявола вздохнул тяжело.

– Ладно. Я ничего не понял, но от вас я внятного ответа, видимо, не получу.

– Боюсь, более внятно у меня не получится, – со слабой улыбкой ответил вожак стаи.

– Что ж, нет так нет. Ребята... у вас проблемы? Я могу чем-нибудь помочь?

– Всё нормально. Пока.

Волк, обхватив рукой талию подруги, потащил её за собой. Девушка рядом с ним семенила ногами, чтобы успеть.

– Хватит, Волк! – воскликнула со смехом Ангела, отшвыривая его руку и останавливаясь, когда они почти достигли выхода из здания.

– Извини, – так же смеясь, сказал Андрей.

Ведьма улыбнулась ему и задумчиво опустила глаза.

– Мефистофель... – пробормотала она.

– Что?

Лица посмотрела на друга и, неуверенно улыбнувшись, пояснила:

– Лёша – Люцифер, Макс – Мефистофель, а Владимир Петрович – Вельзевул.

Туманов расхохотался.

– Ну что за любопытная фантазия у тебя, Лица?!

– Нормальная фантазия, – пожала плечами девушка.

Друзья посмотрели друг другу в глаза.

– Ну и денёк сегодня, – заметила грустно Анжелика.

– Нормальный, – отмахнулся мужчина. – Не расстраивайся. Не всё так страшно.

И, обнявшись, Ангела и Волк вышли из резиденции Дьявола.

Глава 6

Тишина давила на Максимилиана со всех сторон. Она давила на его мозг, давила на лёгкие, не давая вдохнуть полной грудью. От этой густой тяжёлой тишины звенело в ушах. Звенело так сильно, что он даже не слышал биения собственного сердца. В такт назойливому звону в мозге пульсировала боль.

Ахмедов откинул голову на спинку дивана и прикрыл глаза. Чтобы отвлечься от боли, он попробовал сосредоточиться на какой-нибудь мысли, но все они ускользали от него. Пытаться поймать хоть одну из них было так же безнадежно, как и поймать птицу за хвост. Впрочем, были в его голове мысли, имеющие отношение к одному эпизоду, которые ловить не нужно было: они лежали совсем рядом – стоит только протянуть руку. Но Максимилиан делать этого не хотел, как раз от этих мыслей он старался отвязаться. Но как только он пытался поймать какие-нибудь другие мысли, он натывался на эти и отдёргивал своё сознание от них, словно руку от горячего предмета.

Вот уже несколько часов он боролся со своим сознанием, которое так и норовило обратиться к неприятным для него мыслям. Борьба эта была изматывающая, и силы Макса, в конце концов, закончились. С тихим стоном, застрявшим где-то в горле, он сдался и утонул в этих мыслях.

Перед своими вампирами он делал вид, что вчерашний разговор с Ангелой и Волком его не трогает, и те ему верили. Лишь немногие из них чувствовали, что это не так, а Влад знал точно. Он видел друга насквозь, и высокомерное и равнодушное лицо того не могло его обмануть. Но помочь он не мог по той простой причине, что Ахмедов эту помощь отвергал. Отвергал из гордости, граничившей с глупостью.

Макс и сам понимал, что это есть глупость, но не желал никому показывать свои чувства, считая, что со всеми проблемами нужно справляться в одиночку. Иное, по его мнению, является слабостью. Он даже не догадывался, что и это его убеждение есть очередная глупость.

Максимилиан боялся того дня, когда правда о его происхождении вылезет наружу. Он и хотел, чтобы это произошло, как можно скорее, и не хотел этого, желал оттянуть момент. Но, независимо ни от чего, всё выяснилось.

Он и не подозревал, что это вновь разворотит всю его душу. Впрочем, успокоилась она не так уж и давно. Поначалу Ангела, Волк, Федя, Лёва, Миша своим присутствием мучили его. Они напоминали ему о том, кто он есть. Он был и рад общаться с ними, узнавать что-то об Обществе Дьявола и не рад, потому что в их рассказах непременно фигурировал Дьявол, его отец.

Душа Максимилиана была разделена надвое: одна её часть ненавидела отца, была обижена на него за то, что он бросил его мать и его самого, а другая – мечтала о нём. Мечтала всё

детство. Она надеялась, что он опомнится, найдёт их с матерью, и все они будут счастливы. Эта часть нуждалась в отце и никогда не теряла надежду обрести его.

Решение приехать в Сибирск принадлежало обеим частям души Ахмедова. Одна из них хотела позлить отца, помозолить ему глаза и показать, каким он стал, продемонстрировать, на что способен. Другая же надеялась, что отец узнает о нём, одумается и, быть может, будет... гордиться. Да, он надеялся, что отец станет гордиться им. Глупо, конечно, но любовь, к несчастью, не всегда разумна.

Так он и не дождался ничего, кроме единственного телефонного звонка. Мысли мужчины медленно поплыли в эту сторону, но он вновь стал сопротивляться. Вспоминать этот разговор ему не хотелось. Поэтому, хоть и не без труда, он перекинул своё сознание на вчерашний разговор.

Разговор был весьма неприятный, как показалось Максиму. Реакция Ангелы и Волка оказалась не такой, какой он ожидал. Хотя... он боялся быть отвергнутым ими, но его страх не сбылся. Может, всё вышло не так уж и плохо?.. Но радоваться Ахмедов не мог: как только он вспоминал, с каким усердием они защищали Алексея Чернова, в нём закипала злость. Во-первых, он не верил ни в доброту своего «младшего брата», ни в его наивность, ни в его искренность, ни в его неосведомлённость в вопросе их родства, а во-вторых, он ужасно, невыносимо ревновал. Максимилиан ревновал к Алексею Чернову Волка.

Андрей Туманов вызывал у него восхищение, и он ничего не мог с этим поделать. Например, ему нравилось отношение Волка к женщинам. Макс уважал свою мать, он уважал всех её подруг, коллег, но это уважение распространялось только на тех женщин, которые на возрастной лестнице стояли с его матерью на одной ступени или же выше. Всех женщин, что находились ниже, он уважал или не уважал, исходя из своих отношений с ними. Редко какую женщину он искренне уважал. Большинство он пользовался. Однако следует упомянуть, что так было до знакомства с Волком.

Максимилиану нравилось спать с женщинами и это всё, что его интересовало. Он думал, что женщины сопротивляются близости из чистого упрямства или же из желания разжечь больший к себе интерес. «Мне приятно, тебе приятно – что же тут плохого?», – думал он, искренне не понимая, зачем женщины всё время сопротивляются. Теперь же, после знакомства с Волком и Ангелой, он начал понимать, что многим женщинам нужен повод вступить в подобные отношения и повод такой: любовь. Его это удивляло, но он принимал это.

Андрей Туманов, по всей видимости, о женщинах это всегда знал и потому так оберегал Ангелу, зная, что и она такая же. А Ахмедову нравился секс, нравился процесс соблазнения, «охота», и на всё остальное он плевал. Ему это нравилось, и о чувствах соблазняемой он не думал. Прежде не думал, но стал думать теперь: он начал, наконец, замечать, что

все женщины разные и что у каждой из них есть свой внутренний мир. Макс стал немного в них разбираться и мог теперь определить, внутренний мир какой женщины подобные отношения приемлет, а какой – нет. И Ангела совершенно точно принадлежала к последним, и Волк в отличие от Максимилиана это знал так же, как знал о наличии внутреннего мира у каждой женщины. Он уважал этот мир, он с ним считался, а за ним стал пытаться делать так же и Ахмедов.

Андрей хорошо относился к женщинам, всегда был с ними вежлив и, как подозревал Макс, не способен был оскорбить хоть одну из них, даже если его довести. Это умение держать себя в руках, быть корректным и вежливым в любой ситуации восхищало Максимилиана. Он же мог сказать женщине всё, что он о ней думает, не выбирая выражений, под влиянием минутной ярости. Так же он мог обойтись и со всеми остальными. Его вспыльчивость всегда должна была получить выход, и чужие чувства, эмоции здесь не учитывались. Он мог насмеяться над кем угодно, если имел на то повод, он был способен на издёвку и не важно, кто перед ним: мужчина или женщина.

Ещё в Волке Ахмедову нравилось безразличие к мужской солидарности. Он защищал Ангелу, потому что она – его друг, потому что её пытались обмануть, а она по своей доверчивости и наивности не понимала этого. Он плевал на то, что весь процесс соблазнения на обмане и строится, плевал на солидарность – ему важна была лишь справедливость. Ин-

интересы своих друзей он защищал независимо от их пола. Для него имели значение только его принципы. И Макс был ему благодарен за то, что он уберёг его от ошибки.

Дружба с Ангелой ему была очень полезна, и потерять её ему бы не хотелось. Конечно, в последнее время он стал сомневаться в том, что им нужна дружба, решил, что это могла быть «судьба», как он ей говорил, но она ловко всё расставила по своим местам. А разрешения поцеловать он потом просил из чистой вредности и был рад, что она не позволила. Под влиянием минутной слабости он мог возжелать её, но на холодный рассудок понимал, что это неприемлемо. Целоваться с другом – чистое сумасшествие, и мудрая Ангела сумела этого сумасшествия избежать.

В Волке так же Максимилиана восхищало равнодушное отношение к собственной внешности. Макс знал, что он красив, он признавал это каждую минуту и мог этим воспользоваться при случае. Андрей же следил за своей внешностью, но словно частенько забывал обо всех её достоинствах. Он никогда ею не пользовался, и, похоже, всё, что его беспокоило, – это чтобы окружающим не было неприятно на него смотреть.

И вот этот Волк, чьё одобрение и преданную дружбу Ахмедов мечтал заслужить, защищал до хрипоты Алексея Чернова! Чем, интересно, сын Дьявола сумел заслужить такую преданность и такое доверие к себе? Как он умудрился сделать так, что сам Волк им восхищался? Эти вопросы сводили

Максимилиана с ума. Он чувствовал себя, как обиженный ребёнок, у которого выхватили из рук его игрушку. Он мечтал, чтобы когда-нибудь Волк мог так же поручиться за него, что он – хороший.

Макс глубоко и тяжело вздохнул. Что бы ни говорили Ангела и Волк, он не верил, что Алексей Чернов ничего не знает. Пожалуй, его это не сильно беспокоило: в брате он не нуждался. Он и не видел его почти: так, издалека и мельком, а потому никаких братских чувств к этому мужчине не испытывал.

Мысли Ахмедова снова стали путаться, теперь они переплелись в тугой комок, в котором ничего нельзя было разобрать. Единственное, что мужчина чувствовал, так это горечь. Горечь эта осталась от разговора с друзьями. Главной причиной её появления был тот факт, что Ангела и Волк оказались на стороне Алексея Чернова, а не на его. От этого было обидно.

Максимилиан обхватил голову руками и сел, поставив локти на колени. В комнате ему опять слышалась звенящая тишина. Через пару минут её нарушил тихий стук в дверь. Он оглянулся. В дверном проёме стояла Света.

– Здравствуй, Макс.

– Привет.

– Можно войти? Я понимаю, что, наверное, не вовремя...

– Ты всегда приходишь вовремя, – возразил мужчина с едва заметной улыбкой. Она от его слов приободрилась и про-

должила:

– Я слышала о вчерашнем разговоре с Ангелой и Волком... Я хочу, чтобы ты знал: я всегда буду на твоей стороне, даже если ты не прав. Я могу тебе помочь?

Тёмно-карие глаза долго на женщину смотрели, а потом губы всё-таки шевельнулись и тихо произнесли три заветных слова:

– Посиди со мной.

Красноволосая вампирша с облегчением улыбнулась и, затворив за собой дверь, вошла в комнату. Она села рядом с Ахмедовым на диван и обняла его. Он положил голову ей на грудь и прикрыл глаза. Её руки крепко и вместе с тем ласково обнимали его. Её губы поцеловали его в макушку. Поцеловали по-матерински. Теперь тишина казалась Максимилиану доброй, уютной и спокойной.

Связывали ли когда-нибудь этих двоих иные отношения, кроме дружеских? Нет. Никогда. Было время, когда Макс желал Светлану, но оно прошло, а желанию этому он выхода не дал. Для него Света всегда была чем-то святым. Он не хотел осквернять её своими прикосновениями и ни разу не позволил себе ничего лишнего. Она напоминала ему его мать, и он уважал её, как не уважал ни одну женщину, кроме своей матери. Их отношения в какой-то мере напоминали отношения родителя и ребёнка. Роли же частенько менялись: то он был отцом, а она – дочерью, то наоборот. Эти двое были связаны крепкой дружбой, они понимали друг друга

без слов.

Света всегда хорошо относилась к Максимилиану, она любила его, как брата, которого у неё никогда не было. Они просто общались, но никогда не делились друг с другом ни тайнами, ни мыслями. А потом вдруг их отношения изменились, хотя они по-прежнему не обсуждали друг с другом ничего сокровенного. Это случилось после года знакомства. С бизнесом у Макса тогда возникла проблема, но он решал эту проблему в одиночку. Как-то раз Света вошла в его кабинет – кажется, пыль протереть – и не заметила, что он там сидит на диване. Она попятилась потом, уйти хотела, а он, не поворачивая головы, тихо сказал:

– Не уходи, Света. Посиди со мной.

Она не понимала тогда, какой ему от этого толк, но послушно посидела с ним рядом. С тех пор он часто её об этом просил. Она же вскоре догадалась, что ему требуется поддержка, которую он чувствовал от неё. Потому что мысленно она всегда его поддерживала и хотела помочь.

Сначала она просто сидела рядом с ним, потом начала брать его за руку, а постепенно стала обнимать его и гладить по голове, как сына. Это была их маленькая традиция.

Максимилиан один нёс за всё ответственность, и порой ему становилось тяжело от этого груза, но делить его с кем-то он не желал. Макс не говорил со Светой о своих проблемах – лишь просил её побыть с ним немного.

Теперь, рядом с ней, всё перестало казаться таким уж

страшным. Мысли распутались, и голова больше не болела. И он мог почти равнодушно вспомнить единственный в жизни разговор с отцом.

Ахмедову тогда было года двадцать три или двадцать четыре. Он сидел в комнате, которая заменяла ему кабинет. Был очень занят, разбирался с какими-то бумагами, и тут зазвонил телефон. Он поспешно взял трубку.

– Ахмедов. Слушаю вас.

– Ну, здравствуй, Максимилиан.

Макс рылся в бумагах, его мысли были заняты другим, поэтому он раздражённо ответил:

– Здравствуйте-здравствуйте. Говорите – я слушаю вас.

– Не узнаёшь?

– Нет, – с досадой сказал вампир. – Кто это?

– Владимир Чернов.

Вот тут-то Максимилиан замер. Сначала его бросило в жар, а потом сразу в холод. Его рука с силой вцепилась в телефонную трубку, он медленно встал со стула. И хотя ему хотелось в ужасе вскричать: «Кто?!», он надел на себя маску и медленно пропел:

– Владимир Чернов... Владимир Чернов... Нет, боюсь, это имя мне ни о чём не говорит. Мы знакомы? Напомните мне, пожалуйста.

На том конце провода раздался тихий смех.

– Поздравляю. Неплохой спектакль, сынок. Молодец.

– Ну, спасибо за оценку, папочка. Что-то нужно от меня?

– Зачем ты приехал в Сибирск?

– Приехал, да и приехал – тебе какое дело? – холодно осведомился Ахмедов.

– Уезжай.

– Это что – приказ?

– Да, приказ.

– Кто ты такой, чтобы мне приказывать?

– Твой отец.

Макс ядовито рассмеялся:

– Неужели? Свои отцовские права, дорогой Владимир Петрович, надо было раньше качать – теперь поздно. И уезжать отсюда я не собираюсь. Мне нравится этот город. Вдвойне он мне нравится от того, что именно здесь вы заделали меня моей матери.

– Ах, ты...

– Отличный город! – со смехом воскликнул вампир, не давая собеседнику выругаться. – Я в восхищении. Больше вопросов ко мне нет?

– Заносчивый ублюдок, – прошипели ему в ухо.

– А ты – похотливый козёл!

Он тогда с яростью бросил трубку и без сил рухнул на стул. Ему было и больно, и обидно. Он обхватил голову руками и сам себе вполголоса сказал:

– Ты – идиот, Максимилиан! Какой же ты всё-таки идиот!..

Все его мечты и надежды рухнули, с грохотом разбились

о жестокую реальность. В тот момент ему даже хотелось рыдать от обиды, как ребёнку. Ему больше не на что было надеяться. По крайней мере, так казалось Максимилиану тогда. Но не зря говорят, что надежда умирает последней: вскоре неприятное впечатление от этого разговора изгладилось в памяти, и он снова стал надеяться.

Однако в тот день он не догадывался о том, что надежда позже вспыхнет вновь, и лишь сидел, обхватив голову руками, и страдал. Но даже боль и обида не лишили его отличного слуха, а потому он отчётливо расслышал, как скрипнула половица под ногами того, кто пытался незаметно отойти от двери. Ахмедова прошиб пот, но, несмотря на это, он сумел твёрдым голосом произнести:

– Влад, зайди.

Звук повторился: стоявший за дверью парень надеялся уйти. Он, видимо, решил, что Макс называет имя наугад, не зная ничего наверняка, и хотел удалиться, чтобы оставить впечатление, что за дверью никого нет и не было. Но глава Общества не гадал – он знал точно – и повторил громче:

– Зайди, Влад!

Рудаков стремительно вошёл в комнату и, глядя в бумаги, стал что-то говорить. Он усердно объяснял Максимилиану какие-то вещи, связанные с бумагами, и, как понял Ахмедов, пытался сделать вид, что подошёл к двери только под конец разговора. Или же был так увлечён содержанием бумаг, что ничего не услышал из разговора. Но Макса прове-

сти ему не удалось.

Вампир не слушал то, что говорил ему друг, не смотрел в бумаги, которые тот просил его подписать – он глядел ему в лицо и с каждой минутой всё больше убеждался в том, что слышал тот много. Потому что первый раз в жизни эти всегда спокойные голубые глаза избегали на него смотреть.

– Как много ты слышал? – тихо спросил Максимилиан, перебивая собеседника.

Однако тот вопрос проигнорировал и договорил всё, что собирался, после чего в который раз протянул бумаги со словами:

– Подпиши, пожалуйста. Я с Васькой их отправлю.

Ахмедов вырвал бумаги у Владимира из рук и швырнул их на стол. Глаза его по-прежнему смотрели на друга.

– Влад, сделай одолжение: посмотри мне в глаза. Я здесь стою, а не на полу валяюсь, куда ты смотришь.

Рудаков поднял глаза. Чувствовалось, что ему так и хочется их опустить. Макс смотрел на него твёрдо, но твёрдости внутри не ощущал: ему было страшно. Он боялся до ужаса. Боялся, что друг его отвергнет. Боялся его реакции. Боялся потерять друга.

– Как много ты слышал? – повторил глава Общества.

Влад снова опустил глаза, но ответил честно:

– Начиная с того, как ты спросил: «Кто это?».

– То есть... – выдохнул Максимилиан, – ... ты слышал всё.

Он опустил на стул, чувствуя, как страх пожирает его

изнутри. Теперь уже он избегал смотреть на Владимира.

– Ну и что ты обо всём этом думаешь?

– Ты – сын Дьявола. Я правильно понял?

– Да, верно.

– И он просил тебя уехать из города?

– Да.

– Вот же сволочь. А что ещё он сказал?

– Назвал меня заносчивым ублюдком.

– А ты его похотливым козлом? – улыбнулся Рудаков.

– Верно, – улыбаясь в ответ, сказал Макс. – И ещё он похвалил мой спектакль.

– Когда ты притворился, что тебе не знакомо его имя и он сам? – смеялся уже в открытую зам. – Это действительно было забавно. По-моему, получилось довольно натурально.

– Правда? Спасибо.

Друзья смотрели друг на друга и улыбались. Былое напряжение сдуло как тучу ветром.

– Значит, ты приехал сюда из-за отца? – осведомился Влад.

– Да, хотел его позлить.

– Неправда. Ты приехал не только позлить. Надеялся на что-то, да?

– Я – идиот? Впрочем, я и сам знаю, что идиот.

– Нет, ты не идиот, Макс. Знаешь, даже я иногда надеюсь, что родители мне позвонят, хотя и знаю, что они никогда этого не сделают.

– Серьёзно?

– Да. Бывает такое со мной. Правда, редко. А что ты теперь делать собираешься?

– Ничего. Уезжать из Сибирска я не намерен, да и невозможно это теперь. А ты... не обижаешься на меня?

– За что? – удивился Владимир. – За то, что ты родился тем, кем родился?

Ахмедов горько рассмеялся.

– Ну, да. За это и за то, что я тебе ничего не говорил.

– Твоё право. Кстати, а мне тоже никому об этом говорить нельзя?

– Да, пожалуйста, не говори.

– Хорошо. Как скажешь.

С тех пор это была их общая тайна. А потом из Общества ушёл Ваня Куликов вместе с несколькими вампирами, и Максимилиан принял решение рассказать о своём родстве с Дьяволом всем членам Общества. И никто, как ни странно, не предъявил ему никаких претензий, никто не был возмущён или оскорблён – все ему только сочувствовали и были на его стороне...

Макс поднял голову и посмотрел Свете в глаза.

– Как думаешь: они ещё придут?

– Ангела и Волк? Думаю, да. А почему нет? Что такого произошло? Вряд ли они перестанут с тобой общаться из-за того, что ты – тоже сын Дьявола. Они могут обидеться на тебя за Чернова-младшего, но это не повод совсем прекращать

общение.

– Верно, – согласился мужчина. – Ты права. Ты права.

* * *

Вечером того же дня Лика и Андрей пришли домой к вампирам. Они могли бы отложить визит до следующей недели, но им хотелось обговорить всё произошедшее, разрешить вопросы, затронутые накануне, чтобы закрыть тему совсем.

Ведьма была в мрачном расположении духа, несмотря на попытки друга приободрить её. Оптимистический настрой Волка к вечеру тоже испарился, и внутри него опять стала тлеть ярость. Эта ярость была направлена на Владимира Петровича и Максимилиана.

Двое друзей вошли в дом. В молчании они двигались по комнатам, изредка здороваясь с встречающимися на пути вампирами. Наконец, они вступили в гостиную. В то же мгновение там наступила гробовая тишина. Ахмедов, стоявший у окна, повернул к ним лицо и замер. Его тёмные глаза были прикованы к вошедшим.

– Всем привет, – сказал Туманов.

– Привет, ребята, – вполголоса произнесла Анжелика.

Вампиры вразнобой ответили. Макс повернулся и тихо поприветствовал друзей:

– Привет.

Члены Общества Дьявола прошли к свободному дивану. Мужчины пожимали вожаку руку.

– Разрешите? – с улыбкой кивнул Андрей на диван.

– Конечно, – улыбнулся Максимилиан и тоже сел, покинув своё место у окна. Влад устроился рядом с ним. – Отчего такие мрачные?

Ангела и Волк переглянулись.

– Да... – начал было мужчина, но запнулся. Наложённая магия не давала ему произнести то, что он хотел. Стараясь сохранять спокойствие, он ответил, изменив задуманную фразу: – Да Дьявол нам его немного попортил с утра.

– Дьявол? – удивился Ахмедов. – А зачем вы к нему сегодня ходили? Ведь не просто поболтать?

– Нет, – вздохнула Нестерова. – О-о-о... какая же я дура!

– Ты что, Ангела?! – воскликнул Юра.

– Мы ходили к Владимиру Петровичу поговорить о тебе, Макс, и спросить разрешения говорить с Лёшей!

– Чья это была идея? – поинтересовался Саша.

– Моя! – вскричала девушка с досадой.

– И вы получили отказ? – предположил Коля.

– Не совсем, – ответил Андрей. – Мы получили предупреждение.

– Какое?

Вожак стаи посмотрел на подругу. Он произнести это вслух не мог.

– Если мы заикнёмся об этом кому-нибудь, а особенно – Лёше, то вылетим из Общества, – пояснила Лика. – А ты, Макс, вместе со своим Обществом – из города.

– Вот как? – протянул Ахмедов.

– Да. И, кстати, Лёше Владимир Петрович ничего не говорил. Он сам в этом признался.

– Да ну?

– Да, Макс.

– Ты мог бы познакомиться с Лёшей сам, – заметил Туманов. – Хотя ты можешь побояться вылететь из города вместе со своим Обществом, но, мне кажется, на это нет оснований: угроза имеет отношение к нам и нашему участию в вопросе вашего знакомства. Мы ничего не можем сказать Лёше, но ты – можешь.

– Волк, ну не смейся! – презрительно усмехнулся Максимилиан. – Можно подумать ему это нужно! Да и не верю я, что Дьявол ничего не сказал своему сыночку.

– Макс, но он ведь сам так сказал! – воскликнула ведьма.

– О! А я должен ему верить? С какой стати?

– Макс... – протянул Волк. – Ты – осёл. Честное слово. Характером ты точно не в мамочку пошёл.

– Это ещё почему?

– Потому что ты такой же упрямый баран и такой же эгоист, как и... Вы оба только о себе и думаете, а на Лёшу – плевали. В чём только Лёха провинился, я никак не пойму?!

– Да не верю я, что он ничего не знает!

– А я не верю, что знает!

Мужчины уставились друг на друга. Они сверлили друг друга гневными взглядами. Но из двоих умнее был Андрей,

а потому он первый и прекратил это бессмысленное занятие, громко вздохнув и откинувшись на спинку дивана.

– Знаешь, что меня больше всего бесит в этой ситуации? – тихо спросил он.

– Нет.

– Что, в конце концов, больше всех пострадает Лёха! Потому что отец всю жизнь ему врал, а ты не пожелал иметь с ним ничего общего! О-о-о... – Вожак постарался успокоиться. – Ты вряд ли уже приобретёшь отца, но брата ты мог бы иметь. И какого! Лёха бы тебя обожал и тоже всё бы тебе прощал. Когда мы сказали ему, что вам нужно познакомиться, он решил, то у нас с Ликой какие-то проблемы. Он ничего не понимает, Макс. И ты... вроде умный мужик, а ведёшь себя... глупо, по-детски.

– Конечно! – разозлившись, воскликнул Ахмедов и вскочил с дивана. – Ваш Лёха – идеальный, а я – кусок дерьма!

И круто развернувшись, мужчина в бешенстве покинул гостиную. Туманов зажмурился и тихонько застонал.

– Лика... – еле слышно прошептал он.

Она всё поняла без слов и тоже вскочила с дивана. На выходе из гостиной пара вампиров попробовала её остановить, но она умоляюще вскричала:

– Отойдите, пожалуйста!

Мужчины тут же расступились, и девушка выбежала в коридор. Макс был уже практически в конце. Она окликнула его, но он не остановился – лишь сбавил темп ходьбы. В ито-

ге, догнала его Анжелика уже на втором этаже.

– Стой, Макс! – воскликнула она, упираясь руками в его плечи.

– Да я уже всё понял! – Он пытался вывернуться, пройти.

Нестерова поняла, что он очень обижен, и обняла его, несмотря на сопротивление. Она желала его утешить и смягчить нанесённую ему обиду.

– Да не надо меня трогать! – кричал мужчина, но вскоре всё-таки перестал вырываться.

Ведьма гладила его по голове и ласково приговаривала что-то, успокаивая, словно ребёнка. Когда она подняла голову, то увидела, что Максимилиан хмурится. С такой гримасой на лице он и вправду был похож на обиженного ребёнка. Их глаза встретились.

– Волк не хотел тебя обидеть, Макс. Он просто зол из-за того, что Владимир Петрович наложил на него магию. И на него, и на Федю, и на Мишу, и на Лёву – больше мы никому ничего не успели сказать. Знаешь, всё это было очень неприятно.

– Что? – агрессивно осведомился вампир.

– Разговор с Владимиром Петровичем. Не твоё родство с ним, конечно! Мы тебя любим, Макс. Ты неправ, и это всё, что мы хотели тебе сказать. Это не значит, что мы перестанем тебя любить. Мы любим тебя по-прежнему. Ты нам дорог. Мы не хотели тебя оскорбить. Пожалуйста, вернись в гостиную.

– Вряд ли Волк сожалеет.

– Сожалеет, Макс. Вот увидишь. Пойдём.

Ангела потянула его за руку. Нехотя он всё же подался и пошёл за ней.

– И за Люцифера Волку обидно, – продолжила девушка. – И мне – тоже. Я не упрекаю тебя – ты не думай, но ты многое теряешь, лишая себя общения с ним. Он бы тебе понравился. Такие, как он, тебе всегда нравятся: положительные, правильные, потому что сам ты любишь правила нарушать. А Люцифер – правильный. Добрый, положительный, вежливый. Ты, наверное, его стал бы защищать.

– От кого?

– От Владимира Петровича. Да, – задумчиво подтвердила она, – от Владимира Петровича.

Они вошли в гостиную. Там было очень тихо, и лишь редкие вампиры коротко переговаривались между собой. Андрей сидел, склонив голову и упершись локтями в колени. Глаза его были закрыты. Лика и Макс проследовали к диванам. Когда сидение под ведьмой прогнулось, вожак тут же это почувствовал и поднял голову. Взгляды мужчин перекрестились.

– Извини, Макс, – твёрдо сказал Туманов. – Оскорбить тебя я не хотел. Похоже, я перестарался.

Максимилиан кивнул, по-прежнему глядя Волку в глаза. Тот также взгляда не отводил. Анжелика переводила глаза с одного на другого. Наконец, Ахмедов улыбнулся, прищу-

рившись как-то хитро. Волк тихо рассмеялся.

– Но это не значит, что я отказываюсь от своего мнения, – заметил Андрей. – Я лишь извиняюсь за оскорбление.

– Другого я от тебя и не ожидал, – усмехнулся вампир.

– Знаешь, Макс, ты можешь упрямствовать, сколько тебе угодно, но подумай, пожалуйста, что ты почувствуешь, если вдруг окажется поздно что-то менять. Если с Лёшей что-то случится, а ты потом узнаешь, что был не прав. Будешь ли ты жалеть? По-моему, нет ничего ужаснее сожалений в конце жизни о том, что ты чего-то не сделал. Но это твоё дело, конечно. Думай сам...

После этого разговоры в комнате возобновились. Нестерова и Туманов немного поспрашивали своего друга о его единственном разговоре с отцом, о том, как он создавал своё Общество, об отношении его матери к этому, а потом оставили эти темы и перешли к обыкновенным в таких случаях разговорам. Когда через полтора-два часа гости прощались с хозяевами, вожак стаи крепко пожал Максимилиану руку, а ведьма сказала:

– Доброй ночи, Мефистофель.

Макса это развеселило, и, когда они уходили, он улыбался. А двое друзей покинули здание и сели в машину в каком-то странном настроении. Оба молчали. Машину водитель на заводил.

– Спасибо, Лика, – еле слышно произнёс Волк и положил голову на руки, покоящиеся на руле.

– Что с тобой, Волк? – воскликнула Лика.

Он помотал головой:

– Ничего. Просто... всё это плохо кончится.

Девушка погладила друга по кудрявой голове и ласково ему улыбнулась, когда он на неё посмотрел.

– Странно слышать такие пессимистичные речи от тебя, Волк. Ты просто устал. Завтра утром встанешь, и всё покажется не таким уж и страшным.

Андрей весело рассмеялся.

– Забавно, что ты меня утешаешь.

– А почему бы нет?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Пожалуй, я и вправду немного устал. От всего устал.

– От чего «всего»? – удивилась ведьма.

– От борьбы с собой.

– А по какому поводу ты с собой борешься?

Туманов усмехнулся, помотал головой и завёл машину.

– Наверное, мне весь день хочется набить кому-нибудь морду. И я никак не могу решить, кому больше: Владимиру Петровичу или Максу.

Друзья расхохотались и уже в лучшем настроении поехали домой.

Глава 7

Волнение по-прежнему не оставляло Анжелику. Оно ёрзало внутри каждый день, каждый час, каждую минуту. В какой-то мере девушка с ним смирилась, но её беспокоило то, по какой причине оно появляется. Она для себя связывала его со всеми невероятными событиями, которые происходили в последнее время с ней и её друзьями, а поэтому ожидала чего-то ещё в этом же роде, потому как исчезнуть волнение не соизволило.

Ангеле хотелось бы с кем-нибудь о нём поговорить, но с людьми обсуждать это было невозможно, а с друзьями она не могла. Её самым близким другом был Волк, и именно с ним она всегда могла обсуждать свои мысли и чувства, но на сей раз отчего-то не делала этого. Ведьма пробовала заговорить о своих ощущениях, но что-то её в самый последний момент останавливало, словно инстинкт самосохранения.

Римма замечала состояние коллеги, спрашивала о нём, а та лишь улыбалась, отшучивалась. И хотя внутренне убеждала себя в том, что волнение имеет происхождение мистическое, что-то шептало ей, что она ошибается, что оно принадлежит к какому-то иному роду. Временами это чувство казалось ей знакомым, но когда она начинала вспоминать, откуда знает его, и была почти у цели, безумный страх оста-

навливал её. А, успокоившись, она снова оказывалась далеко от разгадки. При этом девушка испытывала глубокое чувство вины за свою трусость, потому что она почти явственно слышала, как внутренний голос шептал ей: «Ты знаешь ответ, но боишься услышать его. Потому что тогда лишишься своего спокойствия».

Всё это мучило Ангелу, и она не находила себе места. Однако, к радости девушки, она отыскала себе пациента. Теперь её мысли были направлены на предстоящий сеанс, и думать о волнении времени не находилось.

Это был последний пациент в текущем году. Остальных она вылечила ещё до осени, и когда обнаружила, что осталось вылечить лишь одного, стала тянуть время. Ведьма не хотела исчерпать свой лимит задолго до окончания года: без работы ей было скучно, а потому она принялась более придирчиво подбирать последнего пациента. Тех, кого были способны исцелить и другие ведьмы, она отвергала и ждала человека с более серьёзным недугом. И, наконец, нашла мужчину, больного СПИДом, спасти которого было не под силу никому, кроме неё.

Вечером в пятницу они с Волком приехали к тому домой, где Анжелика и восстановила его иммунную систему, почти не испытав боли, но потратив много энергии. Как и всегда, девушка отключилась. В себя она пришла ночью.

В помещении было темно. Нестерова села. Она всё ещё находилась в состоянии полузабытья и мутным взглядом об-

водила комнату. Совсем незнакомую комнату. Эта мысль невероятно перепугала ведьму, и она вихрем взлетела с кровати и даже умудрилась пробежать половину пути до двери. Но тут у неё закружилась голова, и в глазах зарябило. Едва сознавая саму себя и своё тело, Лика замахала руками в поисках опоры. Сквозь какой-то туман до её слуха дошёл звук открываемой двери, и в следующий миг чьи-то руки обхватили её за талию, не давая упасть. Тотчас девушка всё поняла: что держит её Волк, и что она находится у него дома, в его спальне.

– Ты что, Лика? – послышался тихий голос Андрея. – Ты у меня дома.

– До меня дошло, – еле ворочая языком, ответила она.

Вновь наступила тишина. Туманов продолжал держать подругу за талию, ожидая, когда у неё прекратится головокружение. Очень медленно Ангела приходила в нормальное состояние. Однако, как только закончилось головокружение, с ведьмой начало происходить что-то странное.

Во-первых, к ней вернулось нормальное зрение, и она увидела, что Волк в одних только брюках. Конечно, она и прежде видела друга без рубашки, когда они ездили на речку, но в этот момент словно узрела его впервые. Торс вожака стаи произвёл на Анжелику не меньшее впечатление, чем когда-то произвела его спина.

Андрей вообще не принадлежал к типу волосатых мужчин. Основная часть его волосяного покрова находилась

на голове. Волосы были у него и на руках и на ногах, но негустые, короткие и русого цвета, который не бросался в глаза. Грудь же его и спина были безволосыми. Совершенно. Кожа была гладкая, упругая и в свете фонаря, который едва-едва проникал в окно спальни с улицы, отливала серебром.

Туманов не был излишне накачанным, и все его мышцы были рабочие, развитые. Тело этого мужчины говорило об активном образе его жизни, о постоянных физических нагрузках. Его грудь тоже об этом говорила: на ней было множество впадин и выпуклостей, виден был пресс, каждая мышца скульптурно выделялась. Такими же скульптурными, как и грудь, были его руки, бицепсы, за которые держалась в данный момент ведьма. В общем, Волк был живая древняя скульптура, воспевающая красоту человеческого тела.

Во-вторых, Лика начала испытывать желание... очень странное желание... прикоснуться к нему. Ей хотелось пошевелить пальцами и погладить его бицепсы, хотелось прикоснуться губами к его груди, которая была как раз напротив её лица. Ей хотелось гладить его тело, хотелось, чтобы он обнял её. Его бицепсы, за которые она держалась, его руки, которые обнимали её за талию, жгли ей кожу. Девушке пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не двигать пальцами, чтобы он не понял её состояния, её желания, но она всё равно почти физически ощущала, как её дыхание касается его груди.

Андрей прерывисто вздохнул и чуть отстранился.

– Голова не кружится? – спросил он.

– Нет. Я в порядке. – Нестерова с трудом соображала. – Извини, что разбудила. Я не узнала твою спальню в темноте и отчего-то перепугалась.

– Ничего страшного. А-а... я понимаю, что ты, наверное, спать не хочешь, но сейчас два часа ночи, и я бы поспать ещё не отказался.

– Два часа какого дня?

– Воскресенья.

– А-а-а... – протянула ведьма, – твой единственный выходной. Я тоже, пожалуй, поспать не откажусь.

– Хорошо. Только... есть одна проблема.

– Какая?

– У меня есть всего два набора постельного белья. Один из них в той кровати, на которой ты лежала, а на втором я сплю на диване в гостиной. Проще говоря, я спал на обоих. Прости. Просто я не подумал, что ты можешь очнуться среди ночи: раньше такого не случалось. Я могу предложить тебе лечь в моей постели здесь, если ты не брезгуешь, или положить тебя сверху под пледом, как ты лежала сейчас. Понимаю, что это не гостеприимно...

– Я не брезгливая! – оборвала его Анжелика. – В отношении тебя, по крайней мере. Я лягу здесь, если ты не против.

– Не против, естественно, – усмехнулся вожак стаи и поднял её на руки, посадив затем на стул, стоявший рядом с кроватью.

Он снял с кровати покрывало, откинул пододеяльник, который оказался пустым. Потом поискал что-то в шкафу и извлёк оттуда, как оказалось, одеяло.

– Тебе вставить его или ты сверху им можешь накрыть-ся? – осведомился Туманов.

– Накроюсь сверху, – рассмеялась Ангела. – А ты что, совсем без одеяла спишь?

– Ну, да. Мне под одеялом всегда жарко.

В его голосе послышалось смущение, которое позабавило девушку. Волк подошёл к ней, поднял на руки и перенёс на кровать.

– Спасибо, – тихо произнесла она. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Лика.

Ведьма проводила его сильную и высокую фигуру взглядом и стала раздеваться. Спать в одежде неприятно, невыносимо, и Лика решила зря не мучиться. Снимая бюстгальтер, она вдруг смутилась, хотя никто не мог её видеть: она слышала, как скрипнул под Андреем диван, когда он на него ложился. Раздевшись побыстрее, девушка нырнула под пододеяльник. Немного подумав, она пристроила свой бюстгальтер под брюки, на случай если другу что-то понадобится в комнате, и он в неё войдёт. На том успокоившись, Нестерова легла в холодную постель и накрылась ещё сверху одеялом.

Сначала её беспокоило лишь то, что она замёрзла, но как только она стала согреваться, с ней опять начало происходить что-то странное. Девушка повернула голову на подуш-

ке и вдруг почувствовала, что та пахнет... Волком. Это был тот самый специфический запах, про который Туманов говорил ей меньше, чем полгода назад. Подушка пахла им самым и немного его одеколоном. Такой родной запах, такой знакомый... Анжелика уткнулась носом в подушку. Теперь она чувствовала, что вся постель пахнет Андреем, и этот запах сводил её с ума. Ей было невообразимо приятно, что она чувствует этот запах, что он повсюду. Ещё ей была приятна мысль, что в этой постели спал Волк. Она гладила руками подушку, простыню, и ей казалось, что гладит она того кудрявого мужчину, который спит в соседней комнате.

«Извращенка», – сказала Ангела себе мысленно, но избавиться от этого наваждения не могла.

Ей было хорошо в его постели. Запах Андрея будоражил её душу. Все мысли теперь были о нём. Ей вспоминались те сумасшедшие мысли, которые приходили в голову, пока она стояла с ним рядом, вспоминался его голос, которого поначалу она так боялась, а потом полюбила. Как назло, ей стало вспоминаться, какие на ощупь его волосы, как это, когда он приобнимает за плечо, как это: кружиться с ним в танце. Ей вспоминались его насыщенно-карие глаза, широкая улыбка. От всех этих мыслей и воспоминаний у ведьмы снова стала кружиться голова. Но это странное гипнотическое состояние не проходило, и тому способствовали запах, исходящий от постели, и осознание того, что Волк в ней спал.

С мыслями о вожаке стаи Лика и заснула. Утром, когда

она открыла глаза, оказалось, что солнце уже светит вовсю, а хозяин дома делает что-то на кухне: слышно было, как гремит посуда, и течёт вода из крана. Голова у девушки была тяжёлая и немного побаливала: сказывалось то, что она долго не могла заснуть.

Неожиданно Ангела припомнила, какие именно навязчивые мысли не давали ей заснуть этой ночью, и густо покраснела. Ей стало стыдно. Теперь, при свете дня, всё это казалось минутным помешательством.

Ведьма встала с постели и оделась. В гостиной послышались тихие шаги Туманова. Анжелика пришла в ужас от мысли, что он увидит её вот такую неумытую и непричёсанную, хотя раньше её это так не беспокоило. Но ей повезло: мужчина вскоре снова ушёл на кухню. Беспокойно озираясь, девушка пробежала в ванную. Там она умылась, очень критически осмотрела себя в зеркале, попробовала расчесать волосы руками, но должного результата не добилась.

Бегом же она вернулась в спальню. Ей хотелось, как можно скорее привести себя в порядок, но её взгляд упал на разобранную постель, и она не смогла пройти мимо. Заправляла её Ангела торопливо. Закончив, она приблизилась к туалетному столику, на котором лежала расчёска. Воспользоваться ею без спроса ей мешала совесть, но без расчёски с её волосами справиться было невозможно.

Раздался стук в дверь, от которого ведьма вздрогнула. Она так глубоко задумалась, что не услышала шагов друга и ис-

пугалась. Испуг выдавала рука, прижатая к груди.

– Прошу прощения, – послышался голос Волка, вслед за которым в дверном проёме появилась его кудрявая голова. На лице мужчины растянулась широкая весёлая улыбка. – Испугал? Прости. – Он вдруг рассмеялся: – Ты забавная какая-то сегодня. Такая резвая с утра пораньше. Бегаешь, как...

Девушка смущённо улыбалась после того, как он назвал её забавной, а когда он осёкся, не закончив сравнение, развеселилась тоже:

– Как кто?

Андрей стушевался и чуть покраснел.

– Вообще-то женщину принято сравнивать с ланью, но мне в голову пришло другое сравнение.

– Какое?

– Неважно.

– Важно! Говори.

– Нет. Не буду. Ты обидишься. – Против воли он улыбался.

– Скажи, Волк. Я не обижусь.

– Хорошо: ты бегаешь по дому, как перепуганная зайчиха. Прости, подруга: у нас попросту лани в лесу не водятся – только зайцы.

Лица хохотала. Туманов улыбался:

– Если бы я был поэтом, то все женщины бы от меня разбегались, чтобы я не написал про них стихи и не сравнил

с чем-нибудь не очень поэтичным.

– Неправда. Мне нравится твоё сравнение. Всё лучше, чем быть ланью.

– Спасибо, что успокоила. – Он опять улыбнулся. – Ах, да! Привет, подруга!

– Привет, друг, – улыбнулась в ответ ведьма.

– Завтракать будешь?

– Да.

– Хорошо. Если ты не против, то я составлю тебе компанию: завтракал я уже давно и опять хочу есть.

– Я никогда не буду против такой компании, как ты.

– Отлично. Тогда я тебя жду.

– Волк! – окликнула его Анжелика.

– Да, Лика? – спросил он, вновь появляясь в проёме.

– А можно твоей расчёской воспользоваться?

Андрей улыбнулся подруге с ласковым укором.

– Зачем ты спрашиваешь? Конечно, можно.

– Спасибо! – прокричала она ему вслед.

Девушка по-прежнему улыбалась, хотя друг уже ушёл. От короткого разговора с ним у неё поднялось настроение, и губы не могли прекратить улыбаться, отражая внутреннее состояние своей хозяйки.

Ангела взялась за расчёску. Её глаза тут же зацепились взглядом за несколько кудрявых русых волосков, оставшихся в ней. И её вновь охватило это странное чувство близости к Волку. Она сердито замотала головой, отделяясь от на-

важдения, и принялась яростно чесать свои длинные волосы. Потом девушка быстро вытащила из расчёски свои волосы, оставшиеся в ней, и пошла прочь, как можно скорее, убегая от этой расчёски, словно в ней таится какое-то зло.

Она вошла на кухню, снова чувствуя себя смущённой, то краснея, то бледнея. Однако ей казалось, что ведёт она себя как обычно, не замечая, что всё делает иначе, чем всегда.

Они сели пить чай. Лица внезапно стала стесняться есть при Андрее. Ей мерещилось, что она всё делает не так: кусает, чай пьёт. Она краснела и старалась на друга не смотреть. Он же улыбался. Вскоре ведьма, несмотря на своё смущение, заметила это.

– Отчего ты такой счастливый? – полюбопытствовала она.

Туманов опустил глаза, не в силах стереть с лица улыбку. С ответом он немного помедлил, но всё-таки поднял глаза и, чуть смущаясь, пояснил:

– После того дня, когда мы отмечали окончание ремонта, ты первый гость в моём доме.

– Серьёзно?

– Да, с тех пор никто ко мне домой ни разу не приходил. Так что я очень рад тебе, как моей первой гостье. Впрочем, ты всегда желанный гость в моём доме.

– Спасибо, Волк. – Нестерова улыбнулась. – А ты давно завтракал?

– Сразу как приехал из леса. Около восьми часов примерно.

– Кошмар! Неужели ты каждый день так рано встаёшь? Ты ведь никогда не высыпаешься!

– Отчего? – удивился вожак. – Во время отпуска я часто на пересмену не являюсь. А вообще я привык. И я из тех, кого называют жаворонками.

– Всё равно это ужасно, – вздохнула девушка. – Ну, а как там в лесу? – спросила она, отвлекаясь от грустных мыслей.

– А как может быть в лесу? Всё хорошо. Правда, сегодня на дежурство заступали Серёжа и Валера, но даже их рожи не способны мне испортить настроение: сегодня хороший день, солнечный, хотя и прохладно. А ты как себя чувствуешь?

– Нормально. Полный порядок.

Волк пристально посмотрел подруге в глаза:

– Точно?

– Да точно, точно! – рассмеялась Анжелика. – В какой-то степени СПИД лечить проще, чем многие болезни. От заразы избавлять больно, а восстанавливать иммунную систему – совсем нет.

– Не обманываешь меня? – прищурился мужчина.

– Нет. Клянусь.

– Ладно. Тогда пойдём дальше: как спалось?

Ведьма расхохоталась.

– А что, у нас какая-то определённая программа?

– Нет. То есть у меня в голове – да. Так как?

– Что? Спалось? Хорошо. Знаешь, я снова успела привык-

нуть к квартире и забыла, как хорошо спится в частном доме. Такая тишина! Никакие соседи не орут, собаки не скребутся когтями по линолеуму, не слышен ничей телевизор. В доме какие-то другие звуки, они совсем иного характера.

– Да, – согласился Андрей, – в своём доме полно звуков, но это другое. Не представляешь, как я рад, что съехал из квартиры! Вообще не понимаю, как люди в них живут. Я всю жизнь прожил в частном доме, и квартиры мне невыносимы. Да и с волчьим слухом там с ума сойти можно! Всех соседей слышно.

– Представляю!

Друзья звонко рассмеялись. Потом они немного помолчали, продолжая улыбаться.

– А ты с соседями познакомился? – осведомилась Ангела. – Они, наверное, удивляются тому, на какие деньги ты купил себе такой огромный дом. Да и денег столько в него вложил! Даже в двадцать девять лет это почти никому без помощи родителей не удаётся.

– Может, и удивляются, но мне об этом не говорили. Я познакомился только с теми соседями, с которыми соприкасается мой огород, и познакомился, именно работая в огороде. А пару недель назад ко мне приходил участковый, чтобы познакомиться. Кстати, его фамилия Горлов. Он случайно не...

– Дима?! – в восторге вскричала Лика. – Дима Горлов? Твой участковый? Поверить не могу!

– Это сын Станислава Сергеевича?

– Да. Хороший парень, правда?

– Согласен. На отца совсем не похож – так сразу и не скажешь, что его сынок. Ответственный паренёк. Ты с ним знакома?

– Немного. Мне он нравится. Бедняга: он свою работу не любит.

– Серьёзно? – удивился Волк. – А не скажешь. Я ни на одной квартире своего участкового не знал, да и в родительском доме – тоже, а этот сам пришёл знакомиться. Удивил меня приятно. Кстати, он любопытствовал, на какие средства я умудрился дом купить.

– И что ты ему ответил?

– Правду. Сказал, что работаю на Владимира Чернова, и зарплата позволила накопить деньги. Ну, и везучий я, конечно.

– Почему это?

– Потому что нашёл этот дом. У нас редко такие большие дома строят, тем более редко продают – всё больше халупы всякие. Даже выбирать не из чего.

– Но ты так много в него вложил!

– Хорошо, что было, куда вкладывать! – рассмеялся вожак стаи.

– И то верно, – сдалась всё-таки Нестерова.

Они задумчиво замолчали. Девушка грустно вздохнула.

– Отчего грустишь? – спросил Андрей.

– Это был мой последний пациент в этом году. Жаль. Отчего так мало людей требуется вылечить? Впрочем, я не права. Тем ведьмам, которые имеют семью и детей, такого количества достаточно. Это мне одной, наверное, занять себя нечем.

– Значит, выходи замуж, чтобы не скучать.

– Не рано ли?

– В двадцать три года? Нет, в самый раз. Это мне уже становится поздновато жениться, а тебе – самое время.

– Да? А я не думала что-то о замужестве совсем.

– Значит, пришла пора подумать, – улыбнулся Туманов.

Анжелика неуверенно улыбнулась и ничего не ответила.

В душе её было смятение, и мысль о замужестве была почему-то неприятна. Друг на неё внимательно смотрел, и она почувствовала себя неловко. Ей даже страшно стало, что он со своей проницательностью и мудростью поймёт её состояние.

– А ты по-прежнему боишься не успеть жениться? – осведомилась ведьма, желая отвлечь Волка.

– Не особенно.

– Но всё же боишься. Отчего? Боишься, что через пару лет облысеешь? Ведь многие говорят, что те, у кого густая шевелюра в молодости, в зрелости её теряют совсем.

Мужчина улыбнулся, убирая кружки со стола. Ангела хотела встать и помыть их, но хозяин дома взглядом приказал ей сидеть.

– Конечно, причёску нового русского мне не очень хотелось бы, – сказал он, ополаскивая кружки под краном. – Но я надеялся, что в магии существует какой-нибудь способ это предотвратить.

– Да, думаю, существует. И мне даже кажется, что я знаю, как это делается. Обращайся, если что.

– Спасибо, обращаюсь. Но пока что, к счастью, со мной всё в порядке. – Андрей обернулся. – Ли́ка, мы ведь сегодня в лес собирались. Едем же?

– Едем, едем.

– Сначала к тебе едем, чтобы ты переоделась, да? Вряд ли ты будешь гулять по лесу в таком официальном костюмчике.

– Да, ты прав.

– Отлично. А сейчас я переоденусь. Подождёшь?

– Конечно.

Он вышел из кухни.

– Ой, Волк! – вскричала, опомнившись, девушка. – А с кем едем-то? С Лёвой?

– И с Мишей, – ответил вожак, появляясь вновь на кухне. – У его Ксюши сегодня какие-то дела, и свидания не получается. Так что едем вчетвером. А Федя с Олей идут как раз на свидание и к нам не присоединятся.

– Ясно. Спасибо.

Мужчина кивнул и ушёл переодеваться. Минут через десять друзья уже ехали к дому Ли́ки. Девушка всю дорогу сожалела, что у неё нет времени зайти в ванную: чувствовала

она себя кошмарно грязной и мечтала лишь помыться.

Наверх они поднялись вдвоём.

– Разувайся, Волк, – сказала Ангела, когда они вошли в квартиру, – проходи. Я не такая шустрая, как ты, поэтому придётся немного подождать. Но не бойся: я не слишком долго.

– Лика! – окликнул Туманов её, находившуюся уже на полпути к своей комнате. Она остановилась и обернулась, вопросительно подняв брови. – Мы никуда не торопимся. У нас есть время, поэтому если ты хочешь сделать что-то ещё, то делай: думаю, полчаса у нас найдётся.

На лице ведьмы появилась счастливая улыбка, в которой она сама себе не отдавала отчёта. Мужчина, увидев эту улыбку, тихонько фыркнул себе под нос от смеха.

– Кажется, я угадал твои мысли.

– Ты угадал моё желание. Я бы не отказалась зайти в ванную. Ты это предполагал?

– Именно.

– Но... как ты догадался?

Волк улыбнулся.

– Во-первых, исхожу из того, что сам бы чувствовал на твоём месте, во-вторых, кое-что знаю о твоём характере, а в-третьих, ты сегодня спала в чужой постели – не удивительно, что тебе хочется помыться.

– Я чувствую себя грязной, но совсем не от того, что спала в твоей постели.

«А из-за тех мыслей, которые приходили мне в голову, пока я там спала», – мысленно закончила фразу Анжелика, проходя в свою спальню.

Мылась она быстрее, чем обычно, и при этом против воли всё время думала о том, что Волк совсем недалеко, что их разделяют считанные метры. Она чувствовала, как он близко.

Девушка тщательно вытерлась, но если тело после этого стало сухим, то волосы – нет. Они были очень густые и длинные, и на их естественное высыхание обычно уходило несколько часов. Однако сегодня их у Нестеровой не было в наличии, а потому она просто воспользовалась магией: стоит только встряхнуть головой, и волосы абсолютно сухие.

Одевшись во всё свежее, ведьма вышла из ванной. Андрей повернул голову на звук, и его брови при виде подруги удивлённо приподнялись.

– Ты мыла голову? – с сомнением в голосе спросил он.

– Да.

Из горла мужчины вырвался смешок, а губы изогнула улыбка.

– Неплохо же быть ведьмой.

Лица широко улыбнулась ему, соглашаясь, и прошла в комнату. Там она воспользовалась дезодорантом, духами, ещё раз расчесалась и после этого вышла совершенно готовая.

– А всё-таки ты – шустрая, – заметил вожак стаи, одева-

ясь. — Я готовился к более длительному ожиданию.

Друзья приехали в резиденцию Дьявола. Полчаса они общались с членами Общества, а затем вчетвером, как Туманов и обещал, отправились в Тёмный лес.

Они ехали в машине, Лёва оживлённо что-то рассказывал, и все улыбались, слушая его. Но неожиданно Ангела почувствовала тревогу, и улыбка с её лица сползла. Она чуть повернула голову и посмотрела на Волка, который сидел рядом и вёл машину. Его брови тоже оказались нахмуренными, и это абсолютно точно не имело отношения к процессу вождения.

Внезапно в автомобиле раздался шум от звонивших телефонов. Четверо чертей вздрогнули.

— Это чей? — спросил Курганов.

Каждый потянулся к своему телефону и обнаружил, что он звонит. И так уж вышло, что кнопку принятия вызова друзья нажали одновременно.

— В течение получаса требуется прибыть в резиденцию, — разлился голос Владимира Петровича по джипу. — Общее собрание в летнем зале.

В машине наступила тишина. Члены Общества Дьявола сидели, как оглушённые. Медленно, всё ещё находясь в состоянии шока, они убрали свои телефоны. Вожак стаи развернул автомобиль и направил его назад, к городу.

— Извините, ребята... — тихо сказал Лев, берясь руками за спинки передних сидений и пододвигая свою голову к Ан-

геле и Волку. – Может, это прозвучит немного по-женски, но: у меня плохое предчувствие.

– Не у тебя одного, – так же тихо заметил Андрей.

– Да уж, – поддержал друга Миша.

Анжелика просто кивнула, присоединяясь к волкам: сил говорить не нашлось. Внутри неё установился какой-то холод, который определённо не предвещал ничего хорошего. Девушка в панике и отчаянии схватила Туманова за предплечье, словно хотела попросить его не ехать в резиденцию, и она действительно этого хотела, но вслух не произнесла ни слова. Он же, по-видимому, понял всё без слов.

– Мы не можем не ехать, – вполголоса сказал мужчина. – По Закону мы обязаны являться по первому зову.

Нестерова кивнула и убрала руку. Её ладонь горела от прикосновения к его телу, но она этого уже не осознавала. Беспокойство всё больше разрасталось в её груди.

– Ни разу нас ещё не собирали, – пробормотал себе под нос Самойлов. – За все восемь лет.

В мрачном молчании друзья въехали во двор резиденции и, с трудом отыскав место, припарковались. Многие члены Общества уже прибыли, другие – как раз прибывали. Четверо чертей вышли из автомобиля. Каждый из них старался справиться со своим страхом.

– Влезли в чужую тайну, и теперь будем вздрагивать от любого шороха, – заметил Лёва.

Друзья замерли и посмотрели на его мрачное лицо. Мыс-

ленно они все с ним согласились: если бы они не знали ничего лишнего, то и поводов бояться этого собрания у них бы не было. Зная характер Владимира Петровича, который за последнее время катастрофически, к тому же, испортился, они боялись мести с его стороны, но не признавались в этом даже себе самим.

Тяжело вздохнув, волки и ведьма двинулись ко входу в здание, вливаясь в общий поток чертей.

– Судя по вашим лицам, вы тоже считаете, что ничего хорошего нас там не ждёт, – сказал Федя, догнавший их вместе с Олей.

– Да, именно так мы и считаем, – ответил за всех Миша.

Когда уже шестеро друзей вошли в резиденцию, их догнали Кира, Игорь, Петя, Лёня и Рома. Все были встревожены. На половине пути до летнего зала Волк вдруг резко остановился. Ведьмы и волки, шедшие с ним, тоже прекратили идти и посмотрели на него, повернувшегося к ним.

– Волк, что случилось? – спросила Лика.

– Когда к резиденции подъезжали, видели, кто находился в зале с Владимиром Петровичем?

– Нет, – ответил Лёва. – А кто?

– Никита, Жора и Эдик. – Взгляд вожака стаи переместился на блондинку. – Мне просто кажется, что я начинаю понимать, в чём смысл твоего видения.

– В чём? – сдавленно прошептала ведьма.

Мужчина помотал головой, отказываясь отвечать, и толь-

ко коротко приказал, снова начиная идти:

– Пошли.

Ангела от него немного отстала. Ей стало ещё страшнее, и, как никогда, она нуждалась в поддержке. Кира схватила её за руку и потащила за собой.

– Пошли, Ангела. Нужно идти.

Анжелика посмотрела на девушку с отражавшимся в глазах страхом. Та её приобняла, пытаясь поддержать. Вместе они подошли к летнему залу. Двери были закрыты, и вся толпа стояла в коридоре. На лицах членов Общества Дьявола отражались смутение и испуг.

Из зала вышел Алексей. В его руках были два листка бумаги. Он со всеми поздоровался и подошёл к Андрею. Один листок Люцифер вручил вожаку и прошептал ему что-то быстро на ухо. Тот кивнул, давая понять, что всё уяснил. Миша взял отходившего сына Дьявола за плечо и спросил что-то – Лёша в ответ лишь растерянно пожал плечами. Нестерова догадалась, что спрашивал его Самойлов о цели собрания.

«Значит, и Люцифер не знает, в чём дело», – подумала она.

Туманов и Чернов стали оглядывать толпу и делать какие-то пометки в листочках. Сквозь страх девушка умудрилась понять, что они проверяют наличие своих подчинённых. Глазами она отыскивала Виктора и увидела, что у него в руках тоже находится листочек, но он в нём уже ничего

не отмечает. Вскоре закончили и Андрей с Лёшей.

Сын Дьявола забрал листочки у вожака стаи и главы Группы внутреннего порядка и исчез за дверью. Спустя короткое мгновение он распахнул эту двустворчатую дверь и скомандовал всем входить.

Группа внутреннего порядка потянулась ко входу вместе с ведьмами и волчицами. Волки же мужского пола не шелохнулись, дожидаясь, когда в зал войдут женщины. Невольно Лика улыбнулась: волки постарше так были воспитаны, а остальные переняли пример своего начальника, который никогда не обойдётся с женщиной негалантно.

Ведьмам было велено встать на одну сторону зала, а волкам – на другую. Никита, Жора и Эдик и вправду находились в зале, как Волк и говорил. Это заставило Ангелу напугаться ещё больше, и ей не стало легче, потому что только Жора и Эдик встали к стае – Никита остался стоять рядом с Владимиром Петровичем.

Когда все, наконец, вошли в зал, и каждый нашёл себе место, наступила тишина. Бессмысленное ёрзанье, разговоры и обеспокоенные перешёптывания прекратились. Все взгляды были прикованы к Дьяволу.

– Всем добрый день, – сказал мужчина, оглядывая собравшихся. – Думаю, сегодня обойдётся без длительных вступлений. Итак, несколько волков не желают работать под началом нынешнего вожака. Один из них предлагает себя на эту роль.

Члены Общества ахнули и посмотрели на Андрея. Его лицо было невозмутимо, ни один мускул не дрогнул. Он продолжал спокойно глядеть на Чернова.

– Мало ли чего они не хотят, – произнёс вполголоса Лёша. – Кого это волнует?

– Меня волнует, – ответил спокойно Владимир Петрович. – Что ты на это скажешь, Андрей?

– А что я могу сказать? – ровным голосом спросил Волк. – Вы можете поступать так, как считаете нужным. Вы – Дьявол, а потому можете назначить вожаком, кого вам будет угодно.

– Это я и сам знаю, но чтобы Никита стал вожаком всех волков, нужно устроить ему испытание. А волков созвать может только вожак. Ты это сделаешь?

– Право избрать одного из волков нашей стаи на должность вожака и предложить его кандидатуру волкам, чтобы ни случилось, остаётся за мной, поэтому созывать волков я отказываюсь. Рекомендовать Никиту на эту должность я не намерен ни сейчас, ни в будущем.

По залу прокатился испуганный вздох. Туманов оставался невозмутимым. Дьявол прищурился:

– Что ж, тогда придётся обратиться к предыдущему вожаку стаи.

– Ни один из предыдущих вожаков не имеет над волками власти, – заметил Никита.

Андрей бросил на парня снисходительный взгляд.

– Я рад, что хоть это-то ты знаешь, – тихо оборонил он.

– Вот как? – воскликнул дрожащим от ярости голосом Владимир Петрович. – А ты, значит, отказываешься?

– Да, отказываюсь. Во-первых, на пенсию мне ещё рано-вато, да я и не собираюсь, а во-вторых, то, что делает Никита, у людей называется «подсидживать». Помогать ему в этом я не намерен. Даже странно, что с подобным вопросом вы обращаетесь ко мне, Владимир Петрович. А злитесь вы зря: созывайте волков сами, раз вам так угодно. Вы на это право имеете.

– Они не станут слушать меня.

– Станут. Они обязаны подчиняться любому члену Общества.

– Обязаны, но не так. Да и как я, по-твоему, должен с ними разговаривать?

– Вы обладаете магией, – спокойно пояснил Волк. – Вам ни к чему уметь разговаривать на их языке.

– Верно, но... – Мужчина осёкся. – Я думал, что ты согласишься. Припоминаю, что прежде ты не желал быть вожаком. А теперь что? Власть понравилась?

– Власть здесь ни при чём. Никита, я так понимаю, недоволен тем, как я работаю?

– Да, именно так.

– Что ж, тогда и я буду откровенен. Я считаю, что как рядовой работник Никита справляется со своими обязанностями плохо, а потому награждать его ещё большей ответствен-

ностью, не вижу смысла. К тому же, я не доверю Никите ни стаю, ни тем более лес. И, раз уж вы предлагаете нарушить правила и назначить нового вожака до окончания срока нынешнего, то, думаю, будет уместно спросить на сей счёт мнение всех членов стаи. Если большинство волков и волчиц желает иметь другого вожака, то я подчинюсь и созову волков. У меня всё.

Повисла тишина. Дьявол посмотрел на волков и волчиц, спрашивая взглядом, желают ли они нового вожака. Большинство отрицательно помотали головами. А Туманов не обернулся. Он не смотрел, каково мнение членов стаи. Сердце у Ангелы сжалось: она понимала, как сейчас плохо её другу. Гордость не позволяла ему повернуться и узнать, каков вердикт, и он лишь стоял прямо и ждал, когда этот вердикт озвучат. Ответ большинства волков и волчиц вызвал у ведьмы слёзы, которые она едва смогла сдержать. Их верность её другу, своему начальнику, порадовала девушку.

– Нет так нет, – пробормотал Чернов и уже громче сказал: – Тогда я предлагаю разделить стаю.

Черти вновь потрясённо ахнули. В наступившей затем тишине отчётливо послышалось ошарашенное восклицание Алексея:

– Разделить стаю? Что? Как... это?

– Очень просто, – спокойно ответил ему отец.

– Нет. Это невозможно. Стая одна – так было всегда. На свете может быть только один вожак и никак иначе.

– Ничего страшного в этом не вижу: среди ведьм тоже есть разделение.

– Какое ещё разделение?!

– Группа внутреннего порядка. Основная часть ведьм находится под твоим руководством, а остальная – под руководством Виктора.

Лёша медленно распрямил плечи и повыше поднял голову. Никто не видел его лица, но голос был холодный и твёрдый:

– Группа внутреннего порядка – это не деление среди ведьм. Группа должна состоять из членов Общества Дьявола, а члены Общества – это не только ведьмы, но и волки. В Группу внутреннего порядка всегда входили и те, и другие. Так было до Георгия Дмитриевича. То, что сейчас Группа состоит только из ведьм, не есть правильно. Так быть не должно. И со стаей это сравнивать нельзя. – Мужчина набрал в лёгкие побольше воздуха и продолжил: – За тысячу лет существования Общества Дьявола стая никогда не разделялась, она всегда была едина. Лес – один, и стая – одна. По-другому быть не может. Властью вожака награждается только один – таков закон магии. Иначе сделать не получится даже при большом желании. И в Чёрной книге об этом ни слова: как Венера создала Общество, так оно и существует. Она никогда не давала разрешения уродовать стаю.

– Но и не запрещала.

– Да невозможно делить стаю! Это немыслимо. И для че-

го? Чтобы удовлетворить амбиции Никиты?

Люцифер горячился, и все понимали, почему. Все знали, что сын Дьявола не страдает никакими «националистическими» убеждениями и любит волков не меньше, чем ведьм. Всем были ясны и понятны его боль, ярость и изумление по поводу сделанного Черновым-старшим предложения.

Никто и никогда из членов Общества не слышал, чтобы Алексей спорил с отцом, тем более – спорил так горячо и настойчиво. Многие в какой-то мере за него испугались – они испугались реакции Владимира Петровича.

Задав последний вопрос, зеленоглазый ведьм, наконец, посмотрел на вожака стаи. И увидел предупредительный взгляд. Андрей глазами просил его прекратить спорить, предупреждал, что это бессмысленно.

Лёша осёкся, замолчал. У него было ещё полно аргументов, но он оставил их при себе. Изумрудные глаза скрылись за чёрными ресницами. Мужчина более ни на кого не смотрел – особенно не смотрел на отца, не желал. Он пытался сдержаться, и с ужасом ощущал, что тонет в пучине отчаяния.

Дьявол бросил взгляд на сына и понял, что отвечать не требуется. Глаза его переместились на Туманова.

– У тебя будет какое-нибудь предложение по поводу того, как нам разделить стаю?

– Для начала я хотел бы знать, с кем имею дело.

– То есть? – не понял мужчина.

– Могу я попросить тех, кто не желает работать со мной, но желает работать с Никитой, отойти в сторону и встать с рядом с Никитой?

– Да, конечно.

Главы Общества и стаи одновременно посмотрели на волков и волчиц. Те поняли команду. Волки стали выходить из общего строя и становиться рядом с Никитой. Там были «новички» – Серёжа и Валера, естественно, были Жора и Эдик; за ними подошли к Никите Данил и Антон, Гена и Виталя. Многие решили, что это всё, но, чуть помедлив, из общего строя вышла Виолетта.

Толпа потрясённо ахнула. Летта ещё больше сжалась от реакции чертей, но всё же приблизилась к группе Никиты и встала рядом с Данилом. Тот ей улыбнулся и, чтобы подбодрить, обнял за плечо.

Все в ужасе смотрели на волчицу, а потому не заметили, как зажмурился на мгновение Андрей. Он знал, зачем она это сделала, понимал. И Ангела это поняла: Виолетта хотела перестать быть его подчинённой, чтобы иметь право на его любовь.

Туманов с мукой посмотрел на кареглазую девушку и сокрушённо покачал головой, словно хотел ей сказать, что теперь роман между ними тем более невозможен. Лица вскоре догадалась, что именно это он и хотел ей сказать: он не имел права подвергать её опасности, а Никите и его приятелям могла не понравиться их связь. Его враги могли отыграться

на ней, если она будет иметь к нему хоть какое-то отношение. Сама того не сознавая, Летта стала от него ещё дальше чем прежде.

Нестерова и многие другие ведьмы подумали, что уж теперь точно всё, но Волк словно ждал чего-то. И дождался: из толпы вышел тридцатисемилетний волк по имени Вадим. Анжелика, Оля, Кира и ещё несколько молодых ведьм, стоявших рядом, удивились, но не удивился никто из волков, которым было за тридцать. На их лицах было написано понимание. То же понимание отражалось на лицах Андрея и Миши.

Ангела повернулась к Ольге:

– А Вадим-то почему?

Зеленоглазая ведьма пожала плечами: её тоже интересовал ответ на этот вопрос. Давняя подруга Нестеровой по имени Ира придвинулась к ним поближе.

– В своё время Вадим должен был стать следующим вожаком стаи, – зашептала Ирина. – Все думали, что он им будет, и сам Вадим на это рассчитывал, но Олег выбрал Андрея. Так что дело в неудовлетворённых амбициях, девочки. И, кстати, поначалу Вадим доставал Андрея, проблемы ему создавал: сам подчиняться не хотел и других на это подбивал. Нервы он Андрею попортил, но все остальные волки потом успокоились, смирились и полюбили Андрея, а Вадим, видимо, нет.

Ведьмы обменялись понимающими взглядами и снова по-

вернулись к «трону» Дьявола.

– Всё? – спросил вожак, обращаясь к оставшимся стоять за ним волкам. – Или кто-то ещё хочет?

Те твёрдо помотали головами: их решение было окончательным.

– Дальше что? – осведомился Владимир Петрович.

– Если вы позволите, я бы хотел переговорить со своими подчинёнными: мне нужно знать их мнение по поводу того предложения, что у меня есть. Мы выйдем ненадолго?

– Хорошо.

– Благодарю.

Туманов стремительно пересёк зал и открыл дверь, кивком головы призывая волков и волчиц покинуть помещение. Члены стаи подчинились. Последним из летнего зала вышел Волк и закрыл за собой дверь.

Ведьмы сначала зашумели, но скоро опомнились и замолчали: Дьявол-то был тут. До того, как волки вышли, Лику мелко трясло изнутри, теперь же всё её тело крупно дрожало. Наконец, происходящее дошло до её сознания со всей ясностью. Это была не шутка и не сон: её любимую стаю вот-вот разорвут на части. Девушке показалось, что и её сейчас разорвёт. Она никак не могла охватить мозгом эту мысль, что стаи как таковой с минуты на минуту не станет, что всё будет иначе. Она с трудом верила в происходящее.

Глаза у Анжелики наполнились слезами, которым она не позволяла пролиться, которые из последних сил сдержи-

вала. Оля и Кира её состояние заметили.

– Ангела, не вздумай плакать, – прошептала блондинке на ухо Ольга. – Он на тебя смотрит.

«Он» означало Дьявол. Нестерова выпрямилась и подняла голову выше, не желая выглядеть побеждённой. Теперь она почувствовала на себе взгляд Владимира Петровича, но смотреть в ответ на него не могла: в глазах по-прежнему стояли слёзы, которые выдавали её душевное состояние полностью.

Дверь в зал распахнулась. Волки прошли на свои места. Андрей встал впереди волков.

– И каково твоё предложение? – осведомился Чернов-старший.

Вожак стаи твёрдо посмотрел ему в глаза. Голос его тоже был твёрдый.

– Я могу... – на мгновение его взгляд метнулся к Лике, – ... отдать Никите и его подчинённым первый участок.

Кое у кого из ведьм с губ сорвался потрясённый возглас. Это были те, кто о видении Ангелы слышал. У самой же Ангелы по щекам потекли слёзы. С мукой во взгляде она, не отрываясь, глядела на Волка.

– Только при условии, что вы на нашу часть леса заходить не будете, – сказал Никита, подумав.

– Прекрасно. Тогда в ответ прошу вас не заходить на нашу часть.

– Идёт.

– Но учти: с настоящими волками и лесником ты будешь общаться через меня. Если такая необходимость возникнет, но я думаю, что это вряд ли.

– Вот и договорились, – заметил Дьявол. – Итак, Андрей, твои подчинённые дежурят до семи часов понедельника, а затем ты распределяешь своих волков уже по семи участкам. Никита же занимается своим участком.

– Хорошо, – согласился Туманов и посмотрел на Никиту. – Смотрите не опоздайте, а то ваш участок останется без присмотра.

– Это уже наше дело.

– Ошибаешься: тогда это станет делом Группы внутреннего порядка.

Невольно взгляды многих обратились на Виктора, и только теперь все заметили, с каким холодным отвращением смуглолицый мужчина смотрит на Никиту. Когда он почувствовал, что все на него глазеют, тут же прекратил глядеть на новоиспечённого начальника и отвернулся.

– У твоих волков, Андрей, есть сорок минут, чтобы вернуться на свои посты, – сообщил Владимир Петрович. – Через сорок минут я свою защиту с леса снимаю.

Вожак стаи кивнул.

– Собрание окончено, – объявил мужчина. – Всем всего доброго.

Члены Общества стали покидать летний зал. На этот раз волки, дежурившие в лесу, вышли первыми, чтобы успеть

вернуться на свои места за отведённые им 40 минут. Ведьмы замешкались, поэтому члены стаи ушли из зала вперёд: им всем хотелось уйти из этого зала как можно быстрее. Кира и Ольга поволокли Анжелику из помещения. Сама она едва осознавала, что происходит. Слёзы больше не текли по её лицу, но в голове образовалась пустота.

Черти выходили из зала в полнейшем молчании. Ведьмы переживали за своих мужей, парней, друзей и не знали, как им помочь. Все с трудом верили в то, что единой стаи больше не существует.

Оля, Кира и Лика нашли комнату, в которой находились вожак и большая часть его подчинённых. Здесь же было несколько ведьм, стоявших рядом со своими мужьями. Многие смотрели на Андрея.

– Вы уж простите меня, – тихо сказал он волкам.

– За что?! – удивились те.

Насыщенно-карие глаза смело поглядели на всех.

– Просто Владимир Петрович мстит мне. Иначе бы этого не было.

– И мне, – громко произнесла Ангела.

Все изумлённо оглянулись на неё.

– А нам? – хором спросили Миша, Федя и Лёва.

– Нет, – спокойно ответил Волк. – Это мы вас втянули.

Вы ни при чём, и Владимир Петрович это понимает. Месть имеет отношение только к нам с Ликой.

– За что? – воскликнула Оля. – За что вам мстить? Ничего

не понимаю. Кто, кого и во что втянул?

– Мы не можем сказать, Оля, – объяснил Курганов. – Да и теперь это уже не имеет значения.

– Почему не можете? – поинтересовался Лёня.

– Потому что не можем и всё.

– А в чём дело? – осведомился волк по имени Саша. – Что вы не так сделали?

– Мы просто узнали чужую тайну, – пояснила Нестерова. – Нечаянно. А потом посмели заикнуться об этом... По моему мнению, ничего такого уж плохого мы не сделали.

– Тогда извиняться здесь не за что, – сказал Стёпа.

– Верно, – поддержала его Ася. – И вообще-то так даже лучше. Тебе же легче, Андрей: не придётся больше следить за этими ленивыми тупоголовыми ублюдками.

– Не лучше, Ася, – возразил тихо вожак стаи. – Тёмный лес здесь ни при чём. Все наши конфликты его не касаются. Он – один, а мы разрываем его не части. И вот этим самым ленивым ублюдкам мы доверяем целый участок!

– Но ты ведь не просто так отдал им именно первый участок? – поинтересовалась Кира.

– Нет, не просто так. Первый участок прилегает к городу, там меньше леса. И вековых деревьев там нет, только молодняк.

– Вот и прекрасно, – подытожила Оксана. – Молодняк не жалко.

– Жалко, Оксана. Эти деревья тоже имеют право однажды

стать вековыми. И настоящей границы между участками нет, а потому, если загорится у них, то легко перекинется и к нам.

– Не загорится, – твёрдо сказала Анжелика. – Мы, ведьмы, этого не допустим. Тёмный лес не сгорит. Никогда.

Волки с благодарностью посмотрели на девушку. Туманов ей слабо улыбнулся.

Постепенно все стали расходиться. Последними распрощались и вышли Оксана и её муж по имени Женя. Остались только самые близкие друзья. Все молчали.

– Погулять по лесу сегодня обязательно нужно, – заметил Федя. – Хоть напоследок по первому участку пройти.

– Да, надо, – согласился Лёва. – Но только не сейчас. Давайте уже после обеда.

– Давайте, – вздохнули все остальные, принимая предложение.

Медленно и как-то печально волки и ведьмы стали покидать комнату. Федя и Оля ушли, крепко взявшись за руки, Миша и Лев за ними, после – Лёня, Рома, Игорь, Петя, Ярослав и Кира. Ангела и Волк остались вдвоём. Их глаза встретились.

– Не могу в это поверить, – прошептала ведьма, приближаясь к другу. – Не могу поверить, что это действительно происходит с нами. Мне жаль. Мне так жаль, Волк...

Она обняла его, желая утешить, но вдруг сама расплакалась. Андрей обнял её, осторожно поглаживая по спине. Девушка тихонько рыдала, крепко прижавшись к нему. Её ру-

ки тоже гладили его по спине и немного – по кудрявым волосам. Долго они стояли, обнявшись, и молчали.

Спустя несколько минут Анжелика почти справилась с собой и отстранилась.

– Прости, – сказала она, всхлипнув. – Утешитель из меня никакой.

Он ласково улыбнулся.

– А мне и не требуется утешение: я не такой впечатлительный, как ты. Всё не так уж и плохо.

– Неправда! Это было отвратительно... всё, что он говорил тебе... Я в какой-то момент подумала, что ты возьмёшь и откажешься от должности в пользу Никиты.

– Я бы, может, и отказался, но только не в его пользу. Хотя... нет, наверное, нет. Это свинство: я уже согласился на эту должность и должен довести дело до конца, хочется мне того или нет.

– Что же теперь будет? – тихо спросила Нестерова.

– Не знаю. Наверное, всё будет почти так же, как и прежде. Мы скоро привыкнем.

– Привыкнем?

– Да, Ли́ка, ко всему можно привыкнуть. И мы привыкнем – куда мы денемся?

Ведьма присмотрелась к другу повнимательнее.

– Может, ты и прав. Но тебя что-то мучает. Что?

Туманов опустил голову.

– Тебе стыдно, – поняла вдруг она. – Но из-за чего? Ты

можешь собой гордиться! Ты потрясающе держался! И Владимир Петрович не сможет считать себя победителем! Я тобой горжусь.

Он улыбнулся слегка.

– Спасибо, подруга.

– Волк, в чём дело?

Насыщенно-карие глаза посмотрели на блондинку неуверенно.

– Мне перед Тёмным лесом стыдно, – пояснил Волк негромко. – Я не знаю, правильно ли я поступил. Может, существует какое-нибудь лучшее решение? Мне казалось, что ничего другого предложить нельзя. А вдруг я ошибся? Вдруг было более правильное решение, а я его не увидел, упустил?

– Нет. Ты всё сделал правильно. Ничего другого ты не мог им предложить.

– Думаешь?

– Да, не сомневаюсь. И перед Тёмным лесом тебе нечего стыдиться: ты ни в чём не виноват. Если кого и можно обвинять в чём-то, то Владимира Петровича, а не тебя. И вообще: Тёмный лес тебя обожает!

– С чего ты это взяла?

– Я это знаю, – твёрдо сказала Лика.

Она не лгала: она была в этом твёрдо уверена. Она чувствовала любовь леса к Волку, и он сам не раз говорил ей об этом. Тёмный лес был благодарен вожаку за заботу.

Девушка вздохнула и несмело подняла на друга глаза:

– Прости меня, Волк.

– За что?! – опешил он.

Она замялась. Против воли слёзы вновь навернулись ей на глаза. Голос её дрожал, когда она заговорила.

– Если бы я не сказала, что нужно спросить разрешения у Владимира Петровича... если бы мы не пошли к нему... Прости меня! Я не думала, что всё так кончится!..

– Лика...

– Не надо было идти к нему! – вскричала Ангела. – Не надо было спрашивать ничего у Макса!.. Зачем я спросила?!.. Это я, всё я!.. Прости, Волк...

– Лика! – оборвал Андрей подругу, прижав к себе её содрогающееся от рыданий тело. – Прекрати. Хватит. Что за глупости ты несёшь? При чём здесь всё это? Какая теперь разница, кто, что и кому сказал? – Его руки ласково гладили её по голове. – Всё, успокойся. Давай не будем искать виноватых, о'кей? В этом нет никакого проку. И я уже говорил тебе: ты была права. Мы правильно сделали, что пошли к Дьяволу, иначе было бы хуже.

– Но я спросила у Макса...

– Правильно, что спросила! Мы давно должны были спросить. Рано или поздно это всё равно бы вылезло. Так какая разница сейчас или потом? Никто ни в чём не виноват. Вышло так, как вышло.

Туманов посмотрел с нежностью на ведьму и мягко рассмеялся. Его рука легла на её щёку и изгиб шеи, поворачи-

вая её лицо к нему.

– Ну зачем ты пытаешься сделать себя виноватой? – со смехом воскликнул он.

А её вдруг снова словно ударило током. Из-за этой его тёплой ладони. Всё началось по новой: она опять чувствовала его запах, чувствовала тепло, исходящее от его тела. Она ощущала на себе его ласковый взгляд, видела его улыбку. Ей захотелось накрыть его руку своей и покрепче прижаться к ней. Ещё захотелось повернуть лицо и поцеловать эту большую шершавую ладонь. А, может, просто уткнуться в неё носом...

Все эти мысли и желания промелькнули в голове Анжелики, и она резко опустила глаза, чтобы друг ничего не понял. На её щеках появился румянец. Девушка уткнулась лицом в плечо Андрея на пару секунд, а потом быстро отстранилась, справившись с собой.

– Поедешь обедать домой? – торопливо спросила ведьма, не глядя на мужчину.

– Да. И ты со мной. Или, если хочешь, завезу тебя на квартиру, а сам поеду к себе.

– Нет, – она отрицательно помотала головой, – обедать будешь у меня. Завтракали у тебя, значит обедать будем у меня. Так будет справедливо.

– Лика... – рассмеялся он.

– Мне проще приготовить, чем тебе, – добавила Нестерова. – И у меня всегда больше свободного времени. Уговори-

ла?

– Уговорила, – усмехнулся Волк. – Тем более я обожаю твою стряпню.

Они поехали к ней домой и там пообедали борщом. Во время трапезы девушка внимательно смотрела на друга. Он был задумчив, но не печален и не мрачен. По лицу было видно, что он просто обдумывает те проблемы, которые встали перед ним в связи с изменениями. Он думал о проблемах, а она – о нём и тех странностях, что происходят с ней.

Лика чувствовала, что в душе её что-то творится, но что именно она пока не совсем понимала. Ей было страшно от тех мыслей, что приходили на ум, от тех желаний, что возникали. Ей было стыдно перед другом, хотя он и не ведал о том, что происходило в её душе.

Девушка смотрела на Волка, ей было приятно смотреть на него, и она не могла не смотреть. Она не могла ничего с собой поделать.

Смешно, но ей нравилось, как он ест. Ей нравилось, и она любовалась тем, как он это делает. Он не чавкал, не сопел, не причмокивал, но и не держался напыщенно. Андрей просто и спокойно ел, не издавая лишних звуков и не изображая из себя аристократа. Он держался с достоинством, как делал это всегда.

Мужчина ел с аппетитом, а потому не было ничего странного в том, что Ангеле нравилось на него смотреть: когда кто-то хорошо ест, на это всегда приятно посмотреть. К то-

му же, он не отказался от добавки, что ещё больше порадовало ведьму как хозяйку. Правда, при этом он немного смутился, как будто в том, что он ест больше неё, есть что-то постыдное.

Девушка смотрела, как друг уплетает вторую порцию, и думала о том, как много энергии он всегда тратит. Ей думалось о его тяжёлой работе кузнеца, о каждодневных пробежках по Тёмному лесу и о том, что он всегда бодрый, несмотря ни на что. В нём словно был неиссякаемый источник энергии.

Он сам был полон энергии и других заражал ею. Рядом с ним хотелось двигаться вперёд, развиваться и просто жить. А Анжелика ещё и чувствовала себя защищённой. Прежде она ощущала себя защищённой рядом с мамой, а потом это ощущение потеряла вместе с ней, но вновь обрела его, когда стала дружить с Волком. Для девушки Андрей был, как каменная стена, за которой можно было укрыться от всех бед, и она часто укрывалась. А он, похоже, не был против.

Сегодня беда случилась в первую очередь у него, а он не просил никого о помощи и даже словно не нуждался в ней. Пожалуй, его спасал оптимизм.

– Жаль, что мы не разгадали моё видение раньше, – тихо сказала Лика.

– А если бы и разгадали, то что? – спросил вожак стаи. – Что случилось бы? Мы ничего бы не смогли ни изменить, ни предотвратить. Нет смысла даже думать об этом.

– Наверное, ты прав, – вздохнула она.

Через полчаса Ангела, Волк и все их друзья были уже в Тёмном лесу. Первоначальный шок прошёл, и теперь они злились. Злились на Владимира Петровича, на Никиту, на всех его приятелей. Они были обижены за жоака, за те претензии, которые ему предъявили, гордились им и твёрдо стояли на его стороне.

Когда черти вступили на первый участок, ими овладела грусть. Они с тоской смотрели на эти знакомые до боли деревья, кустики, тропинки и мысленно прощались с ними, но в душе надеялись, что всё это ненадолго. И молили об этом Бога и Венеру.

Друзья почти не разговаривали и только впитывали эти картины, чтобы сохранить их в своей памяти. Анжелика шла вместе со всеми, испытывала те же чувства, что и они, но помимо прочих было ещё одно чувство, которое испытывала она одна – страх. Это был страх перед Дьяволом.

Девушка начала понимать, насколько не ограничена власть главы Общества. Она осознавала теперь, что он может сделать всё, что ни пожелает, и что никто не сможет ему в этом помешать. Он имеет абсолютную власть над всеми и всем. И никакие Законы, никакая Группа внутреннего порядка не смогут его остановить. Никто его не контролирует.

Правда, она, Ангела, Дьявола сильнее. Но от этого ведьме становилось ещё страшнее. Её огромная сила есть и огромная ответственность. Теперь она осознавала это в полной

мере. И при этом понимала, что не знает, как остановить Владимира Петровича при необходимости. Понимала, что, несмотря ни на что, не сможет причинить ему вред.

Вдыхая морозный ноябрьский воздух полной грудью, Нестерова засунула руки в карманы куртки и повернулась к друзьям, остановившись у молодой осины. На лицах ведьм и волков была написана грусть. Чтобы отвлечь их от переживаний, она спросила про Вадима.

Члены Общества стали делиться мнениями обо всех ушедших. Как оказалось, никто из присутствующих волков Вадима не любил и о его уходе не сожалел. Расставание со многими членами стаи сожаления не вызывало, но Ярослав заметил, что не думал, что из стаи уйдёт Данил. Туманов признался, что никакого конкретного мнения – плохого или хорошего – о Даниле у него так и не сложилось.

Ангелу это удивило: сама она парня не любила и твёрдо относилась к числу плохих. Сомнения Волка на его счёт её изумляли, но не изумляли слова Ярослава: девушка часто видела, как Данил и Ярослав хорошо и по-дружески разговаривали. И понимала, что Ярослав испытывает к Данилу дружескую симпатию, хотя это и вызывало у неё недоумение.

Скоро беседа перешла на Виолетту. Её уходом были шокированы все без исключения. Никто не понимал мотивов, которыми волчица руководствовалась при принятии этого решения. Но о них догадывались и Лика, и Андрей, и Федя, однако вслух ничего не произнесли. Туманов только при-

знался, когда его спросили, что боится за Летту.

Через пару часов друзья покинули первый участок и Тёмный лес. Ангела, уходя, обернулась и бросила на первый участок прощальный взгляд. И в тишине ей померещился тяжёлый вздох, прокатившийся по лесу.

Глава 8

Стая начала функционировать в новом ритме. На первый взгляд всё было так же, как прежде, но проблема состояла в том, что никто из волков основной стаи не знал, что творится на первом участке. Правда, там всё-таки кто-то дежурил, и это всех успокаивало.

На следующих выходных после тех, когда стая была разделена, Анжелика не увиделась с друзьями совсем: в субботу – работала в библиотеке, а в воскресенье – была у Нестеровых.

Не было никакой вечеринки, никакого праздника, но в доме Нестеровых всё равно находилось множество гостей. Одни гости приходили, другие уходили – в этом доме не было покоя и тишины. Одним из постоянных гостей здесь был Станислав Сергеевич, и сегодня он как раз присутствовал. Блондинка и была рада видеть Горлова, и не была, и никак не могла определиться, чего же испытывает в его присутствии больше.

Она не совсем понимала, что делает в этом доме и зачем вообще пришла. Отец позвал – она явилась. К концу визита ведьма пришла к выводу, что отец просто хотел её видеть и ничего больше.

Николай спрашивал её о работе, о том, как она живёт, всего ли ей хватает – в общем, интересовался ею. Ангеле это

было приятно, и она даже почувствовала, что соскучилась по отцу. Девушка полюбопытствовала в ответ, всё ли хорошо у него, и внимательно его выслушала. У неё создалось ощущение, что никому в этом доме нет никакого дела ни до него, ни до его проблем. Ему словно не с кем было поговорить.

Отец и дочь проговорили пару часов, пообнимали друг друга и, в конце концов, оба остались довольны встречей. Впечатление от посещения Нестеровых у Лики осталось хорошее, но был один эпизод, который отчего-то запал ей в голову. Это была глупость, мелочь, но она не выходила у девушки из головы несколько дней.

Дело было в следующем: один из отпрысков бизнесменов города Сибирска, присутствовавший в доме Нестеровых, называл Кристину красоткой. Он сделал ей несколько комплиментов по поводу её внешнего вида, когда она спустилась, принарядившись, чтобы куда-то ехать. В тот момент Ангелика поняла, что её никто и никогда в жизни не называл красоткой, и вдруг засомневалась в том, красива ли она, хотя ей не раз об этом говорили друзья.

Девушка пришла домой и стала разглядывать себя в зеркале. Она и так, и сяк на себя смотрела, но никак не могла решить, нравится ли себе. То ей казалось, что внешне она вполне ничего себе, то внезапно начинала сомневаться в этом, бросалась к зеркалу и делала вывод, что нехороша. Её стал мучить вопрос: как видят её мужчины? Нравится ли она им? Привлекает ли?

В пятницу вечером в резиденции Дьявола Ангела неожиданно снова начала сомневаться – а утром она решила, что всё-таки недурна – и подошла к зеркалу. Она склонила голову набок и принялась себя рассматривать. Ведьма настолько глубоко задумалась, что совсем забыла, где находится.

– Что ты там пытаешься увидеть? – вырвал её из раздумий голос Волка.

Лица резко повернула голову и посмотрела на него. Мужчина сидел и удивлённо на неё глядел. Он был одет в чёрные брюки и сиреневую рубашку в тонкую полоску того же цвета, но на тон темнее. Руки его были скрещены на груди, а губы чуть изогнула улыбка.

В комнате они были вдвоём: все остальные куда-то разбежались. Андрей же ждал Алексея, к которому у него был разговор по работе. Подъехать сын Дьявола должен был с минуты на минуту.

Девушка вздохнула и опять поглядела на себя в зеркало.

– Волк, скажи мне честно... – Она повернулась к нему и твёрдо спросила: – Я – красива?

Туманов поперхнулся от удивления, рассмеялся, но спустя несколько мгновений всё-таки ответил, посмеиваясь:

– Да!

– Нет, Волк, не как друг! – вскричала ведьма с досадой. – Как мужчина! Посмотри на меня, как мужчина!.. Я – красива? Не бойся меня обидеть: я хочу получить честный ответ.

– Красива. Конечно, красива, Лица! Какие тут могут быть

сомнения?

– А ты уверен?

– В чём?

– В том, что я красива.

– Я говорю тебе своё субъективное мнение: здесь не может быть точного ответа. Это дело вкуса, подруга.

– Но ты уверен, что действительно так считаешь? – допытывалась Нестерова. – Может, ты просто привык ко мне и уже не замечаешь моего уродства?

Вожак стаи расхохотался.

– Я уверен, что считаю тебя красивой, – сообщил он с улыбкой. – Теперь твоя душа спокойна?

– Относительно, – вздохнула девушка.

– Отчего тебя вдруг взволновал этот вопрос?

Она неуверенно посмотрела на друга, но всё-таки рассказала всё, чуть поколебавшись. Она перечислила ему все комплименты, которые парень сделал Кристине, опустив лишь слово «красотка».

– Хм. – Андрей улыбнулся. – Я догадываюсь, с какой целью он ей это говорил.

– В надежде, что тогда она охотнее с ним переспит? – предположила Ангела.

Мужчина удивился.

– Да, – растерянно подтвердил он. – Откуда знаешь?

– То есть ты тоже считаешь, что по Кристине видно, что она переспит с любым?

– Пожалуй. А кто ещё так считает?

– Макс. Он так сказал мне, когда был у отца на дне рождения.

– Я с ним согласен. Своим поведением она демонстрирует свою суть.

– А я?

– Ты тоже демонстрируешь, но на твою суть приятно посмотреть.

Ведьма слегка покраснела и улыбнулась.

– Спасибо, Волк.

– Пожалуйста, – мягко улыбнулся Туманов. – Но почему тебя вдруг забеспокоило, красива ты или нет? Почему тебя это так волнует?

– Не знаю.

– Должна быть какая-то причина.

Что-то кольнуло Анжелику внутри. Она знала причину, но даже себе о ней не говорила.

– Я просто засомневалась в своих... достоинствах. Внешних. – Она дёрнула плечом от неловкости. – Разве это не естественно, когда хочется быть красивой?

– Не знаю. Наверное, естественно. А сама ты себя считаешь красивой?

– Ещё не решила. Но моё мнение здесь имеет малую цену.

– Почему? – удивился Волк. – Кому тебе ещё нужно нравиться, как не себе?

– Окружающим. В частности, мужчинам.

Мужчина рассмеялся.

– Отчего ты смеёшься? – набросилась на него Лика. – Что ты такого сказала? Да, мне хочется нравиться мужчинам. Что тут такого? Все хотят нравиться представителям противоположного пола. Разве нет? Неужели же тебе не хочется нравиться женщинам?

– Нет.

Девушка с сомнением подняла бровь.

– Врёшь. Так не бывает.

– Нет! – повторил вожак стаи. – Мне не нужно нравиться всем женщинам... – Он запнулся и после короткой задержки закончил фразу: – ... достаточно нравиться лишь одной.

Ангела встрепелась. По его лицу было видно, что он нечаянно проболтался, сказал то, что говорить вслух не собирался.

– Одной? – переспросила она. – Какой? Ведь она существует? – Андрей смутился. – Она существует! Кто она? Волк, ты влюбился?

– Да, пожалуй. То есть... абсолютно точно.

– Ты влюбился! – в восторге вскричала ведьма. – Пове- рить не могу! Это... это... это прекрасно! Я рада за тебя.

Она и вправду была счастлива. Она помнила, как он всегда мечтал жениться, а для этого нужно было влюбиться. И это свершилось. Анжелика понимала, что реже будет вид- еться с другом, когда у него появится девушка, но не могла жалеть об этом, зная, как друг будет счастлив.

В душе у девушки потеплело. Она чувствовала себя так хорошо, словно влюбилась сама. По её лицу расплзлась широкая улыбка.

– Кто она? – спросила Нестерова. – Волк, скажи, кто она! Скажи, пожалуйста! Мне так интересно...

Она даже подпрыгивала от нетерпения, любопытства и восторга. Расширенные её глаза уставились на мужчину. Тот расхохотался.

– Волк! – с весёлым упрёком воскликнула Лика. – Ну, скажи. Я же умру от любопытства, если не узнаю! И мне так интересно, какая девушка умудрилась привлечь твоё внимание... Но кто бы она ни была, она тебя недостойна – говорю сразу.

Туманов снова рассмеялся.

– Я так не считаю, – с улыбкой возразил он.

– Конечно, не считаешь. Ты не можешь оценить объект своей симпатии беспристрастно. Но я могу. Скажи, кто она. Пожалуйста!

– Ладно.

Посмеиваясь, Волк встал с дивана, приблизился к девушке вплотную и с широкой улыбкой сказал ей прямо в лицо:

– Не твоё дело.

Она ахнула от удивления и возмущения. Размахнувшись, Ангела хотела шутливо ударить его, но он увернулся и, рассмеявшись, пулей вылетел из комнаты. Ведьма выскочила вслед за ним, тоже смеясь.

На мгновение она растерялась: коридор был пуст, и из него вело множество дверей в разные комнаты. Но интуиция подсказала ей, в которую из них войти.

Андрей говорил Лёве что-то на ухо, глядя на вход. Анжелика подозрительно прищурилась, когда поймала его взгляд. Он же отвернулся, скрывая улыбку.

– Конечно, ты красива, Ангела! – воскликнул Курганов. – Естественно! Ты у нас самая красивая. Правда, ребята?

Девушка стояла и растерянно смотрела на него, густо покраснев.

– Да, ты у нас – красавица, – поддержал друга Федя.

– На тебя мужики постоянно пялятся, – заметил Миша. – Особенно на пляже. Не пристают только потому, что нас побаиваются.

– Ты – настоящая красотка, Ангела, – вставил Лёня. – Здесь не может быть никаких вопросов.

– А уж когда ты наденешь свой чёрный кожаный костюмчик... – протянул Лев с хитрой улыбкой, – ... то прямо-таки «секси»!

Все расхохотались. Нестерова, красная от смущения, с улыбкой сказала, просмеявшись:

– Спасибо, мальчики. – Её взгляд переместился на водителя. – Ты – сволочь, Волк!

– Отчего? – сделав невинное лицо, спросил мужчина. – Разве тебе не нужен был точный ответ? Теперь у тебя есть мнение ещё четырёх представителей противоположного по-

ла. Можешь смело делать выводы.

– Спасибо за совет. Обязательно сделаю. Но ты отвлёкся от темы: мы говорили о тебе. Ты так и не ответил на мой вопрос.

– Неправда, – улыбнулся он. – Я ответил.

– «Не твоё дело» – это неправильный ответ! – недовольно сказала Ангела, но против воли ей хотелось улыбаться.

– А о чём это? – поинтересовался Бархатов.

– Волк влюбился, а в кого – не говорит.

Она скрестила руки на груди и с вызовом подняла бровь. Волки удивлённо посмотрели на своего вожака. Тот широко улыбнулся и весело шевельнул бровью. Глядя на Лёву и чуть к нему наклонившись, он шёпотом пояснил:

– У меня не было выбора: иначе бы она решила, что я – гей.

Мужчины рассмеялись. Ведьма улыбнулась над тем, как невозмутимо и ловко он вывернулся. В комнату заглянул Лёша.

– Всем «привет»! Мама Вера сказала, что меня кто-то искал.

– Да, я тебя искал, – ответил Андрей и двинулся к нему.

Остальные волки тоже стали вставать со своих мест. Всё вокруг пришло в движение. Среди этой суматохи Лика остановила Туманова, взяв за руку повыше локтя.

– Так я не поняла: ты влюбился или нет? – тихо осведомилась она.

Волк улыбнулся и, ничего не ответив, вывернулся. Его тихий смех достиг ушей ведьмы. Она задумчиво нахмурилась. Ей было непонятно, кому он сказал правду: ей или волкам. И никогда она не видела, чтобы он так вилял при ответе на вопрос! Это вызывало удивление и недоумение.

Ангела посмотрела на свои руки. Одна из них словно горела. Этой самой рукой она прикасалась к Андрею, как припомнила девушка через несколько мгновений.

«Что со мной?», – спросила она себя.

Но ответа у неё не было, а рука продолжала пылать. Щеки у ведьмы покраснели. Словно издеваясь над ней, сознание подкинуло воспоминание о том, какие твёрдые мышцы у Волка на руках. Она ощутила это, пока держалась за его бицепсы.

Анжелика обхватила голову руками.

«Господи, что происходит? – воскликнула она мысленно. – Я ничего не понимаю. Не понимаю...».

* * *

На следующий день так вышло, что совместной прогулки у друзей не получилось. Лёва дежурил в лесу, у Феди и Оли были свои планы, Миша же готовился к ужину с Ксюшей, который устраивал у себя дома. Андрей, как обычно, работал, но в обеденный перерыв собирался посетить Тёмный лес и проверить волков. Лика вызвалась подвезти его туда: ехать одной в лес не хотелось, а поехать очень даже требовалось.

Все мысли в голове у девушки перепутались. Она никак не могла разобраться в себе, в своих чувствах и отправлялась в Тёмный лес в надежде, что природа и свежий воздух помогут ей всё прояснить.

Ангела подъехала к цеху около половины первого. Через пару минут она увидела, как Волк вышел из сооружения и направился к её машине. Сердце у ведьмы забилося чаще, и унять его никак не получалось. Дыхание сбилось, и внутри воцарилось волнение. Голова начала немного кружиться.

Как загипнотизированная Анжелика глядела на то, как стремительно Андрей приближается. Где-то на задворках сознания появилась мысль о том, что ей нравится его уверенная походка. И его высокая фигура.

Дверь распахнулась, и в «БМВ» влез Туманов. Одет он был в осеннюю куртку.

– Привет, подруга! – поздоровался он с улыбкой.

– Привет.

Губы её несмело улыбнулись. Смутившись от его взгляда, девушка чуть порозовела и поспешно отвела глаза, одновременно с этим поворачивая ключ зажигания. Автомобиль мягко тронулся с места.

– Мы торопимся или можно ехать нормально? – спросила Нестерова, чтобы скрыть своё состояние.

– Можешь ехать так, как тебе хочется: я не тороплюсь.

– Не боишься опоздать с обеда?

– Нет. Вечером задержусь ровно на столько, на сколько

опоздаю с обеда. Я всё отработаю – не беспокойся.

– Об этом я как раз не беспокоюсь. А ты уже обедал?

– Нет, пообедаю, когда вернусь.

– Значит, ты – голодный?

– Не настолько, чтобы думать только о еде, – усмехнулся вожак стаи.

Лица улыбнулась, глядя на дорогу. На своего пассажира она старалась не смотреть. Душа её была в смятении.

Ведьма думала, что если не будет на Волка смотреть, то волнение пройдёт, но ошиблась: оно не проходило. Она слишком остро ощущала его присутствие, его близость и ощущала не физически, а духовно. Так бывает, когда находишься с кем-то наедине в одной комнате. Ты можешь даже не знать этого человека или нечеловека, но чувствовать, как его душа соприкасается с твоей и словно вторгается в неё. Это может раздражать, когда человек незнаком или враждебно настроен, а может и быть приятным, когда к нему хорошо относишься. И Ангеле было приятно, что его душа так близко, что она прикасается к её душе. Они были вдвоём в этой машине, и их души просто не могли не соприкасаться.

Ещё Анжелика ощущала взгляд Андрея, который скользил по её лицу, волосам, рукам, держащимся за руль. Он редко смотрел в окно – всё больше на неё, и её это и радовало, и смущало. Она слышала его голос – он говорил ей что-то – и чувствовала, как по спине бегают мурашки. Но теперь дело было не в страхе – ей нравился его голос, он волновал её.

От этого необычного голоса всё внутри у девушки вибрировало. Больше не было ей покоя рядом с вожаком стаи.

Ей следовало огорчаться, наверное, но огорчения Ангела как раз не испытывала. Она была рада тому, что он здесь, с ней. Эти насыщенно-карие глаза смотрели на неё, эти губы улыбались ей, и она ощущала себя... счастливой. Лица чувствовала внутри лёгкость, невесомость. И её душа как будто увеличилась в размерах, стала шире.

Окружающий мир теперь ей казался особенно добрым и уютным, светлым. Она улыбалась невольно, будучи не в силах сдержать свою радость, свою любовь к этому миру.

Они подъехали к Тёмному лесу, остановились. Андрей отправился проверять волков, а Ангела, выйдя из «БМВ» и накинув на голову капюшон шубки, стала бродить между деревьями. Волк ушёл, но с его уходом это странное состояние не исчезло. Ведьма по-прежнему улыбалась, чувствовала себя счастливой. Ей было жарко, и она прислонилась пылающим лбом к холодному стволу высокой сосны. Её распирало изнутри от этого необычного, непонятного счастья, и отчего-то она рассмеялась. А потом покачала головой, удивляясь самой себе, и пошла дальше.

Снег, лежащий на земле плотным слоем, скрипел под ногами. Ноябрьский воздух был холодным и слегка обжигал дыхательные пути. Солнце светило ярко, но уже по-зимнему, так, как светит только в морозный день. Лица шла, улыбалась и щурилась от ослепляющего света солнца, отражаю-

щегося от чисто-белого снега.

Небо было ярко-голубым, чистым, без единого облачка. Девушка периодически погладывала на него, двигаясь по Тёмному лесу. Направлялась она к участку, где дежурил Лёва. По дороге она встретила двух волков, в которых признала членов Общества, и поздоровалась.

Через несколько минут Анжелика вступила на участок Курганова. Ей пришлось идти ещё минут пять, прежде чем среди деревьев показался четвероногий зверь, бдительно стоявший на своём посту. При её появлении его острая морда повернулась в её сторону. Он медленно и грациозно двинулся по направлению к госте.

Девушка улыбнулась, любуясь гибким хищником, приближавшимся к ней. Он подошёл. Она наклонилась, по его взгляду понимая, что погладить себя он разрешает. Её руки то скользили по короткой мягкой шерсти от головы и до конца позвоночника, то трепали голову зверя, то касались его ушей. Хвост Лёвы в обличье волка мотался из стороны в сторону, сообщая об испытываемом им удовольствии. Ангела тоже наслаждалась процессом и улыбалась, и посмеивалась.

– Ох уж мне эти ведьминские нежности! – услышали они недалеко от себя весёлый голос Андрея и обернулись.

Туманов стоял, прислонившись плечом к дереву и скрестив руки на груди. Глаза его блестели, губы улыбались. Лёва превратился в человека, вытянувшись во весь рост. Ведьма тоже выпрямилась.

– Андрюх, поверь: ты многое теряешь, лишая себя этого удовольствия, – с довольной улыбкой сказал Курганов. – Это классно, когда тебя гладят.

Вожак стаи фыркнул от смеха и, отстранившись от дерева, пошёл к ним. Лица покосилась на Льва, широко улыбаясь, и потрепала его по голове уже в обличье человека. Тот зажмурился и едва не замурлыкал, как кот. Все трое рассмеялись.

Они поговорили минут пятнадцать, прохаживаясь по участку Лёвы, после чего распрощались. Ведьма и оборотень двинулись по лесу в сторону трассы. Поначалу они оживлённо беседовали, но вскоре замолчали. Анжелика шагала рядом с другом, про себя жалея о том, что совсем позабыла о цели визита в лес и так ни в чём не разобралась. Она была в таком странном настроении, что даже ни разу не вспомнила, зачем приехала сюда, и лишь наслаждалась своим непонятным счастьем.

Теперь же память вернулась к девушке и всё потому, что рядом с ней снова был Волк. Ей было хорошо с ним и молчать, но страх шептал, что она выдаёт себя, не заводя разговор. Мысли металась в её голове, она лихорадочно искала тему для разговора. Наконец, память подкинула воспоминание о вчерашних странностях в поведении Туманова, об их разговоре, о неотвеченном вопросе, и она вцепилась в него, так как ничего другого ей не оставалось.

– И всё-таки, Волк... – неуверенно начала Ангела, – ... ты

влюблён или нет?

Он помолчал немного, продолжая идти вперёд, а потом ответил вопросом на вопрос:

– А я могу не отвечать?

– Нет, – весело улыбнулась ведьма. – Сказал «А», значит, говори и «Б».

– Допустим.

– Допустим? – поперхнулась смехом Нестерова. – Это ответ такой? И что он означает? Что ты не уверен в том, что влюблён?

– А как ты думаешь?

– Думаю, что это означает «нет».

Андрей резко остановился, повернулся к ней и, серьёзно глядя в глаза, произнёс:

– Неверно.

– То есть всё-таки влюблён? – уточнила девушка.

– Да. Именно так.

Лица твёрдо смотрела ему в глаза и молчала. Она получила, наконец, честный ответ, но чувствовала себя неприятно от того, что так долго его добивалась. Её хорошее настроение не испортилось, однако в душе появилось глухое раздражение на него за то, что он столько времени мучил её, вилял, водил за нос. И она не смогла справиться с желанием чуть-чуть его подразнить.

– Хм, – легко и немного насмешливо хмыкнула ведьма. – А я тебе не верю, – с широкой улыбкой заявила она мужчине

и пошла дальше.

Он, похоже, растерялся.

– То есть как? – воскликнул Волк, идя за ней. – Почему?

Анжелика весело пожала плечом, продолжая улыбаться, не сбавляя шагу и не останавливаясь. Она самую малость наслаждалась тем, что теперь не она наивная дура, не её водят за нос.

– Мне ты сказал, что влюблён, а ребятам – что боишься, что я посчитаю тебя геем, – пояснила Ангела. – Вот я теперь и думаю над той мыслью, которую ты сам мне подкинул.

– Над какой? – не понял Туманов.

– Что ты – гей.

– Что?! – расхохотался мужчина.

– А почему ты смеёшься? – серьёзным тоном поинтересовалась девушка. – Ведь это интересная мысль. Отчего она мне самой в голову ни разу не приходила?

– Не смейся, Лика, – отмахнулся вожак, но в его голосе еле заметно послышалась злость.

– Я серьёзно, Волк, – сказала Нестерова. Его глаза прищурились, и в этом выражении тоже проскальзывала злость, но ведьма не испугалась и не остановилась. – Ну, сам посуди: тебе двадцать девять лет, ты – молод, красив, энергичен, а у тебя уже, как минимум, три года нет женщины. И ведь больше, чем три года! У тебя и до того, как мы начали общаться, девушки не было... сколько? Полтора года? Это много, друг. Может, ты и вправду гей? Может, ты просто

этого не осознаёшь?

– Прекрати, – ровным голосом попросил он. – Это чушь.

– В этом нет ничего страшного, Волк! – воскликнула она. – Тебе нечего стыдиться. Поверь. Сейчас это воспринимают более спокойно, чем прежде. И ты ведь не виноват, что тебя тянет к мужчинам, а не к женщинам!

Андрей расхохотался. Лика хотела продолжить свою речь, но он хохотал, не останавливаясь, и хохотал довольно долго.

– Лика, я не понял! – смеясь, заговорил он. – Ты что, пытаешься убедить меня в том, что я – гей?

– Я вовсе не пытаюсь тебя ни в чём убедить, – своим мягким тоном психотерапевта ответила девушка. – Я просто пытаюсь тебе сказать, что буду продолжать с тобой дружить и дальше, даже если ты – гей. Я приму тебя любым, Волк. Ты можешь ничего не бояться. И скрывать от меня ничего не нужно.

Улыбка Туманова немного померкла, но всё же не исчезла совсем.

– Пошутили и хватит, подруга, – вполголоса сказал мужчина. – Прекрати. Мы уже достаточно подробно обсудили мою ориентацию.

– Если не хочешь говорить об этом, то больше не будем, – согласилась Анжелика, но таким тоном, словно не сомневается в том, что он – гей, и закрывает тему лишь для того, чтобы не травмировать его душу.

– Лика! – самым настоящим образом рявкнул Волк. – Я

сказал: «Хватит»! Какая муха тебя укусила?

– О чём ты? – наигранно удивилась она. – Ведь я же согласилась закрыть тему! Что тебе не нравится?

Он недовольно поджал губы. Ноздри его немного раздувались, а на щеках заиграли желваки. По всему было видно, что он едва держит себя в руках.

– Лика, я – волк, – тихим, мягким на удивление голосом произнёс Андрей. – Среди зверей, насколько мне известно, нет и никогда не было геев и лесбиянок. Это у людей случаются отклонения от нормы, но не у зверей.

– Но ты ведь не родился волком, – заметила ведьма. – Ты был человеком с рождения. Не думаю, что тебя не взяли бы в Общество только потому, что ты – нетрадиционной ориентации.

Мужчина громко, во весь голос, вздохнул с раздражением.

– Тебе что, доказательства нужны? – осведомился он.

Ангела издевательски мягко улыбнулась ему и похлопала по плечу со снисхождением.

– Это невозможно ни доказать, ни проверить. Расслабься. Просто оставим эту тему. Хорошо?

– Нет, не хорошо! – воскликнул вожак стаи. – Ты хочешь доказательств?

Она не понимала, почему не может остановиться. Он был прав, и с шуткой давно пора было завязывать, но у неё это никак не получалось. Она видела, что Волк уже давно зол, что продолжать в том же духе даже опасно: всякому терпе-

нию есть конец, но ничего не могла с собой поделать.

«Отчего я веду себя, как злобная тварь?», – спрашивала девушка себя, но словно какой-то бес подталкивал её вперёд, не давал прекратить дразнить Андрея, и она поддавалась, не в силах сопротивляться.

– Я же сказала: это невозможно доказать, – ответила Лика, отворачиваясь и идя дальше.

– Ошибаешься! – резким тоном возразил Туманов.

Ведьма обернулась.

– Ты хочешь доказательств? – повторил он опасно-тихим голосом.

Нестерова видела, что мужчина в ярости, но совсем не боялась этой ярости. Ей стало любопытно, каким образом он станет это доказывать. Мысли в голове роились, как пчёлы. Ей подумалось, что из этого может выйти интересная игра.

– А ты можешь это доказать? – с восторженной улыбкой полюбопытствовала она.

Андрей не улыбнулся в ответ. Его глаза пристально и как-то холодно глядели на неё.

– Могу, – ответил он, чуть помедлив. – Но ты уверена, что хочешь это доказательство получить?

Раздумывала Ангела всего лишь мгновение, а потом смело сказала:

– Хочу.

Она готова была рискнуть. Что-то ей подсказывало, что как только он выплеснет свою ярость, спор исчерпает себя,

а ей хотелось поскорее с этим фарсом покончить.

– О'кей, – тихо сказал Волк. – Ты получишь своё доказательство.

Ведьма открыла было рот, чтобы спросить, что они будут делать дальше, но не успела произнести и слова: в следующий миг руки мужчины с силой схватили её за плечи и дёрнули не себя. Лика ахнула от неожиданности. Автоматически она выбросила руки перед собой, но её это не спасло: Андрей был сильнее, и эти руки оказались прижаты к его груди так, что оттолкнуться ими возможности не было.

Капюшон чуть было не слетел с головы девушки от резкого движения, но рука Туманова в последний момент легла на её затылок и не дала капюшону упасть. Вторая его рука оказалась на спине Анжелики и крепко прижала её к себе. Всё это произошло за доли секунды. А затем губы вожака впились в рот подруги поцелуем.

Что это был за поцелуй! Горячий, страстный, крепкий. Всё в душе у Ангелы всколыхнулось от этого поцелуя. Весь мир провалился куда-то, исчез, и ничего и никого в нём не осталось кроме них двоих. Несмотря на мороз, ведьме стало жарко.

Таким образом её точно никогда не целовали. Её вообще кроме Ильи, не считая Виктора с его насильственным поцелуем, никто больше не целовал, а поцелуи Ильи в сравнении с этим были безликими и даже, можно сказать, посредственными. В них словно отсутствовало что-то очень важ-

ное. В них словно не было самой сути. Этот же поцелуй был иным: он был наполнен чем-то. Чем-то незнакомым девушке.

Это был бешеный, дикий, звериный поцелуй. Однако, как ни странно, грубым его назвать было нельзя.

Поначалу Лика была безучастна. Она была ошеломлена и только позволяла себя целовать. А потом рука Волка надела на её затылок. Эта рука заставляла, вынуждала её ответить на поцелуй. Мужчина как будто говорил ей этим жестом: «Ты хотела получить доказательство? Так бери его!». И Анжелика подчинилась. Но вовсе не потому, что он заставлял: о ссоре она успела позабыть – но потому, что хотела этого. Она хотела ответить и ответила.

После этого их обоих закрутило в вихре этого поцелуя. Они целовались, как сумасшедшие, позабыв обо всём на свете. Они всё целовали друг друга и целовали. Сердце Ангелы билось очень быстро и очень громко. Ей казалось, что звук его биения разносится по всему Тёмному лесу. Сердце Андрея тоже билось, как ненормальное, – девушка ощущала это сердце под своими руками, прижатыми к его груди.

Голова у Лики начала кружиться. Её пальцы изо всех сил вцепились в края полурасстёгнутой куртки Туманова. Правда, она всё равно бы упала, если бы он не держал её так крепко.

Дыхание у обоих сбилось, стало поверхностным. И когда ведьме показалось, что она вот-вот задохнётся, вожак стаи,

наконец, прекратил её целовать.

И он, и она громко втянули в себя воздух, который им не удавалось вдохнуть полными лёгкими последние несколько минут. Они находились в полубессознательном состоянии и некоторое время просто стояли, прислонившись друг к другу лбами. Глаза у Анжелики были закрыты, и сил открыть их она в себе не находила: веки казались безумно тяжёлыми. Губы у девушки горели от поцелуя, а дыхательные пути – от холодного, зимнего воздуха, который она с жадностью вдыхала.

Волк тоже очень тяжело дышал, как слышала ведьма. И сердце его билось практически в том же ритме, что и во время поцелуя. Оно лишь немного сбавило частоту биения.

– Я тебя убедил или мне продолжить? – задыхаясь, спросил Андрей.

И только теперь к Ангеле вернулась память. Она, наконец, вспомнила о ссоре, о том, что всё это было фарсом. И о том, что этот поцелуй – всего лишь доказательство. Что ж, она не могла не согласиться с тем, что геи так не целуются.

– Не надо, – слабым голосом попросила девушка. – Я всё поняла. Ты убедил.

– Отлично.

Тон мужчины был лёгким. Добившись от неё ответа, он тут же отстранился и отступил. По всему было видно, что он относится к этому поцелую так, как и должно: как к ничего

не значащему эпизоду. Это был спор и ничего больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.